

ISSN 1857-2685

Русь

№ 1 (23), 2011

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Востоочноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2011, № 1 (23)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

доктор истории П. Шорников (Молдавия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Тел.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2011

© Association «Rus'», 2011

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ И МОЛДАВИЯ (к 300-летию Прутского похода Петра I) / THE RUSSO-TURKISH WARS AND MOLDAVIA (upon the 300th Anniversary of the Pruth Campaign of Peter I)

- Сергей СУЛЯК**
Русско-турецкие войны и Молдавия 5-6
Sergei SULJAK
The russo-turkish wars and Moldavia
- Петр ШОРНИКОВ**
От конфедерации – к автономии в составе России. Прутский поход русской армии и эволюция молдавского этногосударственного проекта 7-15
Petr SHORNIKOV
From Confederation - to Autonomy as part of Russia. The Pruth Campaign of the Russian Army and the Evolution of the Moldavian Ethno-State Project
- Александр МАСАН**
«До местечка Чернявец сего же сентября в 23 день» (О русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах в 1709 г. и ее международных последствиях) 16-29
Aleksandr MASAN
«To the town Cherniavets on the 23rd day of this September» (About the Russo-Swede-Cossack Skirmish in Chernovtsy in 1709 and its International Ramifications)
- Сергей СУЛЯК**
Российская имперская идея от Ивана III до Петра Великого: взгляд с Юго-Западной окраины Русского мира 30-43
Sergei SULJAK
The Russian Imperial Idea from Ivan the Third to Peter the Great: a View from the South-West Region of the Russian World
- Александр ОГУЙ**
Прутский поход Петра I и особенности денежного обращения Молдавии и Буковины 44-51
Alexander OGUY
The Pruth Campaign of Peter I and the Peculiarities of Monetary Circulation in Moldavia and Bucovina
- Георгий КОЖОЛЯНКО**
Освобождение Буковины от турок в ходе русско-турецкой войны конца 60-х гг. XVIII в. и аннексия края Австрией 52-60
Georgii KOZHOLIANKO
The Liberation of Bukovina from the Turks during the Russo-Turkish War at the end of the 60's of the 18th C. and the Annexation of the Land by Austria

Владимир ВАСИЛИК Дипломатические отношения Русского государства с княжествами Молдавия и Валахия в XV-XVIII в.: традиции и тенденции	61-68
<i>Vladimir VASILIK</i> <i>Diplomatic Relations of the Russian State with the Moldavian and Wallachian</i> <i>Kingdoms in the 15th - 18th Centuries : Traditions and Tendencies</i>	

Олександр КОЖОЛЯНКО Верхнє Подністров'я (Хотинщина) у роки російсько-турецької війни початку XIX ст.	69-74
<i>Aleksandr KOZHOLIANKO</i> <i>Upper Podnestrovyye (Khotin Region) during the years of the Russo-Turkish War at</i> <i>the beginning of the 19th C.</i>	

Николай ЧЕРВЕНКОВ Болгары в русско-турецкой войне 1806-1812 гг.: политические идеи	75-80
<i>Nikolai CHERVENKOV</i> <i>Bulgarians in the Russo-Turkish War (1806-12): Political Ideas</i>	

АРХИВ / ARCHIVES

Леонид МАЙКОВ Княжна Мария Кантемирова	81-154
<i>Leonid MAIKOV</i> <i>Princess Maria Cantemirova</i>	

Документы по истории Молдавии	155-169
<i>Documents on Moldavian History</i>	

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet	170-184
---	---------

Сведения об авторах	185-186
<i>Information about the Authors</i>	

Summary	187-188
---------------	---------

Правила публикации в журнале «Русин»	189
<i>Rules of Publication in the Journal «Rusin»</i>	

Подписка на международный исторический журнал «Русин» ..	190-191
<i>Subscription to the International Historical Journal «Rusin»</i>	

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ И МОЛДАВИЯ

Конфликты России с Турцией начались со времени завоевания последней Крыма в 1475 г. С 1507 г. начинаются постоянные набеги крымских татар на земли Московского княжества. Только за первую половину XVII в. из Московской Руси татарами было угнано более 200 000 человек, около 4 % населения. Малороссия потеряла еще больше.

Россия стремилась закрепиться на Черноморском побережье и пресечь набеги татар и турецких отрядов. Кроме того Россия, как центр православного мира - «Третий Рим», отстаивала права православных народов Османской империи. Русско-турецкие войны охватывают период длительностью 241 год. За этот период произошло 12 русско-турецких войн (1568-1570, 1676-1681, 1686-1700, 1710-1713, 1735-1739, 1768-1774, 1787-1792, 1806-1812, 1828-1829, 1853-1856, 1877-1878, Кавказский фронт Первой мировой войны в 1914-1918).

В ходе русско-турецких войн XIX в. к Российской империи были присоединены территории Черноморского побережья, Пруто-Днестровское междуречье (Бессарабия), Крым, части территории Кавказа, получили независимость Румыния (1877), Болгария и Сербия (1878).

В 2011 г. есть несколько памятных дат в истории российско-молдавских отношений. Летом 1656 г. было достигнуто соглашение между царем Алексеем Михайловичем и молдавским господарем Георгием Стефаном о принятии Молдавии в русское подданство. 13 апреля 1711 г. Петр I заключил секретный Луцкий договор с Дмитрием Кантемиром, согласно которому Молдавия становилась «под протекцию» России, восстанавливая свои границы, существовавшие до установления турецкого господства, сохраняя свою внутреннюю автономию. В июне 1711 г. русская армия вступила на территорию Молдавского княжества. Начался знаменитый Прутский поход.

Надежда на освобождение Молдавии от турецкого ига появилась после начала военных конфликтов России с Турцией из-за Азова в конце 30-х гг. XVII в. и освободительной войны в Малороссии под руководством Богдана Хмельницкого. В войсках Хмельницкого воевало немало выходцев из Молдавии (молдаван, русинов и представителей других национальностей). В первый год восстания (1648 г.) при осаде Львова действовал молдавский полк. В битве у Берестечка в 1651 г. на стороне казаков сражалось 4000 уроженцев Молдавии. Многие из них (волохи и русины) занимали в казацком войске руководящие посты: Сила Волошин, Мудренко и др.

После воссоединения Малороссии с Россией (Переяславская рада 1654 г.) у Молдавии появилась реальная возможность сбросить турецкое иго. Весной 1656 г. молдавский господарь Георгий Стефан направляет делегацию «думных бояр» во главе с митрополитом Сучавским и всея Молдавии в Москву с просьбой принять Молдавию «под высокую руку»

царя. Летом 1656 г. было достигнуто соглашение о принятии Молдавии в русское подданство, и в начале июля посольство Молдавии было приведено к присяге.

К сожалению, тогда осуществить данный проект не удалось. Россия не могла пойти на военный конфликт с Турцией, так как из-за присоединения Малороссии к России воевала с Речью Посполитой (1654-1667) и ее союзником Швецией (1656-1658).

После Полтавской битвы (1709), не без интриг шведского короля Карла XII, который вместе с И. Мазепой и остатками своей армии находился на территории Турции (Бендеры), началась новая русско-турецкая война. В союзные отношения с Россией вступил молдавский господарь. Договор Петра I с Дмитрием Кантемиром 1711 г. в основном повторял соглашение 1656 г.

В мае 1711 г. до начала военных действий Петр I издал специальный манифест к населению Молдавии, Валахии и ко всем христианским народам с призывом совместной борьбы против Турции. В военной сводке штаба действующей армии сообщалось, что «волохи к нашим беспрестанно приходят и с великим доброжелательством и желанием». Летописец Ион Некулче констатировал, что при вступлении русских войск в Молдавию на борьбу с турками «поднялись все оргеевцы, сорочане и лапушняне и шли с ними до перехода реки Прут». В 15-дневный срок Д. Кантемир собрал войско из 6-7 тыс. человек.

Ранее сформированные из уроженцев Молдавии воинские подразделения русской армии сражались в Полтавской битве, затем участвовали в военных действиях на территории Молдавии. В составе русской армии находились отряды полковников Апостола Кигеча, братьев Антония, Василия и Ионицы Танских. Русинские фамилии командиров и сам факт организации набора добровольцев на севере Молдавии (в местах компактного проживания русинов) при помощи черновицкого старосты, впоследствии полковника на русской службе Константина Туркула (Туркульца), дают основание предположить наличие значительного количества русинов в данных подразделениях.

Уроженцы Молдавии воевали в рядах русской армии и в последующих русско-турецких войнах, принимая активное участие во всех крупных военных операциях. Во время войны 1735-1739 гг. в составе русской армии действовал корпус молдавских добровольцев во главе с сыном господаря Антиоха Кантемира Константином. Во время войны 1768-1774 гг. в составе русских войск было около 12 тыс. уроженцев Молдавии. В войне 1787-1792 гг. молдавские волонтеры сражались под командованием А.В. Суворова в битве близ Фокшан (800 чел.), при Рымнике (в русском войске из 7042 чел. было 956 волонтеров), участвовали в штурме Измаила (около 2 тыс. чел.). К началу апреля 1807 г. (русско-турецкая война 1806-1812 гг.) количество волонтеров, набранных в Дунайских княжествах, составило 20 тыс. человек.

Сергей СУЛЯК,
главный редактор

Петр ШОРНИКОВ

ОТ КОНФЕДЕРАЦИИ – К АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ РОССИИ.

Прутский поход русской армии и эволюция молдавского этногосударственного проекта

В начале XVIII в. Россия была вынуждена бороться за выход к Балтийскому морю и свободу торговли с Западной Европой. Задачей являлись отвоевание Ижорской земли, захваченной шведами в годы Смуты, и отмена принципа морской блокады русского побережья у Ивангорода, закрепленного условиями Тявзинского мирного договора 1695 г. 27 июня 1709 г., разгромив под Полтавой шведскую армию Карла XII, лучшую в Европе, русские добились перелома в Северной войне. Но английская дипломатия попыталась изменить ход событий, связав русских войной с турками. В ноябре 1710 г. при ее «содействии» Османская империя объявила России войну. Господарем Молдавии тогда же, в ноябре 1710 г., султан Ахмед III назначил Дмитрия Кантемира.

По вопросу о том, как жить: под крылом российского орла или под пятой мусульман – молдаване определились задолго до Кантемира. Вскоре после захвата Константинополя турками (1453 г.), за полвека до знаменитых писем псковского старца Филофея царю Василию III (1510–1511 гг.), молдавский господарь Стефан III Великий решил, что Третий Рим – это Москва. В 1462 г. он женился на киевской княжне Евдокии Олельковне из рода Рюриковичей, а в 1482 г. выдал дочь Елену за царевича Ивана. Ивану III Большому он принес вассальную присягу. Великим князем Московским и господарем Молдавии должен был стать Дмитрий, внук Ивана III и Стефана III. Превратности истории помешали осуществлению этого проекта. Но после установления османского владычества над Молдавией (1538 г.) едва ли не каждый господарь посылал тайных гонцов в Москву. Известие о присоединении Малороссии к Руси Московской, принятом в январе 1654 г. Переяславской радой, вызвало в Молдавии ликование. Господарь Георгий Стефан направил в Москву гонца Григория, а в 1655 г. – посольство во главе с митрополитом Гедеоном и великим логофетом Георгием Нянюлом с просьбой принять Молдавию под высокую руку царя Московского. В 1656 г. Алексей Михайлович подписал указ о присоединении Молдавии к Руси; указ был зачитан в московских церквях, члены посольства принесли присягу. Но в условиях

войны с Речью Посполитой и Швецией Москва не могла позволить себе войну также с Османской империей. Объединить два государства не удалось и на этот раз.

Час объединения, казалось, пробил в 1711 г. Дмитрий был человек исключительных дарований, ученый–энциклопедист и искусный политик. Как заложник и представитель своего брата Антиоха, господара Молдавии в 1695-1700 и 1705-1707 гг., он прожил в Константинополе 23 года. Но воспринятая в юности московская ориентация молдавского народа, подкрепленная общением с православными греками, возобладали в его сознании. Дмитрий написал роман «Иероглифическая история», проникнутый ненавистью к османам, установил связи с патриархом Иерусалимским Досифеем и русским послом в Константинополе П.А. Толстым, тайно поступив на русскую службу. Его назначению господаром Молдавии способствовали влиятельные при султанском дворе греки и даже друга детства – крымский хан. Султан Ахмед также полагал, что Кантемир наилучшим образом обеспечит использование ресурсов Молдавии в войне против России.

Молдавии предстояло стать ареной военных действий. Кантемир спешил подготовить княжество к войне против турок. Не пройдя обычную в таких случаях церемонию посвящения в господари, он покинул Константинополь. 10 декабря новый господарь прибыл в Яссы и немедленно послал своего доверенного человека капитана Прокопия к Петру I. В январе 1711 г. в Яссы конспиративно прибыли царские эмиссары Савва Рагузинский и Георгий Поликала, знакомые Дмитрию по жизни в Константинополе, разделявшие идею освобождения православных народов от турецкого ига при посредстве России. Они обсудили условия заключения тайного союза господаря с Петром I и, следует полагать, основные положения русско-молдавского союзного договора, который предстояло заключить.

Предварительные договоренности Кантемир начал выполнять незамедлительно. По его поручению молдавский поверенный в делах в османской столице грек Янио Критянин добился улучшения условий содержания Петра Толстого, с началом войны заключенного турками в Семибашенный замок, и обеспечил секретную переписку посла с русским правительством². Политически еще более важной стала операция по спасению Константина Брынковяну, правителя Валахии, который также пообещал Петру I поддержать русских в войне против османов и договорился о включении своего княжества в состав России. Туркам было известно о традиционной вражде господарских семей Молдавии и Валахии. К. Брынковяну десятилетиями интриговал при султанском дворе против Кантемиров и даже пытался устроить убийство Дмитрия. При назначении господаром Дмитрию было по-

ручено следить за поведением валашского правителя, которого султан был намерен в скором времени низложить. Пообещав туркам содействие, Кантемир предпочел действовать в общих интересах Молдавии и России. Он предложил османам предварительно получить от Брынковяну 500 кошелей золота на снаряжение турецкого войска. Господарь Валахии, вероятно, по подсказке русских, согласился выплачивать по 100 кошелей в месяц. Турки согласились. Тем самым воевода Дмитрий предотвратил смещение и казнь своего смертного врага, волей Петра ставшего союзником России и Молдавии³.

В начале апреля 1711 г. к Петру I, находившемуся с войском в Луцке, прибыл вистерник (хранитель казны) Молдавского княжества боярин Штефан Лука. 3 (13) апреля царь подписал и вручил молдавскому боярину документ из 17 пунктов, озаглавленный «Диплом и пункты», вошедший в историю как Луцкий договор. «Диплом», содержание которого, несомненно, было скоординировано в январе в дискуссиях Кантемира с Саввой Рагузинским и Георгием Поликалой, выражал взгляды Петра и Кантемира на форму присоединения Молдавии к России. Договор предусматривал освобождение княжества от османского владычества и его переход под протекторат России. Петр гарантировал княжеству возвращение Буджака и территорий, прилегающих к Хотинской, Бендерской и Белгородской (Аккерманской) крепостям, находившимся под прямым управлением турок и татар. Особыми пунктами была гарантирована самостоятельность Молдавии во внутренних делах, права молдавских бояр. Господарский престол закреплялся за родом Кантемиров⁴. Правитель Страны Молдавии, с удовлетворением отметил летописец Иоанн Некулче, был признан ее самодержцем и другом Страны Московской, а не покорным рабом⁵. Между Россией и Молдавией Петр I предлагал установить конфедеративные отношения. Господарю надлежало объявить туркам войну.

Общая приверженность молдаван своему этнополитическому проекту обеспечила политическое единство всех социальных слоев. На стороне России оказалось и большинство бояр. О действиях Кантемира и турок русского царя информировали первые лица молдавской церкви и молдавского войска – митрополит Геден и гетман Антиох Жора. Члены Дивана (Боярского Совета) великий логофет Николай Костин, ворник Иоанн Стурза, вел–вистерник Илие Катаржиу и другие на случай, если Кантемир поддержит турок, сговорились покинуть его и перейти на сторону русских. Жора мог совершить переворот и схватить Кантемира, которого, как и все молдаване, считал турецким ставленником, а бояре-заговорщики – просто убить его. Кантемир почувствовал отчуждение знати. Назначив гетманом своего друга и советника Иоанна Некулче, он обезвредил первый заговор.

21 мая господарь созвал бояр и, сообщает тот же И. Некулче, «поведал им о том, что призвал он москалей, которые прибыли и переходят Прут у Загаранчи. Тогда бояре, услышав об этом, возрадовались все и с ликованием ответили господарю: "Правильно поступил ты, государь, ибо опасались мы, что уйдешь ты к туркам, и так помышляли мы, что, ежели увидим, что переходишь ты к туркам, то покинем тебя и пойдем поклонимся москалям"»⁶. Саморазоблачение заговорщиков не имело практических следствий, поскольку почти все члены Дивана поддержали решение господаря. Промолчал только ворник Костаке Лупул; позднее он сообщил о случившемся турецкому паше – коменданту крепости Силистрия на Дунае⁷. К народу Кантемир обратился с манифестом, в котором перечислил бедствия, которые терпела Молдавия от порабитителей, и призвал: «Все люди нашей страны, берите оружие и идите на помощь»⁸.

О том, насколько глубоко проник интеграционный проект Стефана Великого в сознание молдаван, свидетельствует поведение народа. Никогда не видел русских, они встретили русское войско без страха и с радостью. При известии о вступлении русских в Молдавию в Яссах и по всей стране против турок выступили горожане и крестьяне. Когда полки под командой фельдмаршала Б.П. Шереметева прибыли в Оргеев, вспоминал И. Некулче, «поднялись все оргееане, сорочане и лапушняне и пошли с ним, пока не перешел Прут[...], а служиторы остались все у Думитрашко-воеводы в войске». Когда Кантемир, объявив туркам войну, призвал бояр и служиторов к оружию, на его призыв, по словам Некулче, откликнулись и бояре, и мазылы (свободные крестьяне), а служиторы возвращались даже из-за границы; «очень немногие не пришли». Записывались в войско сапожники, портные, корчмари, слуги боярские, покидая бояр, спешили под стяги. В 15 дней собралось 10–тысячное войско, правда, больше было безоружных, чем вооруженных. По другим данным, явились 30 тыс. добровольцев, но вооружить их оказалось нечем⁹.

Кантемир верно оценил позицию народа, и уже при встрече с Петром повел себя не как союзник, а как подданный. Дабы не беспокоить царя, он отказался войти в господарский дворец. Петр в этот момент принимал ванну, но, извещенный о прибытии воеводы Дмитрия, немедленно оделся и спустился по лестнице. При этой первой их встрече господарь неожиданно для Петра по восточному обычаю поцеловал ему руку. Царь не собирался аннексировать Молдавию, в Кантемире он видел владетеля союзного государства. Он обнял господаря, поднял и расцеловал его. Но на следующий день, когда полковники и ротмистры молдавского войска, поставленные в строй у церкви Трех Святителей, также целовали ему руку, Петр понял, что молдаване видят в нем своего властителя, и принял присягу верности.

В иной, по сути скандальной, форме свое несогласие с уровнем интеграции Молдавии с Россией, предусмотренным Луцким договором, высказала боярская оппозиция. В присутствии министра Г.И. Головкина и царского советника Саввы Рагузинского бояре во главе с ворником Иордаке Руссетом выступили против передачи господарского престола по наследству, предусмотренной пунктом 3 договора. Отказываясь от пункта о конфедеративных отношениях Молдавии с Россией, бояре потребовали назначения господарей российским самодержцем по совету с ними¹⁰, т. е. включения Молдавии в состав России на правах автономии.

Шла война, и любое несогласие надлежало пресекать. Но оппозиционеры протестовали не против союза Молдавии с Россией, они лишь признали недостаточно тесной предусмотренную Луцким договором степень интеграции двух государств. Петр I, недостатком решительности не страдавший, колебался. Подтверждая признание суверенитета Молдавии, на пиру царь отказался занять почетное место во главе стола и усадил в это кресло Кантемира, оказывал знаки внимания молдавским боярам. Наутро он один, без охраны, через черный ход покинул господарский дворец, погулял по городу и пришел в церковь Трех Святителей. Там монарх вновь отказался от предложенного ему митрополитом Гедеоном господарского кресла и отстоял службу вместе с прихожанами. Уважительно поговорив с предстоятелем Молдавской церкви, отведал холодной воды с вареньем, по молдавскому обычаю предложенной ему монахами. Настроения молдаван и ход мобилизации показывали, что народ уже считает себя принятым в российское подданство и рад этому. Однако пересмотр условий Луцкого договора в разгар войны мог внести в молдавское общество раскол. Только через неделю по настоянию Кантемира царь все же распорядился взять И. Руссета под стражу, но сохранил боярину жизнь¹¹.

В войне против Порты предполагалось участие 20 тыс. сербских повстанцев. Константин Брынковяну, правитель Валахии, обязался выставить против османов 30–тысячное войско, столько же воинов обещали прислать Петру польские союзники России. Но русское командование недооценило мощи и мобильности османов. Константин Брынковяну, уstraшенный численностью турецких войск, переправлявшихся через Дунай, не посмел дать им бой; сорвал он и проход на помощь русским и молдаванам 18 тыс. сербских добровольцев. Не достигло пределов Молдавии и 12–тысячное польское войско, направленное в помощь Петру королем Августом II Сильным. 9 июля 1711 г. западнее Прута, у села Станилешты, 38 тыс. русских и 7 тыс. молдаван были окружены 190–тысячным войском турок и татар.

Это был момент истины, во многом определивший дальнейшее отношение молдаван к России. Русские дрались умело и отважно, рус-

ская артиллерия, вспоминал И. Некулче, будто метлой сметала лавы атакующих янычар. Вместе с русскими татарскую конницу три часа сдерживало молдавское войско во главе с Кантемиром. В бою проявилась перемена в духе молдаван. «Хотя были они войском сборным, неухоженным, без оружия и необученным войне, – вспоминал гетман, – среди них нашлись храбрецы, которые, выезжая из рядов, вызывали турок на поединок. Молдаване отбивались от татар, сколько могли, но, когда в бой вступили янычары, бросились под защиту русских пушкарей, которые обратили их отступление в успех»¹². Потеряв 8000 убитыми, янычары отказались продолжать бой. От визиря они требовали выполнить приказ султана о заключении мира, а к русским посылали парламентаров, призывая договориться с визирем и прекратить кровопролитие. 13 июня русские войска взяли на Дунае турецкую крепость Браила¹³. Но соотношение сил оставалось чрезвычайно опасным для русских и молдаван. После трех дней боя Петр заключил мир.

Свой переход в подданство России молдаване осознали как обретение права на участие в ее делах. Первым проявлением этого сознания, собственно, и стало выступление боярской оппозиции во главе с И. Руссетом. При Станилештах сам Д. Кантемир пытался давать победителю шведов советы, как воевать с турками, а затем, не страшась царского гнева, возражал против намерения Петра заключить мир. Несколько дней спустя, когда мирный договор все же был подписан, и фельдмаршал Б.П. Шереметев запретил молдаванам нападать на татар, угонявших полон, молдавские воины, во время боев неукоснительно выполнявшие приказы русских командиров, повели себя подобно казачьей вольнице. Они высказали военачальнику свое возмущение и поступили по собственному разумению¹⁴. Могли ли молдаване позволить себе оспаривать повеления турецкого султана? Свыше 4 тыс. молдаван вместе с Д. Кантемиром переселились в Россию.

Участие совместно с русскими в антитурецкой войне возвысило молдаван в собственных глазах. Прибыв после подписания мира в Яссы, турецкий командующий Мехмет Балтаджи-паша пять дней ожидал, когда придет к нему с поклоном кто-нибудь из бояр. Не явился никто. И. Некулче объяснил такое поведение знати страхом расправы. Но не пришли на поклон даже молдаване, сохранившие с турками политические связи. Костаке Лупул был доставлен к паше едва ли не под конвоем. Но и он повел себя с неожиданным достоинством. На высказанные турками в адрес молдаван обвинения в «измене» ворник ответил, что виной случившемуся – не молдавские бояре и не народ, а сами турки, которые назначают правителей, не считаясь с волей бояр. Визирь не нашел достойного ответа. В тот момент выбора у турок не имелось, и К. Лупул был назначен каймакамом – заместником госпо-

даря¹⁵. Но на протяжении следующих 110 лет ни один молдаванин не был утвержден правителем Молдавского княжества.

Поскольку Прутский поход молдаване обоснованно расценили как попытку освобождения Молдавии от ига османов, на Петра I не пало обвинений за последующие грабежи и насилия турок и татар. Выступление, предпринятое ими под водительством Петра и воеводы Дмитрия, было делом всего народа, и молдаване стоически приняли невзгоды, вызванные его неудачей. Главным моральным итогом Прутского похода оказалось для них обретение новой духовной опоры и исторической перспективы, новая и высокая самооценка. Ощущение нравственной победы вошло в сознание народа и обусловило оптимистическую трактовку событий 1711 г. новыми поколениями молдаван.

Петр, военный герой, абсолютный монарх и благородный союзник, стал у молдаван идеальным воплощением покровителя. Вдохновляющие воспоминания об освободительной войне под его водительством получили благоприятное отражение в трудах молдавских летописцев и молдавской классической литературе. Николай Костин именовал Петра I императором за десять лет до принятия им этого титула. Летописцы подчеркивали его простоту в общении и расположение к молдаванам. Едва ли не каждый шаг царя в Яссах был ими зафиксирован и истолкован благоприятным для него образом. На покровителя молдаван не могло пасть тени. Осудив Петра за излишнее доверие к союзникам и посетовав на малочисленность русских войск, И. Некулче по существу снял с царя вину за неудачный исход антиосманской войны. Молдаване впервые увидели войско, успешно сражающееся с турками, они осознали свою причастность к этой силе, и главное внимание летописцы уделили описанию доблести русских воинов¹⁶.

Оценили молдаване и нравственное превосходство русских. Во время сражения при Станилештах особое впечатление произвело на них упорство русских солдат, защищавших от татарской конницы обоз с ранеными и заболевшими. Константин Негруци воспел благородство и мужество царя, который, несмотря на отчаянное положение армии, в ответ на требование выдать Дмитрия Кантемира заявил: «Я лучше уступлю туркам все земли до Курска, ибо остается надежда их отвоевать, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием». Александру Хыждэу именовал русского царя «наш друг» и подчеркнул мессианскую роль России в освобождении православных народов от мусульманских поработителей, а Алеку Руссо назвал Петра «москальским светочем», ясным солнцем молдавской истории, поставил его рядом со Стефаном Великим и разделил прошлое молдаван на две эпохи – допетровскую и послепетровскую. При том, что вторая оставалась эпохой «крови и слез, даней и позора», только в ней усмотрел он огонек национального освобождения¹⁷.

Величайшим из людей, когда-либо ступавших на землю Молдавии, провозглашал Петра Михаил Когэлничану. «Настает начало восемнадцатого века, – отметил он в своем знаменитом Вступительном слове к курсу национальной истории в Михайлянской академии (1843 г.), – и Молдавия видит самую величественную из всех фигуру, Петра Великого»¹⁸. И даже Михаил Эминеску, к России настроенный критически, в русском царе видел «человека, в котором необычайные страсти создают энергичное единство [...], историческую личность, чувствующую свое бессмертное предназначение в мире, великана, преобразующего степную бесконечность в великую империю, в европейскую силу, стоящую по ту сторону коварного и ревнивого человека»¹⁹. «Молдо–Влахия, измученная войнами в XVIII веке, укрылась под щитом Великого Петра, российского императора», – подвел нравственный итог молдавской политике России другой, уже бессарабский классик молдавской литературы Константин Стамати²⁰. Образ Петра стал для молдавского народа символом грядущего освобождения. «Нет ни одного молдо-румына, – отмечал в середине XIX в. Георге Асаки, – который не слышал бы от стариков бесчисленных рассказов о величии и могуществе России, коим и в наши дни дала она тысячи доказательств; следует также знать, что основателем этой империи, одной из самых обширных в мире, был славный Петр, по праву называемый Великим»²¹.

Подготовленная идеологией православного единения встреча молдаван с русскими получилась братской. Она укрепила в молдавском народе веру в дружбу и силу России, позволила молдаванам впервые со времен Стефана Великого ощутить себя участниками антиосманского фронта христианских стран, возродила в них исторический оптимизм, обусловила радикализацию молдавской программы национального освобождения и растущую ее поддержку массами молдаван.

В 1739 г. условия Луцкого договора с «поправкой» Йордаке Руссета и других бояр-«автономистов» 1711 г. молдавские бояре и высшее духовенство включили в «Договор между статами духовными и светскими Молдавского княжества и фельдмаршалом графом Минихом. – О вступлении оногo княжества в подданство под Российскую державу на условиях, утвержденных графом Минихом». Этот документ предусматривал более высокую степень интеграции Молдавии с Россией, чем Луцкий договор. Подобные пожелания высказывали молдавские и валашские бояре и во время войны 1768-1774 гг. В начале XIX ст. они добивались присоединения Молдавии к России, не упоминая о самоуправлении княжества²². Но уже оценка молдавским народом условий Луцкого договора в 1711 г. показала, что в единении с Россией молдаване видят не только избавление от турецкого ига, но и форму окончательного устройства своей национальной судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1969. П. 234.

2. *Iorga N.* Basarabia noastră; *Arbure Z.* Liberarea Basarabiei; *Boga L.* Lupta pentru limba romanească și ideea unirii. Chișinău, 1993. P. 120.

3. *Гражуль В.С.* Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. М.: Гейтерум, 1997. С.23-27; *Некулче И.* Оп. чит. П. 237, 238; Подробнее см.: *Шорников П.* Участие Дмитрия Кантемира в тайной войне против Османской империи // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2008. № 1-2 (11-12). С. 39-41.

4. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Авторы и составители: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Документы и материалы. М., 1996. С. 91-95.

5. *Некулче И.* Оп. чит. П. 246.

6. Ibid.

7. Историческое значение присоединения Бессарабии и Левобережного Поднепровья к России. Кишинев: Штиинца, 1987. С. 36.

8. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. С. 354.

9. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 117,118.

10. Там же.

11. *Costin N.* Scrieri. In două volume. Vol. I. Chișinău. 1990. P. 384, 385; *Яцимирский А.И.* Румынские рассказы и легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. № 5-6. С. 551.

12. *Некулче И.* Оп. чит., П.261.

13. Ibid. П. 257-268; *Гражуль В.С.* Указ. соч., С.33.

14. *Некулче И.* Оп. чит. П. 251, 265, 271, 258, 259, 261.

15. Ibid. П. 376.

16. Ibid. П. 257-270.

17. *Руссо А.* Опере. Кишинэу, 1967. П. 133, 134, 135; Бессарабия на перекрестке ввропейской дипломатии. Авторы и составители: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Документы и материалы. М., 1996. С. 54-59; *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 368, 369.

18. *Когэлличану М.* Опере алесе. Кишинэу, 1966. П. 254.

19. Цит. по: *Попович К.* Еминеску. Вяца ши опера. Кишинэу: Штиинца, 1974. П. 310.

20. *Стамати К.* Опере алесе. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1953. П. 259, 260.

21. *Асаки Г.* Исторические новеллы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. С.105

22. Подробнее см.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2007. С. 130-148.

Александр МАСАН

«ДО МЕСТЕЧКА ЧЕРНЯВЕЦ СЕГО ЖЕ СЕНТЯБРЯ В 23 ДЕНЬ»

(о русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах
в 1709 г. и ее международных последствиях)

Вольтер в «Истории Карла XII» много внимания уделил пребыванию шведского короля вблизи города и крепости Бендеры, где тот устроил свою ставку после поражения под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 г. Со времен султана Сулеймана I Великолепного (Кануни), любимой женой которого стала русинка из Галичины Роксолана (Настя Лисовская), эта крепость со всем цинутом (бывшим Тигинским) принадлежала Османской империи в качестве резиденции паши¹. Возможно, это обстоятельство дало повод Вольтеру полагать, что в Бендерах Карл XII «ждал турецкую армию, которая должна была придти ему на помощь. Для того, чтобы теперь вынудить Блистательную Порту к этой войне, он выслал 8 сотен поляков и казаков со своего сопровождения и приказал им двигаться за Днестр, который течет невдалеке от Бендер, и наблюдать, что происходит на польских границах.

Московские войска, стоявшие везде в тех околицах, долго не выжидали, чтобы выступить против этих мелких отрядов и преследовать их оттуда за турецкие границы; а именно этого так желал шведский король. Его министры и посланники при Порте возопили относительно этого нападения и подстрекали турок к мести².

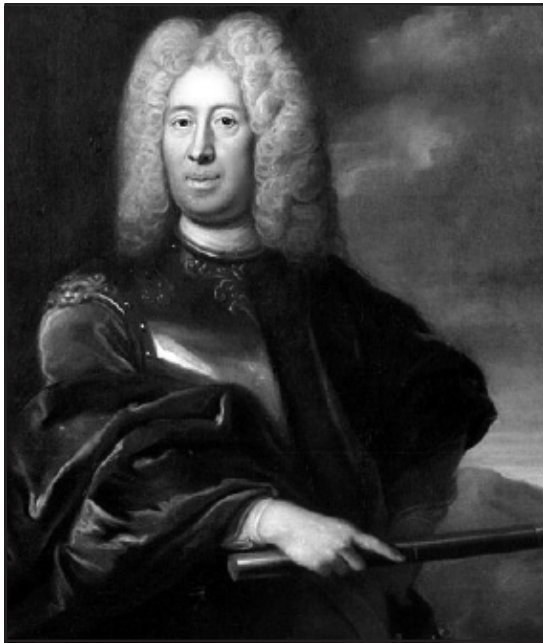
В целом Вольтер достаточно верно обрисовал ход событий, но ему не были известны некоторые существенные подробности и факты, которые действительно привели к очередному конфликту между Турцией и Россией. Имеется в виду столкновение шведских и казацких подразделений, с одной стороны, и бригады российской армии, с другой, которое произошло в Черновцах в конце сентября 1709 г. Наверняка Вольтер не имел точных данных об этом, потому и не совсем верно изложил сущность первоначальных намерений Карла XII, когда он оказался в районе Бендер.

Для восстановления хода событий необходимо обратиться «ad fontes», углубившись в подробности и даже краеведческие эпизоды, а потом уж пытаться делать широкие обобщения.

Прежде всего, король Швеции хотел просто выбраться из Молдавии в Польшу и затем в Померанию, где располагался корпус генерала

Е.Д. Крассау, под командованием которого пребывало, по некоторым данным, около 12 тыс. бойцов. Быстро добраться туда из-под Бендер можно было по старинному торговому пути через Сучаву, Черновцы, Львов и Краков. Но сначала необходимо было выяснить, безопасна ли эта дорога, и, конечно, обеспечить защиту Карла XII и И. Мазепы во время их переезда. С этой целью еще в августе 1709 г. в Черновцы прибыл подполковник (по другим данным – полковник с 1707 г.) королевской лейб-гвардии и генерал-квартирмейстер Аксель Йилленкрук (Axel Gyllenkrook) (рис. 1)³. В его распоряжении находился шведский полк численностью около 560 офицеров и солдат, хотя, как отмечал Г.А. Нордберг, только 160 из них имели ружья. Небольшие подразделения этого полка расположились также в Радовцах (Рэдэуць), Сучаве и некоторых других населенных пунктах. Кроме того, вслед за Йилленкруком в Черновцы прибыл еще и генерал-адъютант Аксель Йилленклоу (Gyllenclou), имея под своим началом почти 900 казаков⁴. Видимо, эти данные не были известны украинскому историку Б. Крупницкому, который полагал, что сосредоточенные в Черновцах силы составляли только «150 шведов и около 1 000 запорожцев»⁵.

Тем временем командование российской армии внимательно наблюдало за движе-

Барон генерал-квартирмейстер Аксель Йилленкрук (1664-1730). (Г.Э. Шредер, 1727 г.).

ниями шведских и казачьих отрядов в Молдавии. Еще 7 (18) июля Петр I приказал генералу Г. Гольцу выслать «некоторую регулярную и нерегулярную конницу навстречу (*sic!* – А.М.)» Карлу XII, «дабы его поймать и для случия с его полки в Польше или Литве его не допустить»⁶. Царь полагал, что шведский король «принужден бежать иным трактом чрез Каменец и протчая места», поэтому 19 (30) августа приказал бригадиру Григорию Кропотову «идти с командированными драгуны и

казаки к Каменцу Подолскому» и «во всем к поиманию короля швецкого чинить». Бригадир должен был действовать по согласованию с молдавским господарем М. Раковицей, и царь строго предупредил Кропотова, что «ежели по случаю вступит в Волошскую землю (*Молдавию*. – А.М.), тамошним жителем отнюдь никаких обид и насилств не чинить (...) под смертной казнью»⁷.

Князь А. Меншиков направил в Подолье кавалерийскую дивизию генерал-майора А. Волконского. После этого, возможно, по совету М. Раковицы, драгунская бригада Кропотова перебазировалась с Подолья в Покутье. Полки бригады общей численностью около 4 тыс. сабель заняли посты между Кутами и Городенкой, перекрыв молдавско-польскую границу в Галичине и, соответственно, упомянутый выше путь из Черновцов ко Львову⁸.

Соединение Кропотова состояло в значительной мере из молдаван («волошан»). Их вербовкой занимался знаменитый буковинец Константин Туркул (Туркулец). С юных лет он служил в войске Речи Посполитой (РП), видимо, принимал участие в битве под Веной в 1683 г., стал ротмистром, потом полковником, доверенным лицом короля Яна III Собесского на Буковине, который в 1687 г. фактически аннексировал эту территорию, создав Черновицкое староство во главе с К. Туркулом⁹. После смерти Яна III (1696 г.) и подписания Карловицкого мира (1699 г.), согласно условиям которого РП вывела свои войска из Молдавского княжества¹⁰, Туркул и другие шляхтичи начали связывать свои политические надежды с Россией. В сентябре 1698 г. валашский резидент в Москве Г. Кастриот, призывая русское правительство направить казацкое войско в Буджак и Молдавию, отмечал, что «и Костянтин Туркулец, староста черновецкий и региментарь тамошних волоских и русских мест, (...) с великим вниманием ожидает такого дела и хочет притти в 10000-х конницы выборной»¹¹. В конце 1700 г. Туркул встретился с Г. Головкиным, который ведал внешней разведкой. Осторожный граф решил собрать о нем побольше информации и с этой целью обратился к валашскому дипломату К. Кантакузино, который пользовался в Москве особым доверием¹².

Вскоре К. Туркул снова напомнил о себе через валашского резидента Д. Корбю, который в конце 1702 г. отметил в докладной записке: «В Польше служит Речи Посполитой волошанин Констянтин Туркулец, славный воин, которой обещался со всеми волохами, которые служат в Польше, буде годны царскому величеству, готовы будут кровь свою лити для православия, только б ведомость ему учинилась». Корбья просил разрешения направить доверенное лицо к Туркулу «для проведания польских дел, потому что он знатный человек, а мне друг, яко брат родной, и мочно мне корреспонденцию иметь (...)»¹³. Короче

говоря, К. Туркул предоставлял Москве разведывательную информацию о РП. В дальнейшем он выполнял задания самого графа Головкина, который в 1706 г. возглавил Посольский приказ.

Туркул также продолжал вербовать опытных военных для русской армии. Например, в начале 1707 г. он докладывал: «(...) посылаю к вашей милости называемого Апостола Кигяча, породы доброй, который есть родом волошенин и поистине православный, во всем изрядный человек, особливо в рыцерском деле искусный, (...) и иные будут в кратком времени до той же услуги его царского величества, потому что уже я разослал, дая знать в наш край волоской, к начальным людям, дабы такую любовь учинили, чтоб на службу его царского величества как наискорее ехали»¹⁴. Действительно, кроме ротмистра А. Кигеча, который имел владения на севере Буковины, Туркул направил в распоряжение Головкина многих других офицеров и рядовых, прошедших выучку в польской кавалерии. Во всяком случае, ко времени Полтавской битвы уже сотни «волошан» служили в российской армии.

Так, в бригаде Г. Кропотова командирами полков и рот были упомянутый А. Кигеч, братья Антон, Василий и Ионица Танские и др.¹⁵ Наличие офицеров и солдат, которые хорошо знали местные условия, возможно, и послужило причиной того, что именно бригаде Кропотова было поручено поймать короля Карла XII и гетмана И. Мазепу во время их переезда по Буковине и Галичине.

31 августа (11 сентября) 1709 г. господарь Молдавии М. Раковица известил графа Головкина о том, что Карл XII и Мазепа готовятся выехать в сопровождении турецкого эскорта к Сучаве, чтобы оттуда перебраться через Карпаты в Венгрию, точнее, во владения семиградского князя Ференца II Ракоци. «Того ради радейте и промышляйте о поиманье их, и тот час пошлите довольное войско туда, и надеюсь на Бога, что их поймаете (...)». Он рекомендовал использовать как проводников полковников Туркула и Кигеча, хорошо знавших горные местности¹⁶.

Советы М. Раковицы имели под собой реальную почву, потому что Карл XII действительно планировал выехать этим путем в Закарпатье, убедившись в том, что через Подолье или Галичину ему не удастся выбраться в Польшу. Разведать путь в Карпатах и подготовить переезд короля во владения семиградского князя король поручил генералу Мейерфельту. Кстати, именно этот генерал после Полтавской битвы прибыл к Петру I и поздравил его с победой от имени Карла XII¹⁷. Мейерфельт выехал из Бендер 20 августа (по новому стилю), без приключений проехал Сучаву, Кымпулунг и карпатские перевалы, прибыв 3 сентября в Хуст (Закарпатье)¹⁸.

Стремясь перекрыть путь на север и запад Карлу XII и И. Мазепе, российское командование решило прежде всего ударить по шведам и казакам, которые стояли в Черновцах. 3 (14) сентября князь Меншиков направил бригадиру Кропотову соответствующий приказ¹⁹. Через две недели командир бригады рапортовал: «И по указу вашей княжеской светлости в Волошскую землю до местечка Чернявец сего же сентября в 23 день ходил з господином полковником Туркулом, которой вел нас зело трудными гористыми и лесистыми местами. А помянутое местечко Чернявцы от польскова рубежа милях в пяти²⁰. И пришед наши передовые, с которыми посылан господин полковник Друцкой, учинили з запорожцами-бунтовщиками стрельбу, и из наших ранили рот[ми]стра волошского и несколько волохов. Однако ж дорогу, куды бежать шведам было, наши захватили. И так оные шведы и казаки стали подле лесу и с помянутыми нашими передовыми имели стрельбу непрестанную. И до приходу моего к местечку Чернявцам взяли передовые наши шведов в полон: одного капитана, одного порутчика, двух прапорщиков, шесть человек редовых драгун. И как мы пришли в местечко Чернявцы, стали и, постройка, пошли против шведов, которые также стояли в строю (...)»²¹.

Молдавский летописец и государственный деятель И. Некулче уточнил, что шведы, услышав стрельбу, «поспешили на вершину Черновицкого холма (*iar cifedzii au purces să să suie în vîrvulu dealului Cernăuțului*)» и вступили в бой с противником, который подошел со стороны Михальчего²². Некоторые австрийские исследователи считали, что летописец имел в виду гору Цецин²³, которая и сейчас покрыта лесом («стали подле лесу»), и к югу от которой находится с. Михальче. Но дорога, которую перекрыл передовой отряд полковника Друцкого («куды бежать шведам было»), должна была идти на юг, а не через Цецин, ведь эта гора возвышается над Черновцами с запада (тогда – около 450 м над уровнем моря).

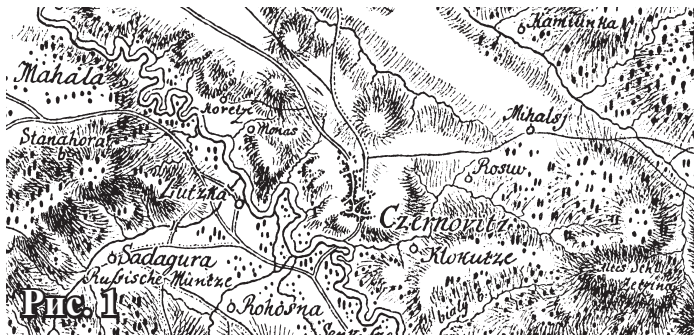
На первой топографической карте Буковины, созданной капитаном австрийского Генштаба Фридрихом фон Мигом в конце 1773 – начале 1774 г., четко видно, что главной дорогой из Черновцов в южном направлении была нынешняя ул. Червоноармейская, которая в XIX – начале XX в. называлась Великокучуринской²⁴ (рис. 1). Следует обратить внимание на особенность упомянутой карты: юг находится сверху, а север – внизу. На используемом фрагменте она занимает центральное положение, обозначена линией с пунктиром справа и следует строго вверх, т. е. на юг. В XVIII – начале XIX в. из Черновцов в Сучаву ездили именно через Великий Кучурич. В описании пределов города, составленном в сентябре 1782 г., записано, что естественная граница между Черновцами и Великим Кучуричем проходила по Яблонецко-

му ручью «даже до моста, который расположен над этим ручьем на главной дороге (die Hauptstrasse)»²⁵. Далее межа шла на восток к Молодиевской дороге (Mologiaer Strasse), которая, таким образом, была второстепенной дорогой. В верхней части фрагмента карты Мига она обозначена простой линией, которая отходит влево от главной трассы. С правой стороны, но ниже, показана такая же сельская дорога, ведущая к упомянутому И. Некулче селу Михальче (на карте – Mihalsj), по которой и прибыли драгуны Кропотова. Касательно Цецина, то на используемом фрагменте эта гора показана в его нижнем правом углу. На вершине горы с трудом можно прочесть: «Altes Schloss Zetzina» – «Старый замок Цецина»²⁶. Но эта вершина далековато расположена от старой части города и дорог, о которых идет речь.

На карте Мига также хорошо видно, что давняя главная дорога начиналась в Черновцах немного ниже нынешней Центральной площади и шла на юг, совпадая с частью теперешних улиц Головной и Червоноармийской. Справа от последней картограф показал острую вершину, расположенную в верхней части нынешней Соборной площади. В XVIII в. она была высокой, однако во время строительства здания австрийского «криминала» в 1812-1819 гг. ее срезали и выровняли²⁷. И все же именно там расположена самая высокая точка черновицкого средмесьтя (центра) – 255 м над уровнем моря²⁸. Судя по всему, это и была та самая «вершина Черновицкого холма», о которой писал И. Некулче.

В XVIII в. на месте этого холма и будущего «криминала», а также по восточному склону (вдоль нынешних ул. Леси Украинки и И. Котляревского до Театральной пл.) рос лес. После прихода австрийцев его начали вырубать. Древесину продавали рядом, на нынешней Соборной площади, которая первоначально называлась Дровяной (die Holzplatz)²⁹. Понятно, что лес этот рос и в 1709 г. Совершенно логично, что шведы и казаки стояли тогда «подле леса», который не позволял противнику зайти им в тыл и взять в окружение. Русские подразделения должны

были размещаться на самой трассе (начало ул. Червоноармийской), фронтom на северо-запад, чтобы вести огонь по противни-

ку и удержать до подхода главных сил «дорогу, куды бежать шведам было».

В 1709 г. в Черновцах было только несколько сравнительно больших улиц, которые располагались значительно ниже нынешней Центральной площади. Сейчас они называются П. Сагайдачного, Б. Хмельницкого (в нижней части), Шолом Алейхема, Турецкая и Львовская. Там и должны были квартировать шведы и казаки. Услышав стрельбу своих дозоров, они помчались на Черновицкий холм, т. е. на нынешнюю Соборную площадь, где и заняли оборону. Когда же к месту боя подошли главные силы бригады Г. Кропотова, имевшие значительный численный перевес, шведы, «видев наше войско, не бились, а здались на оккорд, как при сем посланной с ними учиненной трактат являет»³⁰.

Достаточно детализированные данные о плененных шведах содержатся в реляции бригадира Кропотова Петру I (фактически князю А. Меншикову), отправленной «из местечка Чернявцов», видимо, 24 сентября и полученной в штабе российской армии в Торуне (Польша) 8 октября 1709 г.³¹ В ней, в частности, отмечалось: «А сколко шведов здалось на дискрецию, и то писано ниже сего. Полковник от фортификации и подполковник от лейб-гвардии Аксель Гилденкрон (*Ииллен-крук. – А.М.*)³². Генерал-отъютант королевской Гильден-Клоу. Маэор от пехоты Сал вер Спар. Ротмистров – 2, капитанов – 19, порутчиков – 21, квартирмистров полковых – 4, прапорщиков – 22, отъютантов – 3, аудитор – 1, полковой комисар – 1, писарей – 2, полковой лекарь – 1, пасторов – 10, цырюликов – 8, габоистов – 7, полковых профосов – 3, ундер-афицеров – 71, капралов и редовых – 351, барабанщиков – 16, оружейный слесарь – 1, литаврщик – 1, трубач – 1, кузнец – 1, запорожцов – 8. Всего взято – 554». А что же случилось с остальными запорожцами, которых насчитывалось, как отмечалось выше, около пяти сотен?

Г. Кропотов не упоминает казаков в рапорте А. Меншикову. Правда, в письме к господарю Молдавии М. Раковице от 25 сентября он сообщил: «Понеже уведал я, что обретаецца в местечке Чернявцах несколько неприятелей наших шведов, також и изменников запорожцов, которые, перебегая за рубежи польские, многую нам доуку чинили. Того ради и приходили мы в землю высочества вашего не во образе неприятельском, но только чтоб забрать нам неприятелей наших, також и изменников запорожцов, которых мы с помощью Божиею и взяли (...)»³³. Складывается впечатление, будто бы все казаки попали в плен вместе со шведами, хотя, как явствует из цитированного выше рапорта бригадира Кропотова, таких оказалось лишь 8 человек. Зато в его реляции штабу русской армии отмечено, что в Черновцах пребывало

«запорожцов изменников с 500 человек». Когда шведы сложили оружие, «запорожцы все побежали в леса вниз подле реки Прута, которых наши передовые драгуны и казаки и волохи, спешась, многих побили и во оной реке потопили»³⁴. Тем не менее, есть основания предполагать, что Кропотов значительно приукрасил успех своей бригады в отношении казаков. Ведь другой современник этих событий – И. Некулче, описывая бой в Черновцах, отметил, что «казаки бросились вниз, в долину Прута, и спаслись почти все (се căzaciai au și dat la vale, în lunca Prutului, de-au scăpat mai toți)»³⁵. Понятно, они должны были спастись не только вследствие коллективной сдачи шведов в плен, но и из-за того, что российское командование видело в них не пленных, а предателей, которых царь Петр I приказал беспощадно уничтожить.

Бригада Кропотова ушла из Черновцов, скорее всего, 24 сентября (5 октября). Ведь 25 сентября (6 октября) бригадир уведомлял господаря М. Раковицу, что российские отряды, взяв в плен в Черновцах «неприятелей наших (...), подданным вашим волохом никакова убытку или шкоды никакой не учинили, и тако паки мы возвратились в рубежи польския». Пленных шведов отконвоировали в Городенку (Галичина), а затем в Киев. Генерала Йилленкрука отвезли в Москву, где он участвовал в известном триумфальном параде царя Петра I и затем пребывал там (в весьма плачевных условиях) до 1722 г. После возвращения в Швецию король присвоил ему звание генерал-лейтенанта и назначил ландгёвдингом (наместником) в Гётеборге и Богусе. Умер Йилленкрук в 1730 г.³⁶

Бригадир Кропотов направил несколько эскадронов молдавских драгун в южную часть Буковины, где они уничтожили мелкие подразделения шведов числом 10–15 человек, находившиеся в Радовцах (Редеець), Сучаве и некоторых больших деревнях. Потом эти драгуны расположились в Путне и Кымпулунге, с тем чтобы «поймать» Карла XII и И. Мазепу, который к тому времени уже умер (21 сентября (2 октября) 1709 г.)³⁷. Понятно, что после нападения российской бригады на шведов и казаков в Черновцах шведский король передумал ехать в Польшу и, как известно, оставался в районе Бендер до октября 1714 г.

Таким образом, несмотря на успешные, внешне блестящие действия бригады Г. Кропотова в Черновцах, командование русской армии в этом случае допустило серьезный просчет. Оно утратило реальную возможность взять в плен Карла XII и благодаря этому победно завершить Северную войну, по крайней мере, на 12 лет раньше. Кроме того, черновицкий эпизод этой войны привел к осложнениям в турецко-российских отношениях. Блистательная Порта имела все основания рассматривать инцидент в Черновцах как нарушение условий Константинопольского трактата, подписанного Московским

царством и Османской империей в 1700 г. Он предусматривал, в частности, обязательства сторон не нарушать государственных границ друг друга. Формально Молдавское княжество пребывало в составе Османской империи, поэтому вторжение бригады Кропотова в северную часть княжества должно было рассматриваться как нарушение условий упомянутого трактата.

Блистательная Порта быстро среагировала на это событие. В Черновцы прибыла военная следственная группа во главе с султанским агой, который тщательно расследовал обстоятельства появления русской бригады на территории Османской империи. Комиссия выезжала непосредственно на границу, чтобы точно установить, где, когда и как бригада Кропотова перешла Черемош³⁸. Местных жителей очень удивляли невиданные до тех пор карманные часы, которыми турецкий ага постоянно фиксировал показания свидетелей³⁹.

Тем временем Карл XII в письме султану Ахмеду III обвинил господаря М. Раковицу в тайных связях с москвитами⁴⁰. В декабре 1709 г. австрийский посланник в Стамбуле И.М. фон Тальманн уведомил свое правительство, что «после того, как несколько недель назад москвиты и поляки уничтожили или увели в плен около 400 размещившихся на квартирах в Молдавии, неподалеку от польской границы, шведов, возникли в Турции подозрения, что молдавский князь Михал пребывает в согласии с москвитами. Поэтому Турция сместила последнего, и под строгой охраной он был доставлен сюда, а 1-го числа с. м. заключили его (...) в Семи башнях. На его место назначил султан князем Молдавии, по предложению великого везиря, господина Николаки Маврокордато, переводчика Турции»⁴¹.

Кроме того, по сообщениям польского посланника в Стамбуле С. Понятовского, Карл XII использовал нападение русской бригады на владения султана как повод, чтобы «поощрить Османскую империю к мести и вооружить турок против москвитов»⁴². Шведский представитель при Блистательной Порте М. Нойгебауэр передал ей специальный меморандум с обоснованием причин, «по которым для Турции выгодно учинить сопротивление слишком большим успехам московского царя». Первая причина формулировалась так: «Московский царь без разрешения могущественного султана напал на его территорию и произвел враждебные действия против шведов, друзей султана (...)»⁴³. Таким образом, главным поводом к войне Турции против России фигурировало нападение россиян на шведов в Черновцах.

Вольтер с некоторым сарказмом писал по этому поводу, что представители Карла XII при Порте «подняли вопль относительно этого нападения и подстрекали турок к мести; однако царские деньги перекричали их во всё. Ведь Толстой, московский посланник в Констан-

тинополе, дал великому везиру и его креатурам сумму в шесть миллионов, которую нашли под Полтавой в войсковой кассе шведского короля. Благодаря такому оправданию диван никоим образом не признал царя виноватым»⁴⁴.

И все же Блистательную Порту встревожило усиление влияния Российского царства в Украине и Речи Посполитой, и, в конце концов, правительство Турции объявило войну России 9 ноября 1710 г.⁴⁵ Господарем Молдавии был назначен Д. Кантемир, который пользовался доверием Порты. Общеизвестно, что он перешел на сторону Петра I. Однако менее известно имя человека, который вел переговоры с царем об условиях перехода Молдавии под московский протекторат. Этим лицом был тогдашний черновицкий староста Штефан Лука⁴⁶. Именно он встретился с Петром I в начале апреля 1711 г. в Луцке и ознакомил его с проектом молдавско-российского соглашения. 13 (24) апреля царь подписал диплом, согласно которому княжество Молдавия должно было перейти под покровительство России⁴⁷.

Зимой 1711 г. крымские татары, шляхетские отряды Ю. Потоцкого и казаки гетмана П. Орлика двинулись в Украину, но первоначально успешный поход завершился полным фиаско⁴⁸. В ответ армия Петра I вошла в июне в Молдавию, но попала в окружение. Царь был вынужден подписать Прутский мир и отступить за Днестр. Хотя события происходили достаточно далеко от Буковины и Черновцов, эхо Прутского похода докатилось и в эти места⁴⁹. Спасая себя, супругу и армию, Петр I бросил на произвол судьбы кавалерийскую дивизию под командованием генерала К.Е. Ренна. Именно в день подписания Прутского мира, 12 (23) июля 1711 г., дивизия захватила г. Браилов (Брэилу) на Дунае. Ренн послал к царю гонцов с реляцией о «виктории», но их перехватили янычары. До 16 (27) июля генерал ждал распоряжений Петра I, однако так ничего и не дождался. Видимо, в тот же день он узнал об отходе царской армии к Могилеву-Подольскому.

В этой критической ситуации Ренн решил обойти турецко-татарские войска с запада и севера. 16 (27) июля он оставил Браилов и повел своих драгун по правому берегу р. Сирет в направлении Буковины. И. Некулче сообщал, что кавалерия Ренна шла, «грабя и съедая всё, что находилось в стране. И население убегало из долин в горы. А когда слышали, что туда идет Рент (*т. е. Ренн. – А.М.*), то и не ведали, куда уж дальше бежать»⁵⁰. Действительно, не имея снабжения, драгуны были вынуждены добывать себе провиант, а лошадям фураж в селениях и местечках, которые попадались по пути. После многодневного марша кавалерия Ренна вошла в Черновцы, откуда направилась к Хотину, где переправилась через Днестр и вскоре соединилась с российскими частями генерал-фельдмаршала Б. Шереметева, стоявшими в местечке Полонное на востоке Подолья⁵¹.

Вряд ли русские драгуны смогли пожить на Буковине и в Черновцах, которые перед тем подвергались постоянному грабежу и со стороны шведов, и польских конфедератов Ю. Потоцкого, и всевозможных банд, переодетых в униформу шведских солдат. В конце концов, новый господарь Молдавии Н. Маврокордато направил туда большой отряд во главе с гетманом А. Жорой, который приструнил «ляхов» и пригрозил, что выгонит их в Польшу⁵².

После русских рейдов на Буковину и походов в Молдавию в 1709 и 1711 гг. Блистательная Порта решила усилить турецкое военное присутствие на северо-востоке Молдавского княжества. Был разработан план создания новой нахийе (райи) с центром в Хотине, включив в ее состав Хотинский и Черновицкий цинуты. Уже в начале октября 1711 г. разведка сообщила Петру I, что «везирь приказал замок Хотинский направляти, и велено волохом и мутьяном работати»⁵³. Весной 1712 г. в Хотин прибыл первый командующий новым военным округом Абди-паша, а потом началось перебрасывание на Буковину турецких дивизий, преимущественно из Боснии. В 1713-1714 гг. около 20 тыс. солдат и офицеров султанской армии заняли населенные пункты от Среднего Днестра до Буковинских Карпат, в том числе Черновцы⁵⁴.

Как всегда в таких случаях, решения разных ведомств правительства, в данном случае Турции, противоречили друг другу. Планировалось построить новую крепость вокруг Хотинского замка и разместить там две дивизии. Но сам замок был полуразрушен еще в 1675 г. (как и замки в Сучаве и Нямце) по повелению султана, дабы король Ян III Собесский не мог использовать их против Османской империи⁵⁵. Теперь, в 1713-1714 гг., в иных условиях, военное ведомство быстро решило вопрос о переброске войск, а ведомство по строительству не успевало. Поэтому войска разместились по многим деревням и местечкам. Турки утратили бы эти дивизии в считанные дни, если бы российская армия ударила по северной части тогдашней Молдавии, и отстроенная к тому времени, т. е. в 1713 г., Хотинская крепость (старая цитадель XV в.) досталась бы России намного раньше...

Но что любопытно, создание Хотинской нахийе (райи) и объявление ее султанской собственностью (судя по документам, в конце 1715-1716 гг.) вызвали панику среди множества молдавских бояр. Во всяком случае те из них, кто имел владения в Черновицком цинуте, консолидировались, собрали определенную складчину и благодаря неимоверным «бакшишам» в правительственных кругах Стамбула добились выведения турецких войск в Новую крепость в Хотине, строительство которой закончилось в 1718 г. В соответствии с султанским фирманом 1719 г. турецкие подразделения покинули Черновицкий цинут, и была произведена демаркация административной границы между ним и Хотинской нахийей⁵⁶.

С тех пор северная часть Буковины периодически становилась ареной сражений между российскими и турецкими войсками – в 1739, 1769 и 1788 гг. Лишь в 1806 г. обошлось без кровопролития. Вот так незначительное, на первый взгляд, столкновение «в местечке Чернявцах» дало толчок к кровавому противоборству двух империй на Буковине и во всей Молдавии, что, в конце концов, привело к расчленению княжества и включению отдельных его «членов» в состав разных империй, в том числе Габсбургской.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В надписи на Бендерской цитадели, смонтированной в 1538 г., Сюлейман I изложил целую программу своего мирового господства: «Я, раб Божий и султан этого мира. Милостью Божиею я – поводырь общины Мугаммада. Божья мощь и чудеса Мугаммада – мои спутники. Я – Сюлейман, во имя которого произносится гутба в Мекке и Медине. Я – шах в Багдаде, цезарь в Византии и султан в Египте, который посылает свои флоты в моря Европы, Магриба и Индии. Я – султан, который взял корону и трон Венгрии и отдал их преданному рабу. Воевода Петр поднял свою голову, чтоб восстать, но копыта моего коня втоптали его в землю, и я завоевал страну Молдавию» (*Галиль Иналджик. Османська імперія: Класична доба 1300-1600. Київ, 1998. С. 51*). Славянское название **Галичина** – это много лучше, чем латинско-немецкое Галиция.

2. *Voltaire. Leben Carls XII. Königs von Schweden. Nach der dritten und letzten Auflage aus dem Französischen übersetzt; mit nötigen Anmerkungen, Nachrichten und Urkunden versehen. Stockholm, 1733. S. 229-230.*

3. *Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. Malmö, 1948. Bd. 9. S. 90-91.*

4. *Nordberg G.A. Leben Karls des Zwölften, Königs in Schweden. Hamburg, 1746. Bd. 2. S. 172.*

5. *Крупницький Борис. Гетьман Пилип Орлик (1672-1742). Огляд його політичної діяльності. Варшава, 1938. С. 25.*

6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3278.

7. Там же. № 3386.

8. *Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei de la Dabija-vodă pînă la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat (1661-1743) // Ureche G., Costin M., Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei...: Cronici / Îngr. textelor, glosar și indici de T. Celac. Chișinău, 1990. P. 364.*

9. *Масан О.М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин. (З давніх часів до середини ХХ ст.). / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макара та ін. Чернівці, 2005. С. 122, 151-152. Макротопоним Буковина достаточено широко використовувався поляками после известных событий 1497 г., т. е. плачевного похода короля Яна Ольбрахта на Сучаву и разгрома его армии в «Бу-*

ковинь». Румынские историки сильно преувеличили военные результаты события, не обратив должного внимания на его морально-психологические аспекты. Действительно, людские потери тогда были не так уж и велики, но произошедшее вызвало настоящий шок в польском обществе, так что польские авторы чуть ли не со слезами вспоминали о Буковине и в XVI, и в XVII вв.

10. *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев, 1980. С.127.

11. Исторические связи народов СССР и Румынии: документы и материалы в 3-х т. М., 1970. Т. 3. № 36.

12. *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи. С. 131.

13. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 51.

14. Там же. № 79.

15. Там же. С. 377, прим. 161. См. также: *Масан О.* Буковинці в арміях іноземних держав наприкінці XVII – на початку XVIII ст. // Питання історії України: Збір. наук. статей. Чернівці, 2003. Т. 6. С. 197-203.

16. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 109; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV – начало XIX в.) / Отв. ред. Д.М. Драгнев. Кишинев, 1987. С. 241.

17. *Крман Д.* Подорожній щоденник // Жовтень. 1988. № 3. С. 91.

18. Там же. С. 102-103.

19. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 108.

20. Имелась в виду, вероятно, военная (немецкая) миля, т. е. около 7,4 км. Судя по сообщению бригадира Г. Кропотова, его подразделения преодолели Черемош возле Вижницы, прошли поблизости Сторожинца и вышли на подступы к Черновцам около с. Михальче (раньше Михалча).

21. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 108.

22. *Neculce I.* Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.

23. *Wickenhauser Franz Adolf.* Bochetin, oder Geschichte der Stadt Cernăuz und ihrer Umgegend. Wien, 1874. 1. Heft. S. 46-47.

24. *Friedrich von Mieg.* Topographische Beschreibung der Bukowina mit militärischen Anmerkungen / Hrsg. von Johann Polek. Czernowitz, 1897 (карта).

25. *Werenka Daniel.* Urkundliche Nachrichten über die Städte «Cecina» und «Tschernowitz» und deren Besitzverhältnisse im Jahre 1782. (Mit einem noch nicht veröffentlichten Plane) // XXXIII. Jahres-Bericht der gr.-or. Ober-Realschule in Czernowitz. Czernowitz, 1897. S. 31.

26. О нем см.: *Масан О.* Цецинська держава. (З історії давньої чернівецької околиці) // Буковинський журнал. Чернівці, 2007. Ч. 1. С. 47-59.

27. *Kaindl Raimund Friedrich.* Geschichte von Czernowitz von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Czernowitz, 1908. S. 179.

28. Для лучшей ориентации читателей стоит назвать примечательное здание, расположенное поблизости, это бывшее австрийское наместничество и бывшая румынская резидентура, в советские времена – обком компартии, а ныне – корпус № 14 Черновицкого национального университета, в котором находится факультет истории, политологии и международных отношений.

29. *Kaindl Raimund Friedrich.* Geschichte von Czernowitz. S. 169, 173.

30. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 108.

31. Письма и бумаги императора Петра Великого. № 3452.
32. Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. S. 90-91.
33. Исторические связи народов СССР и Румынии. № 107.
34. Письма и бумаги императора Петра Великого. № 3452.
35. *Neculce Ion*. Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.
36. Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. S. 91.
37. *Neculce Ion*. Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.
38. Ibid. P. 366.
39. Ibid.
40. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. С. 241.
41. Турция накануне и после Полтавской битвы. (Глазами австрийского дипломата). М., 1977. № 12. К сожалению, в этом издании нет оригинальных текстов документов. Во всяком случае, речь шла о тардзимане (терзимане), а это ведь не просто переводчик, а сотрудник внешнеполитического ведомства Порты и высокий чиновник (драгоман).
42. Там же. С. 96, прим. 53.
43. Там же. № 13.
44. *Voltaire*. Op. cit. S. 230.
45. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. С. 243.
46. Пока что нам мало известно об этом деятеле, но уместно обратить внимание на то, что только глава Черновицкого цинута единственный назывался по-старинному старостой, в то время как все остальные главы цинутов титуловались пыркалабами.
47. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. С. 246.
48. *Субтельный О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. К., 1994. С. 77-82.
49. Любопытно, что, поскольку события происходили у селения Станилешты, среди многих жителей Черновицкой области Украины, особенно бывших бессарабцев, издавна бытует мнение о битве Петра I с войском у с. Станилешты (ныне Стальнивыцы) Новоселицкого района, раньше Хотинского уезда.
50. *Neculce I*. Letopisețul Țării Moldovei. P. 400.
51. Ibid.
52. Ibid. P. 408-409.
53. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 577. Каждый молдавский и валашский вечин (безлошадный) должен был отработать на строительстве 24 дня в год, с лошадьми – 12 дней. Но это отдельная тема исследований.
54. *Neculce I*. Letopisețul Țării Moldovei. P. 411-412.
55. См.: *Масан О.* Хотинський замок – визначна пам'ятка середньовічної молдовської архітектури // Suceava: Anuarul complexului muzeal Bucovina. XXXI-XXXII-XXXIII. 2004-2005-2006. Suceava, 2007. P. 355-360; *Husar A.* Dincolo de ruine cetăți medievale. Iași, 2003. P. 74, 91, 181-182.
56. *Neculce I*. Letopisețul Țării Moldovei. P. 422; *Масан О.* Буковинці в арміях іноземних держав наприкінці XVII – на початку XVIII ст. // Питання історії України: Збір. наук. статей. Чернівці, 2003. Т. 6. С. 197-203.

Сергей СУЛЯК

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРСКАЯ¹ ИДЕЯ ОТ ИВАНА III ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ВЗГЛЯД С ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ РУССКОГО МИРА

В свое время В.О. Ключевский выделил четыре периода русской истории до падения крепостного права «по наблюдаемым в ней народным передвижениям», перечисляя «господствующие факты, из коих один – политический, другой – экономический», «обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредотачивалась масса русского населения – не все население, а главная масса его, делавшая историю»:

1. **Днепровский** (VIII-XIII вв.). **Русь Днепровская, городовая торговая.** Масса русского населения сосредоточивалась на Среднем и Верхнем Днепре с его притоками. Все это время Русь политически разбита на более или менее обособленные области.

2. **Верхневолжский** (XIII - середина XV в.). **Русь Верхневолжская, удельнокняжеская, вольно-земледельческая.** Главная масса русского населения появляется на Верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной в политическом плане, но не на области, а на княжеские уделы.

3. **Великорусский** (половина XV - второе десятилетие XVII в.). **Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая.** Образуется особая ветвь русского народа – великороссы. Великоросское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя.

4. **Всероссийский** (начало XVII – первая половина XIX в.). **Период всероссийский, императорско-дворянский.** Русский народ распространяется по всей равнине, от морей Балтийского и Белого до Черно-го и Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже дальше. Политически почти все части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю².

Краткое рассмотрение трех последних из вышеперечисленных периодов (до начала XVIII в.) поможет нам понять, почему Москва стала центром государства, превратившегося затем в евразийскую импе-

рию. Тот же В.О. Ключевский называет следующие первоначальные условия роста Московского княжества: выгодное географическое положение Москвы и, главное, личность московских князей, которые, начав «свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела»³. По выражению Н.М. Карамзина, Москва «обязана своим величием ханам», а «иго татар обогатило казну великокняжескую»⁴. Схожую оценку московским князьям дает Е.Ф. Шмурло: «изворотливые, без "излишнего" самолюбия, они пускали в ход подкуп, обман, низкопоклонство, умели терпеливо выждать благоприятные минуты»; в то же время историк отмечает их «редкостную последовательность действий»⁵. Оказав помощь татарам в подавлении восстания в Твери, Иван Данилович Калита не только устранил конкурента, но и в 1328 г. получил титул великого князя Владимирского, который после этого наследовали московские князья.

Русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, содействовало не только усилению Москвы, но и утверждению единовластия. Поэтому, по выражению С.М. Соловьева, «вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно был направлен меч духовный»⁶. Еще не став столицей политической, Москва стала столицей церковной. **Митрополит Петр** (1308-1326), выходец из Галицко-Волынского княжества, перенес кафедру митрополии из Киева во Владимир, сделав Москву резиденцией митрополитов Киевских и всея Руси, завещав себя в ней похоронить⁷. Петр стал первым святым Москвы (1339 г.). Его преемник грек **Феогност** (канонизирован в 1471 г.), ставший митрополитом Киевским и всея Руси в том же году, что и **Иван Данилович** стал великим князем, тоже остался жить в Москве, поселившись в доме своего предшественника⁸. Это событие придало Москве положение церковного, т. е. духовного центра, хранительницы русской православной веры, а ее князьям - статус «всероссийских князей». И Иван Калита, воспользовавшись этим обстоятельством, провозгласил себя князем «Московским и всея Руси»⁹. В грамотах Ивана Калиты впервые встречается название великого князя всея Руси: при переписке с Ливонией и немецкими княжествами Иоанн подписывается как царь всея Руси, в грамоте эрцгерцогу Филиппу, сыну Максимилиана, Иоанн и его сын Василий подписались царями Владимира, Москвы и прочее¹⁰.

В период правления **Дмитрия Донского** наступает резкий перелом в московско-татарских отношениях. Великий князь наносит поражение татарам на реке Воже (1378 г.). Поход Мамай в 1380 г. был задуман как месть за это поражение. Победа на Куликовом поле, по мнению В.О. Ключевского, сделала московского князя «национальным

вождем Северной Руси в борьбе с внешними врагами»¹¹. Подчеркивая большое национальное, моральное и политическое значение победы, Е.Ф. Шмурло указывает, что не надо забывать о его ничтожном практическом значении: через два года нашествие Тохтамыша привело к полному разгрому Москвы. Однако авторитет московского князя стал настолько велик, что Дмитрий Донской завещал Великое княжество Владимирское своему сыну, назвав его отчиной, зная, что никто из немосковских князей этого не оспорит. Не возразила против данного завещания и Орда¹².

Как считал Л.Н. Гумилев, после Куликова поля можно говорить о рождении новой этнической общности: суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться как представители своих княжеств, а вернулись оттуда русскими (*точнее, великороссами - С.С.*)¹³.

Потомки Дмитрия Донского продолжили «собирать» русские земли. К тому времени геополитическая ситуация в Восточной Европе изменилась. Со второй половины XIII в. набирает силу Литовское княжество. Постепенно **Миндовг** и **Гедимин** подчиняют себе земли Юго-Западной Руси, население и князья которой стремились таким образом избавиться от татарского гнета. Так Литва становится Русско-Литовским государством, 9/10 которого составляли русские земли. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, некоторые приняли православие, в официальном производстве господствовал русский язык, а правитель носил титул великого князя Литовского и Русского. В 1362 г. **Ольгерд Гедиминович** одержал победу над тремя татарскими князьями на берегах реки Синие Воды (Синюхи) в Подолии, распространив свою власть на правый берег Днестра и до Черного моря. Ослабление Золотой Орды позволило господарям волошко-русского Молдавского княжества (дата основания 1359 г.), где русские (русины) составляли 40 % населения в середине XIV в., распространить свою власть «от планины (горные пастбища в Карпатах) до моря», о чем свидетельствует грамота господаря Романа I¹⁴.

В середине XIV в. великий князь Литовский и Русский **Ольгерд** стал претендовать на все земли, входившие ранее в состав Древней Руси. Между двумя русскими государствами начинается борьба за гегемонию над Русским миром, в которой важное значение приобретает соперничество за влияние на Русскую православную церковь. В 1385 г. великий князь Литовский и Русский **Ягайло** принял католичество и стал королем Польским с именем Владислав, подписал унию в Крехе (1385 г.). Это положило начало последующей инкорпорации Великого княжества Литовского и Русского в Польское королевство.

Другой противник Московской Руси - Золотая Орда - к середине XV в. фактически распалась на ряд самостоятельных ханств - Боль-

шая орда (1481 г.), Казанское (1438 г.), Крымское (1441 г.), Астраханское (1459 г.), Сибирское ханство (1495 г.), Ногайская орда (1440 г.); ее центральная часть - Большая Орда - прекратила существование в начале XVI в.

Ватикан, пользуясь бедственным положением Византии, в 1439 г. на Флорентийском соборе добивается провозглашения объединения церквей. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор подписывает во Флоренции акт соединения. В Москве идея унии с католиками была отвергнута: «здесь решили остаться при древнем благочестии - одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов» (С.М. Соловьев). Этот шаг, по мнению С.М. Соловьева, определил дальнейшие судьбы Восточной Европы: «верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великою, обусловила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова»¹⁵. Флорентийская уния положила начало долгому разделению русской церкви: папа утвердил в 1458 г. митрополитом Московским и всея Руси ученика Исидора – Григория Болгарина. Попытки московского князя Василия Васильевича и митрополита Ионы решить вопрос о сохранении единства русской церкви дипломатическим путем не удалась. Русская церковь разделилась на Восточнорусскую, или Московскую (первосвятитель ее стал называться митрополитом всея Руси) и Западнорусскую, или Литовскую (ее возглавлял митрополит Киевский и всея Руси)¹⁶. В 1469 г. митрополит Киевский и всея Руси Григорий направляет своего посла в Константинополь, прося «благословения и подтверждения» от константинопольского патриарха. Патриарх утвердил Григория. Таким образом, Григорий отрекся от унии и вновь присоединился к православной церкви¹⁷.

В царствование **Ивана III** (1462-1505) и **Василия III** (1505-1533) была установлена власть над всей Великороссией. После 1480 г. (великое стояние на Угре) Москва перестала платить дань Орде. После взятия Константинополя турками в 1453 г. Москва остается единственным в мире независимым православным государством. Московский государь становится политическим и церковным преемником византийских императоров.

После того как спало с Москвы татарское иго, Иван III в некоторых документах именуется царем всея Руси¹⁸. Этот термин - сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова *цесарь*. Титул

царя иногда при Иване III, часто при **Иване IV** (1533-1584) соединялся со сходным по значению титулом самодержца - это славянский перевод византийского императорского титула *αυτοκρατωρ*. Оба термина в то время обозначали независимого властителя, никому не платящего дани. Царями на Руси до половины XV в. звали византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое препятствие, а брак в 1472 г. с последней византийской принцессой Софьей Палеолог давал на то историческое оправдание. Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем. Иван стал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, божию милостью государь всея Руси». К этому титулу как историческое его оправдание добавлялся длинный ряд географических эпитетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных», т. е. земель. Московским государем как преемником византийских императоров с конца XV столетия в печатях используется византийский герб - двуглавый орел¹⁹.

На протяжении всего правления Иван III осознавал свои права и величие своего царства. Когда в 1489 г. посланец немецкого императора предложил Ивану королевскую корону, последний ответил: «Мы подлинные властители в нашей земле, от наших предков, и мы помазаны Богом – наши предки и мы... И мы никогда не искали подтверждения тому у кого-либо, и теперь не желаем такового»²⁰.

Главной целью Ивана III во внутренней политике было распространение великокняжеской власти на всю Великороссию, а в конечном итоге на всю Русь. В сферу его политической деятельности, таким образом, вовлекалось не только Великое княжество Московское, но также и многие другие части Руси. Его цели можно охарактеризовать как национально русские, а не специфически московские. Старая формулировка в титуле московских великих князей, «всея Руси», теперь приобретала дополнительное значение. В результате этих событий к концу правления Ивана III лишь часть Рязанского княжества и город Псков оставались в Великороссии самостоятельными государствами. Но они уже не представляли никакой угрозы Москве²¹.

При Иване III политика московских князей из удельной, по выражению С.Ф. Платонова, превратилась в национальную. Вместе с объединением Северо-Восточной Руси «совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси»²². Таким образом, было заложено основание для трансформации Москов-

ского царства в империю. Именно в правление Ивана III получила начало политика объединения Западной и Восточной Руси²³.

После падения татарского ига перед русским государством стало три задачи (по Е.Ф. Шмурло): **продвижение к Балтии** (культурный вопрос), **польский** (национальный) **вопрос**, **территориальный вопрос** (борьба с «Азией»):

а) продвижение к Балтийскому морю: борьба со шведами и поляками за обладание его восточным побережьем (1558-1809);

б) воссоединение русской народности под одним скипетром — длинная и мучительная по содержанию глава из русской истории под названием «Зарубежная Русь: литовско-польские войны (1561-1795)»;

в) выяснение границ в целях прочно отмежеваться от мусульманского Востока и полудикой азиатчины — новая глава русской истории, полная драматизма и внутренних противоречий: отбрасывая Азию к Востоку, мы сами вынуждены были продвигаться вслед за ней и ознаменовали свое продвижение внедрением русской культуры в эту азиатчину. Последовательные этапы этого продвижения: Нижнее Поволжье, Заволжье, Сибирь, Северный Кавказ, Крым, Закавказье, Средняя Азия, Туркменский край, Маньчжурия, Порт-Артур (1469-1905)²⁴.

Основными проблемами внешней политики Московской Руси (по Г.В. Вернадскому) были отношения с Крымом, Польшей и странами Балтии. Причем все эти проблемы были взаимосвязаны. Подъем Москвы угрожал интересам Крыма и Польши, Крым представлял для Польши меньшую угрозу, чем для Москвы, как и Польша для Крыма. Попытки заключить союз с Польшей против Крыма были неудачны, т. к. поляки понимали, что, разделившись с Крымом, Москва займется польским вопросом. В течение XVII в. союза с татарами стала искать Швеция. Карл XII повлиял на русско-турецкие отношения, инициировав войну с Турцией в 1710-1713 гг. Это произошло в ходе Северной войны²⁵.

В этой обстановке, в борьбе с постоянными татарскими набегами и конфликтами с Польшей–Литвой кристаллизировалась идея святого Христианского православного царства. Монах Псковского Елеазарова монастыря **Филофей** в послании псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину (первая половина XVI в.) определил ее как «Москва – Третий Рим». Когда Первый Рим отклонился от ортодоксии, центром православия стал Константинополь («Второй Рим»). А когда он предал православие на Флорентийском соборе, он был наказан турецким завоеванием. Теперь «Третьим Римом» стала Москва. Московский царь - единственный оставшийся православный правитель мира. Он обязан защищать последнее прибежище православной церкви и превратить Русь в подлинно православное царство²⁶. Из-

вестно еще несколько произведений, которые связывают с именем Филофея, в том числе послания, адресованные Василию III и Ивану IV. Они тематически и текстуально близки посланиям Мунехину. В утверждении Московии как нового православного царства «сквозит пронзительный и геополитический реализм», считает А. Панарин: «если Русь как православное царство рухнет, его эстафету передать некому, вся ойкумена уже занята другими, неправославными государствами, и других носителей большой православной идеи в мире просто нет»²⁷.

Н.В. Сеницына тоже придерживается мнения, что «Третий Рим» имеет чисто религиозное осмысление: «"Третий Рим" - это не только Москва и даже не Москва, но Российское государство с центром в Москве, Русская православная церковь и ее главная кафедра – кремлевский Успенский собор». Она подчеркивает при этом, что «тогда никому не приходило в голову воспринимать эту формулу в политическом аспекте, как план завоевания Константинополя»²⁸. Этой же точки зрения придерживается и Н.А. Нарочницкая, приводя трактовку Н. Каптерева: ветхий Рим пал за утерю веры, новый Рим – тоже за утерю благочестия и союз с латинянами, за что наказан был порабощением со стороны «агарян». «Если русские люди не уберегут переданного им Божественным помыслом на сохранение православия, то Третий Рим – Москва – тоже падет. Но последствия этого будут совсем губельны, так как у ветхого Рима был наследник – новый Рим – Константинополь, у того преемником стала Москва, она же не будет иметь наследников, так как четвертому Риму не быть. Если погибнет Москва как носитель православной веры, то погибнет православие в мире и русские люди будут неизменно виноваты в этой гибели»²⁹.

В 1557 г. Иван IV обратился к константинопольскому патриарху с просьбой благословить его на царство и поминать его на литургии. Вселенский патриарх Иоасаф утвердил его на царство. Имя Иоанна стало упоминаться наряду с именами прежних византийских императоров, т. е. православные иерархи признали его их преемником. Таким образом, Иоанн стал первым русским самодержцем - византийским царем - на московском престоле. Иоанн Грозный во многих отношениях был предшественником Петра. Он начинает войну с Ливонским орденом за обладание Балтийским морем, хорошо осознавая, что без моря Россия не станет сильным государством³⁰. Иван Грозный считал все отнятое от Литвы «нашей вотчиной», «вся русская земля – Киев и Смоленск и иные города – от наших прародителей – наша вотчина»³¹.

Иван IV был первый из московских государей, который почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, как помазанника Божия. «Это было для него политическим откровением, и с той

поры его царственное "я" сделалось для него предметом набожного поклонения. Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: "Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению"» (В.О. Ключевский)³². При Иване Грозном происходит покорение Казани (1552), Астрахани (1556), начало покорения Сибири (1582) и начало Ливонской войны за выход к Балтике (1558).

В годы правления Ивана Грозного писатель-публицист, дворянин, выходец из Великого княжества Литовского и Русского **Иван Пересветов** в своих произведениях («Сказание о царе турецком Магмете како хоте сожеши книги греческие», «Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Руси», «Епистоле к Иоанну IV») излагает программу сильной самодержавной власти, выступает за уничтожение холопства, воеводских кормлений и местничества. До своего обоснования в Москве (1538) служил венгерскому и чешскому королям, а в 30-х гг. XVI в. он в течение 5 месяцев находился в Сучаве при дворе молдавского господаря Петра Рареша. Ряд своих мыслей он вложил в уста Рареша, который якобы высказал их во время своего пребывания в Молдавии. Для него Петр Рареш - образец энергичного и волевого монарха, строгого к боярам, поборника сильной центральной власти, опирающейся на постоянную армию служилых людей. Пересветов ставит Рареша в пример Ивану IV и проводит мысль о целесообразности проведения такой политики на Руси. В конце 1549 г. Пересветов передает свои сочинения («две книжки») Ивану IV. Взгляды Пересветова оказали большое влияние на Ивана Васильевича³³.

В 1589 г., во время правления **Федора Ивановича**, стараниями Бориса Годунова архиереи Восточной Руси избрали Иова, митрополита Московского и всея Руси, патриархом. Поставление Иова в патриархи прошло в Успенском соборе г. Москвы в присутствии царя и вселенского патриарха Иеремии³⁴.

Со смертью царя Федора в 1598 г. прекращается династия Рюриковичей и начинается Смутное время (1598-1613). В это время сменился ряд правителей: царь **Борис Годунов**, **Лжедмитрий I**, **Василий Шуйский**, **Лжедмитрий II**. В 1610 г. бояре пытаются избрать Владислава, сына польского короля Сигизмунда, который и сам был не прочь стать царем. Однако патриарх **Гермоген** настаивал, чтобы Владислав принял православие, и поэтому избрание не состоялось.

В 1569 г. в результате Люблинской унии Польша и Литва объединились в одно государство - Речь Посполитую. В 1596 г. состоялась

Брестская уния, в результате которой часть иерархов Западнорусской православной церкви признала главенство папы.

В 1613 г. Земский собор избрал царем **Михаила Федоровича Романова**. Его титул был признан многими дворами, в 1634 г. и польским королем при заключении Поляновского договора. Тем самым Владислав отказывался от прав на московский престол³⁵.

При **Алексее Михайловиче** в 1654 г. происходит присоединение Малороссии. В 1655 г. в царский титул Алексея Михайловича внесли: «всёя Великия и Малыя и Белья России самодержец». В его же правление впервые прозвучала идея освобождения Константинополя и православных народов от турок. В 1649 г., после заключения Зборовского мира с поляками, **Богдан Хмельницкий** сказал московскому послу Неронову: «Если ляхи со мною договорные статьи на сейме совершат, то, сложась с крымским царем, с волохами, сербами и молдаванами, хочу промышлять над турецким царем». Инициатором осуществления этого геополитического проекта выступил иерусалимский патриарх Паисий, который до избрания патриархом был архимандритом Успенского монастыря в Молдавии и, будучи проездом из Москвы, встречался с Хмельницким. Благодаря Паисию этот план был положительно встречен в правящих кругах Валахии и Молдавии. Паисий убеждал московского царя начать войну с турками, обещая помощь со стороны сербов и греков, ставя целью освобождение Царьграда³⁶.

В 1685 г. в папской грамоте был признан царский титул московских государей **Ивана и Петра**: к ним папа обратился как к «великим государям царям и великим князьям всея Великие и Малыя и Белые России и великих государств восточных и западных и северных отчичем и дедичем и наследником и самодержцем, государем и обладателем»³⁷. Таким образом, царский титул был признан и римским двором, который единственный ко времени правления Петра не признавал этот титул³⁸. В 1686 г. прекращается более чем двухсотлетнее разделение Русской церкви: Киевская митрополия переходит в подчинение Московскому патриархату.

Петр I продолжает дело своих предшественников. Однако, в отличие от них, он действует в коалиции с другими государствами. В 1700 г. начинается Северная война. Ее начало было неудачным для русских войск. Однако в 1709 г. битва под Полтавой и последовавшая за ней капитуляция шведов означали решительный перелом в войне. Заключенный позднее мир положил конец шведской империи и одновременно возвестил о рождении в Европе новой великой державы. По выражению шведского историка Энглунда Петера, «шведы покинули подмошки мировой истории и заняли места в зрительном зале»³⁹.

В октябре 1721 г., после заключения Ништадского мирного договора, зафиксировавшего победу России над Швецией, члены российского Сената провозгласили Петра **императором** («Отец Отечества, император могущественный»).

При Петре Россия только достигла берегов Балтики, западные территории Древней Руси, за которые Россия воевала несколько столетий с Польшей, оставались за пределами империи, не удалось Петру также отвоевать берега Черного моря. Эти важные вопросы были решены лишь в царствование **Екатерины II**. До этого статус России как империи оставался нестабильным⁴⁰. Именно в годы правления Екатерины Великой были решены два внешнеполитических вопроса (по В.О. Ключевскому), оставшиеся нерешенными после Ништадского мира: национальный (западнорусский, т. е. завершение, в основном, объединения русских земель) и территориальный (восточный, т. е. продвижение южной границы государства до Черного моря и Кавказского хребта)⁴¹. В годы правления Екатерины II впервые был поднят вопрос о воссоздании Византийской империи (родившегося в 1779 г. второго внука Екатерины в продолжение византийских традиций называли Константином)⁴².

Однако все земли Древней Руси так и не были объединены. Вопрос о присоединении Карпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской (Подкарпатской Руси)) официально не поднимался в России до Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее полное, на мой взгляд, определение империи дал А.Г. Дугин: «Империя представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое сочетает жесткий стратегический централизм (единая вертикаль власти, централизованная модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единая система сбора налогов, единая система коммуникаций и т.д.) с широкой автономией региональных социально-политических образований, входящих в ее состав (наличие элементов этноконфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко развитая система местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти – от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств). Империя всегда претендует на вселенский масштаб, осознавая свое политическое устройство как ядро или синоним мировой империи. «Все дороги ведут в Рим». Все империи мыслят себя как мировые империи. Империя наделена миссией. Она воспринимается как политическое воплощение исторической судьбы человечества. Миссия может осознаваться в различ-

ных формах: религиозных (Византия, Австро-Венгрия, исламский халифат, Московское царство), гражданских (Древний Рим, империя Чингисхана), цивилизационных (Китайская империя, Иранская империя) или идеологических (коммунистическая империя СССР, либеральная империя США)» (*Дугин А.Г.* Проект «Империя» // *Политика.* № 34 (589) от 15.09.2008 г. (<http://www.profile.ru/items/?item=27000> (дата просмотра: 01.06.2011))).

2. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 32-34.

3. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 10-14.

4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. М.: Издательство «Наука», 1993. С. 208, 206.

5. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. С. 206.

6. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. III-IV. М.: Мысль, 1988. Т. IV. С. 403.

7. Московский патерик. Древнейшие святые Московской земли. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 109. В «Житии святителя Петра, митрополита Киевского и всея Руси» подчеркивается, что Петр «дал благой совет князю (Иоанну I Даниловичу Калите), чтобы построил тот церковь каменную во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, предсказывая вот что: «Если меня, сын, послушаешь и храм Пресвятой Богородицы воздвигнешь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и сыновья и внуки твои и их потомки. И город этот славен будет среди городов русских, и святители станут жить в нем, и «руки его будут на плечах враг его», и Бог прославится в нем. И мои кости в нем положены будут». Святой Петр родился к северу от г. Львова. Служил игуменом в Ратском (Рата – правый приток Западного Буга) Спасо-Преображенском монастыре, одном из первых монастырей, основанных в Юго-Западной Руси после татаро-монгольского нашествия. Был канонизирован Русской церковью в 1327 г. и прославлен всецерковно в 1339 г.

8. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 3. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). Т. IV. М.: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1995. С. 26.

9. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства. С. 208.

10. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. V-VI. М.: Мысль, 1989. Т. V. С. 141.

11. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. С. 23.

12. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства. С. 198-199. О том, что Орда подтвердила великокняжеский титул Василия и этот титул сделался наследием московских князей, указывает и Н.М. Карамзин (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. С. 71).

13. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. СПб.: ООО Издательский дом «Кристалл», 2002. С. 170. Однако не надо забывать

о вкладе в победу населения Западной Руси. На помощь Дмитрию Донскому пришли «со всеми своими силами» два брата Ягайло, князья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. Об этом Дмитрий Иванович сообщил митрополиту Киприану: «яко Олгердовичи приидоша ко мне со многими силами, а брата своего Ягаила оставиша». В летописи также упоминается «некто же воевода приеде с литовскими князи, имянем Дмитреи Бобров, родом земли Волыньския, нарочит бе воевода и полководец и изряден во всем по ряду, сих вельми по достоянию уставил полки, елико комуждо подобает где стояти» (ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 135-137). Дмитрий Боброк был сыном обрусевшего литовского князя Кориата (Корьята, Корята) - Михаила Гедиминовича (? - ок.1362). Его сыновья Юрий (?-1400), Александр (?-1380), Константин (?-1389/90) и Федор (?-1416) были князьями Подольскими. Юрий стал молдавским господарем (1399-1400). Князь Дмитрий Боброк-Волынский (?-1389) перешел на службу к великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу Донскому. Атака его Запасного полка решила исход Куликовской битвы. Как отмечает Д.И. Иловайский, в конце своей духовной грамоты Дмитрий Донской указывает 10 боярских имен, кому он поручал великое княжество и своего наследника. «На первом месте видим Димитрия Михайловича Боброк-Волынского, зятя и главного воеводу великокняжеского, славного походами на Рязань, Казань, Литву и особенно отличившегося на Куликовом поле». (Иловайский Д.И. Собратели Руси. М.: Издательство «Астрель», С. 167-168). Р.Г. Скрынников отмечает, что Ягайло, союзник Мамаю, опоздал на битву из-за непопулярности своего союза с Ордой среди русского населения Юго-Западной Руси, что привело к затягиванию сбора его войск (Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 74).

14. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. С. 56, 74.

15. Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. С. 641.

16. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 5. Период разделения русской церкви на две митрополии. М.: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1996. Т. IX. С. 28-32.

17. Там же. С. 39.

18. По мнению Н.Д. Руссева, после падения Константинополя миссию защитника православия пытался взять на себя молдавский господарь Стефан Великий (1457-1504). Он стал активно развивать культ св. Георгия и именоваться «царем». В 1472 г. Стефан женится на дочери мангупского князя Марии, находившейся в родстве с домом Палеологов. После 1484 г., когда турки захватили молдавские порты Белгород и Килия, он вынужден был отказаться от своих намерений. Не позднее марта 1486 г. Стефан Великий предложил Ивану Васильевичу заключить союз против османов, поскольку видел в нем «супостата крепкого противу поганьства». Показательно и то, что молдавский господарь признал старшинство великого московского князя, именуя Ивана Васильевича «господин мой», «государь великий», «ваша милость» (Руссев Н.Д. Русский мир и русская державность. Русин. Международный

исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2009. № 1 (15). С. 149-150).

19. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. С. 122-124.

20. *Вернадский Г.В.* История России. Россия в средние века. Тверь; М.: Издательство «Лань», издательство «Агаф», 2001. С. 21.

21. *Вернадский Г.В.* История России. Россия в средние века. С. 107-112.

22. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Издательский дом «Литера», 2002. С. 165-166.

23. *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. Ч. 1. С. 20.

24. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Русь и Литва. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. С. 9.

25. *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. Ч. 1. С. 20-21.

26. Там же. Ч. 1. С. 22.

27. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Издательство «Эксмо», 2003. С. 242.

28. *Синицина Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв. М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 243.

29. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005. С. 122.

30. *Безобразов П.* Византийский царь на московском престоле // Исторический вестник. Май. 1889. Т. XXXVI. С. 306, 320.

31. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 36.

32. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2. Сочинения. Т. II. С. 196.

33. Подробнее о взглядах И. Пересветова см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 339-405, а также: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А.А. Зимин. М.: Л., Издательство Академии наук СССР. 1956.

34. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 6. Период самостоятельности Русской церкви (1589-1881). Патриаршество в России (1589-1720). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. X. С. 35-40.

35. *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 385-386.

36. До 1648 г. Паисий дважды побывал в Москве по поручению иерусалимского патриарха Феофана. После смерти Феофана был избран иерусалимским патриархом (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. II. 1648-1651 годы. М., 1954. С. 499). В декабре 1648 г. Богдан Хмельницкий в Киеве обсуждал ряд вопросов с Паисием. В Киеве Паисий дал Хмельницкому титул светлейшего князя. Встреча с Паисием оказала большое влияние на Хмельницкого: он понял, что является защитником не только казачества, но и всего малороссийского народа и должен использовать свой успех в интересах всего православия. Сам Хмельницкий называл патриарха Паисия отцом своим духовным (*Макарий Булгаков, митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 7.

Период самостоятельности Русской церкви (1589-1881). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 27, 440-441, 34). Хмельницкий просит Паисия вести переговоры с московским правительством о присоединении Малороссии в февралемарте 1649 г. В Москву Паисия сопровождал полковник Селуян Мужиловский (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. II. 1648-1651 годы. С. 500). В 1654 г. молдавский господарь Георгий Стефан обращается с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. 7 июля 1656 г. по государеву указу патриарх Московский и всея Великия, Малыя и Белья Руси Никон привел в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы к присяге сучавского митрополита Гедеона. 21 июля в этой же церкви тверской архиепископ Лаврентий и соборный протопоп Михайло привели к присяге логофета Григория и всех остальных членов посольства. Сближение с Россией явилось курсом высшего духовенства и значительной части политической элиты Молдавского княжества. Колебания внешнеполитического курса были следствием борьбы прорусски настроенной элиты со сторонниками турецкой, польской и венгерской ориентации. Большое количество носителей славянских имен и фамилий среди представителей Молдавского княжества, упоминаемых при описании русско-молдавских контактов, дает основание утверждать, что политическая элита русинского происхождения активно выступала за союз Молдавии с Богданом Хмельницким и Москвой. В марте 1658 г. Порта, узнав о тайных сношениях молдавского господаря с Москвой, сместила его. Несмотря на незавершенность переговоров в 1656 г., сам факт их проведения способствовал развитию русско-молдавских связей. Впоследствии договор Дмитрия Кантемира с Петром I, подписанный царем 13 апреля 1711 г. в Луцке, повторял в основном пункты соглашения 1656 г. Впоследствии, в результате многочисленных русско-турецких войн (1735-1739, 1768-1774, 1787-1791, 1806-1812, 1828-1829, 1877-1878), Россия частично реализовала план Богдана Хмельницкого и иерусалимского патриарха Паисия, оказав помощь православным странам в освобождении от турецкого ига. Активное участие в этих войнах в рядах русской армии принимали жители Молдавского княжества. Подробнее: Суляк С.Г. Миссия митрополита Гедеона: неосуществленный геополитический проект // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2006. № 2 (4). С. 19-29.

37. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. С. 398.

38. Там же. С. 400.

39. Энглунд Петер. Полтава: рассказ о гибели одной армии. http://militera.lib.ru/h/englund_p/29.html (дата просмотра: 01.06.2011).

40. Карпович М.М. Имперская Россия (1801-1917) // Вернадский Г.В. История России. Московское царство. Ч. 2. Тверь; М.: Издательство «Лань», издательство «Аграф», 2001. С. 292.

41. Ключевский В.О. Сочинения. Т. V. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 39-40.

42. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 259.

Александр ОГУЙ

ПРУТСКИЙ ПОХОД ПЕТРА I И ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ МОЛДАВИИ И БУКОВИНЫ

Как известно, по результатам Карловацкого мира (1699 г.), установившего после турецко-польской войны границы Молдавии (под протекторатом Турции) и Польши, Молдавия, вернув Буковину (с городами Хотин, Черновцы, Сучава, завоеванными раньше поляками), сохранила, на первый взгляд, предыдущий статус-кво¹. Однако внешнеполитическая ситуация существенно изменилась – на европейской «шаховой доске» свою партию все более активно играла Россия, вышедшая через Правобережную Украину на границу с Молдавией². Остановившись вкратце на предпосылках и характеристике этого похода, рассмотрим изменения в денежном обращении региона.

1. Интересы России к Молдавии и Буковине и последствия российско-шведской войны (1709). Впоследствии русско-турецких войн Молдавия стала довольно нестабильным регионом, почувствовавшим все превратности ближних и дальних интриг. Вследствие интриг валашского князя К. Брынковяну, заинтересованного в контроле соседнего государства, Молдавию после К. Кантемира сначала возглавил Константин Дука (1701-1704), которого сменили изначально выбранный боярами Михай Раковица (1704-1705), а затем Антиох Кантемир (1705-1707) и снова Михай Раковица (1707-1709). Геополитический интерес к этому региону, стратегическому для выхода на Балканы, начала испытывать и Россия. Ей содействовал Костянтин Туркулец, бывший буковинский и черновицкий староста (во времена польской оккупации 1673-1699 гг.), который сменил свои пропольские приоритеты: после смерти короля Яна III Собесского Польша практически потеряла свое влияние в Молдавии. Именно Туркулец предложил в 1698 г. Петру I 10 тыс. отборной конницы для возможной молдавской кампании, а впоследствии – и необходимую разведывательную информацию. С 1706 г. Туркулец постоянно занимался вербовкой «волошан для службы в российской армии», многие из которых (в т. ч. полковник А. Кигеч) хорошо зарекомендовали себя впоследствии в Полтавской битве³. Пауперизация (т. е. обеднение) местного населения привела, кроме новых опришковских походов на Косов и Галич (1698, 1704, 1714 гг.)⁴, и к усилению военного наемни-

чества для укрепления русских войск. Вследствие изменения внешнеполитической ситуации и действий Туркульца «волоские хоругви» полностью исчезли из структуры польского войска, зато появились в составе войск России.

В начале XVIII в. стало очевидным доминирование Швеции – король Карл XII разгромил Польшу, Саксонию, Данию и нанес ряд ощутимых поражений России. В этих условиях периоду относительного благополучия в Молдове пришел конец в 1709 г., когда после поражения под Полтавой отступающие шведские части вместе с украинскими казаками, которые «сами себя победили» (И. Мазепа), отошли через Молдову к турецким Бендерам. Как указывает А. Масан⁵, Карл XII по совету Мазепы надумал перебраться старым торговым путем через молдавские Сучаву и Черновцы и польские Краков и Львов к шведскому корпусу Крассау в Поморье. Для организации перехода в августе 1709 г. в Черновцы прибыл подполковник шведской лейб-гвардии А. Йилленкрук во главе полка шведов (560 солдат) и казаков (500 человек). Русский бригадир Г. Кропотов, по совету молдавского господаря М. Раковицы, перебросил свою бригаду из Подолья в Юго-Восточное Покутье. Эта бригада (1400 сабель), учитывая местную специфику, состояла, по данным А. Масана, преимущественно из буковинских наемников, завербованных в свое время К. Туркульцом. Петр Великий дал ей распоряжение «под смертной казнью в Волошской земли тамошних жителей никаких обид и насилств не оказывать». Туркул (Туркулец), уже полковник, по донесениям Кропотова, провел российские войска «зело трудными гористыми и лесистыми местами ... в местечко Черновцы от польскова рубежа милях в пяти». 23 сентября 1709 г., по реконструкции А. Масана, в районе нынешней Соборной площади г. Черновцы шведы сдались превосходящим силам соперника «на аккорд», а казаки, по И. Некулче⁶, «пошли вниз до Прута и спаслись почти все».

Этот эпизод имел далеко идущие последствия – напуганный Карл XII оставался до 1714 г. в Бендерах, проедаая там деньги гетмана Мазепы⁷. Господаря М. Раковицу, которого заподозрили в связях с Россией, поскольку военная операция русских в Черновцах не могла состояться без его ведома, по требованию Карла XII заточили в Бендерах. На место этого господаря был поставлен князь-философ Николай Маврокордато (1709-1710)⁸, которому не удалось укротить прибывавших в крае шведов, поляков и казаков, вследствие чего в Молдове начались голод и эпидемии. Изучив обстоятельства этого похода россиян, Оттоманская Порта расценила его как грубое нарушение границы, что произошло вопреки условиям Константинопольского трактата 1700 г., и приняла соответствующие меры.

2. **Русско-турецкая война и Прутский поход.** 20 ноября 1710 г. Турция, подстрекаемая Францией и Англией, которые боялись усиления России в бассейне Балтийского моря, и шведским королем Карлом XII, объявила войну России, которая уже усилила свои позиции в Украине. С этого времени, по словам И. Мазепы, украинцы Москве «верно служат». И далее до конца периода украинцы были регулярно задействованы в наступательных операциях России. Попытка казаков Филиппа Орлика в конце 1710 г. поколебать ее позиции на Украине оказалась безуспешной. Поэтому для ведения длительных военных действий по предложению крымского хана Девлет Гирея на престол возвели деятельного энциклопедиста Дмитрия (Димитрие) Кантемира (1710-1711), на которого возложили не только большие налоги, но и обеспечение продовольствием, постройку моста через Дунай и участие в военных операциях. Такая нагрузка вызвала острое недовольство господаря «Думитрашко-Воды», выпускника православной Патриаршей школы в Константинополе, известной своими антитурецкими настроениями, и он изменил внешнеполитическую ориентацию Молдавии.

Россия, объявив 25 февраля 1711 г. войну Турции, уже в марте 1711 г. призвала присоединиться к антиосманской войне всех христианских подданных Турции (сербов, словенцев, рагузцев и др.). После переговоров с Петром I, которые проводил черновицкий староста Штефан Лука, 3 (13 апреля) 1711 г. в Луцке был подписан молдавско-русский союзнический договор, который был призван обеспечить протекторат России над Молдавией⁹. В рамках этого договора 80-тысячное русское войско во главе с царем Петром I совершило Прутский поход¹⁰. Несмотря на поддержку господаря Молдовы, который обеспечивал войско мясными припасами, поход оказался плохо подготовлен – Молдова была опустошена саранчой, а турки перехватили хлебные запасы, закупленные Д. Кантемиром в Буджаке «за 10 тыс. талеров»¹¹. Несмотря на это, по донесениям российского офицера, «волохи к нам беспрестанно приходят с большим доброжелательством и желанием, и последние мужики служить желают»¹². Однако не все добровольцы попали в российские войска – Брынковяну задержал восемнадцатитысячный отряд сербов, которые шли на соединение с Петром I¹³. Из-за преступной пассивности валашского князя К. Брынковяну молдавскому правителю Кантемиру, «человеку зело умному и к нынешний войне способному» (Долгорукий), не удалось задержать строительство моста через Дунай. Воспользовавшись мостом, 100-тысячная армия великого визиря перешла беспрепятственно Дунай, благодаря чему сумела окружить российско-молдавскую армию и выиграть битву под Станилештами 9 июля 1711 г. Откупившись суммой в 200 000

червонцев и драгоценностями Екатерины I, подаренными визирю¹⁴⁵, русская армия (всего 37 тыс., в т. ч. около 4 тыс. молдаван Д. Кантемира) во главе с Петром I вышла из окружения. Отступающие части генерала К.Э. Ренна перешли Буковину (в т. ч. Черновцы и Хотин), «грабя и съедая все, что находилось в крае»¹⁵.

3. Последствия русско-турецкой войны. Молдова осталась под протекторатом Турции, однако (после перехода Д. Кантемира на службу России) Порты перестала доверять местным господарям. Более того, из-за внутренней коррупции и определенного недоверия Порты положение господарей стало особенно неустойчивым – по словам современника этих событий Д. Крмана¹⁶, «когда кто-либо из них пообещает Ясной Оттоманской Порте больше, чем составляет налог, получает высшее положение и право на трон воеводы». Благодаря лучшему финансовому положению и близости к туркам на престоле господаря Молдавии, которая становилась бастионом против растущего влияния русских, начали утверждаться господари-фанариоты¹⁷, преданно служившие Турции. Поэтому с тех пор и другие важнейшие государственные посты – большого ворника, судей, высших офицеров и т. д. - заняли греки-фанариоты, выходцы из Константинополя. Господарем во второй раз стал Николай Маврокордато (1712-1716), которому пришлось испытать немалые проблемы с иностранными союзниками (шведами, казаками). Шведы, поляки и казаки, которые зимовали в Вышней Молдове (Черновцы, Пригорены), постоянно грабили край. По просьбе Н. Маврокордато султан Ахмед III (1703-1730) отдал распоряжение вывести иностранцев силой, однако те ушли из страны относительно мирно (несмотря на призыв Карла XII сопротивляться с оружием в руках).

В пределах новой антирусской политики Порты 20 тыс. турецких спагиев заняли в 1713 г. населенные пункты от Днестра и Карпат (в т. ч. Черновцы) и при помощи войск Николая Маврокордато и местных жителей восстановили, несмотря на протесты поляков, разрушенную по результатам Карловацкого мира Хотинскую крепость, ставшую стратегически важной, учитывая российскую угрозу с северо-востока. Это было первым шагом для установления постоянного турецкого гарнизона¹⁸ и преобразования Хотинского цинута в Хотинскую райю¹⁹ (1715).

Благодаря этому Молдова, особенно ее северо-восточные границы, попали под жесткий турецкий контроль. По свидетельству тогдашнего летописца Иона Некулче²⁰, «у турок дорога шла через всю страну с Хотина. Одни проезжали через Фокшаны, добирались через Серет, через Ботошани ... другие через Бырлад и через Яссы, другие по Пруту», нанося при этом значительный ущерб местному населению.

нию. Таким образом, Порты осуществила тактический контроль над вассальной Молдовой и стратегически обеспечила оборону Молдовы от растущих интересов России.

4. **Экономические (монетные) последствия русско-турецкой войны и курс монет.** По имеющимся монетным материалам²¹, к началу XVIII в. денежный рынок Молдавии и Буковины, входившей в ее состав, сохранял значительную архаичность, вследствие чего в обращении оставались средневековые монеты (солиды, орты, талеры) (см. VIII/31, 54, 55, 58). Господствующее место на денежном рынке Молдавии (и Буковины) начала занимать (особенно после 1730 г.) турецкая монета, оздоровленная реформами Сулеймана II (1687-1691) и его преемников: Ахмада II (1691-1695), Мустафы II (1695-1703) и Ахмада III (1703-1730). Вместе с численными акче и пара денежное обращение Порты стабилизировали крупные серебряные монеты: золоты, выпущенные по образцам ахтенвинтигов и золотых польских талеров, и куруши (по образцам французских талеров-эюк) (см. VIII/1, 5, 8, 10, 18, 21, 24, 26, 27, 29, 35, 38, 39, 40, 42, 47, 49, 58), вытесняя стандартную средневековую монету (солиды, орты, талеры).

В этих условиях определенное место в местном обращении заняла русская монета (рубли и копейки), что особенно интенсивно функционировала здесь во время Прутского похода 1711 г. Это имело материальное обоснование – офицерский состав русской армии получал весьма значительные суммы. По воспоминаниям де Браге²², тот имел ежемесячно 70 рублей (рубель стоил 5 французских ливров) как бригадир и 130 рублей со всеми начислениями за звание. Кроме того, по документам, 29 мая 1711 г. фельдмаршал Шереметев направил к Кантемиру, кроме бригады Кропоткина, еще и «десять тысяч рублей денег для покупки провианта и (выплаты) жалования валахам»²³.

Значительная часть жалования русскому войску была израсходована в Молдавии из-за возникших обстоятельств. Как вспоминает летописец Н. Костин, современник похода, татары перекрыли дороги, и возникли большие лишения в лагере. «Тогда стоил мешок сена до 10 рублей, как у нас 10 уг, и был в обозе хлеб весом 60 драмурь (примерно 192 г) по 6 копеек, то есть 12 бани, и начали военные чернеть и болеть»²⁴. Русские монеты «копейки, дутки»²⁵ по 4 бани и тимпфы новые московские», попав в местный оборот, числились среди прибылей земли Молдавской. Однако визирь отказывался брать эти номиналы в составе «кошелей деньгами» (пунджи де бань) без скидки²⁶. Это имеет свое объяснение – русские тимфы 1707-1709 гг., эмитированные для закупок продовольствия во время военных действий в странах польско-литовской монетной системы, были достаточно низкого качества – они имели вес 6 г при 310-й метрической пробе²⁷, что было существенно хуже по сравнению с польскими ортами 480-й МПР.

Благодаря записям современников тех событий Н. Костина и Д. Крмана, у нас есть сведения о курсе русских монет начала XVIII в. в Молдове. По Д. Крману²⁸, «копейка – это московская серебряная монета, равная польском полтораку». По Н. Костину, 1 копейка равнялась 2 баням, а другая русская монета – дутка – 4 баням. Заметим, что курс российской дутки 1711 г. в 4 бани был значительно ниже обычной стоимости дутки (тройка) в 13 бани по брашовским записям 1645-1670-х гг.²⁹ Если по своему курсу дутка в 13 бани была старым польским тройным грошом (трояком, или потронином), то о русской дутке мы знаем, что она равнялась 4 баням, соответствуя, таким образом, двум тогдашним российским копейкам по 0,40 г.³⁰ Учитывая этот показатель, есть все основания считать русской дуткой серебряный царский алтын³¹ выпуска 1704, 1710-1711 гг. (0,80 г 720-й МПР)³².

Русский монетный материал (особенно качественные рубли) сохранялся в денежном обращении Буковины и Молдавии, как свидетельствуют буковинский клад из с. Дихтинец Путильского р-на (1880) и отдельные находки³³, до 1770-х г. XVIII в., т. е. до времен аннексии Буковины Австрией.

Как видим, благодаря внешнеполитическим событиям русские монеты вошли в состав денежного обращения Буковины и Молдавии, причем низкопробные русские копейки сразу ушли со скидкой в Порту, а крупные качественные русские рубли, несмотря на их изъятие в денежную казну Порты, частично осели в местныхкладах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Молдавии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Ред. А.Д. Удальцов, Л.В. Черепнин. Кишинев: Шкоала советикэ, 1951; История Молдавской ССР в двух томах. Т. 1. С древних времен до Великой Отечественной войны / Ред. Л.В. Черепнин, Я.С. Гросул, Ю.Г. Иванов, М.А. Мохов и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960; История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней / Ред. В.И. Царанов, С.Я. Афтенюк, Д.М. Драгнев и др. Кишинев: Штиинца, 1982; История Молдавской ССР. Т. 1: Первобытно-общественный строй; Образование Молдавского государства / Ред. В.Л. Янин, Л.Л. Полевой, В.А. Дергачев и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1987; Istoria românilor. Academia Română. Vol. IV: De la universalitatea creștină către Europa «Patriilor» / acad. Ș. Ștefănescu, C. Mureșanu, prof. T. Teoteoi (red.). București: Ed. Enciclopedică, 2001.

2. *Озуй О.Д.* Монетно-лічильні найменування на Буковині та в Молдові в кінці XIV - першій третині XIX ст.: Проблема поліномінацій в адаптивних термінологічних системах. Чернівці: Рута, 1997, С. 93; *Масан О.* Перші по-

ходи російських військ на Буковину (З історії міжнародного становища краю на початку XVIII ст.) // Питання історії України: Зб. наук. ст. Т. 3. Чернівці: Золоті литаври, 1999. С. 244-253.

3. *Масан О.* Перші походи російських військ на Буковину. С. 245-246.

4. *Грабовецький В.* Галичина: проблеми середньовічної і нової історії: Монографія. Ів.-Франківськ: Плай, 2004. С.71.

5. *Масан О.* Перші походи російських військ на Буковину. С. 248-252; *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини XX ст.). Чернівці: Рута, 2005. С. 124-130.

6. *Neculce I.* Letopisețul țării Moldovei («... de la Dabija-vodă pînă la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat») // Letopisețul țării Moldovei. Chișinău: Hyperion, 1990. P. 251-473 (дальше: NI LTM. P. 365).

7. *Яценюк Г.* Боротьба за скарб гетьмана Івана Мазепи // Питання історії України: Зб. наук. ст. Т. 7. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 28.

8. *Масан О.* Перші походи російських військ на Буковину. С. 248-252; *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин. С. 124-130.

9. *Журковський В.* Історія Буковини (Geschichte der Bukowina) // Буковина. Загальне краєзнавство. Перевидання вид. 1899 р. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 379; *Руссев Е.* Дмитрий Кантемир – поборник свободы и независимости Отчизны // Наследие Дмитрия Кантемира и современность / Сост. Х. Корбу, Л. Чобану. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1976. С. 33-37.

10. Записки бригадира Моро де Бразе (касающиеся Турецкого похода 1711 года) // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. М.: Наука, АН СССР, 1965. С. 416 (далее: ЗБМБ).

11. По: *Руссев Е.* Дмитрий Кантемир. С. 50.

12. Военные кампании обеспечивали местных охотников дополнительными доходами.

13. История Молдавии. Т. 1, 1951. С. 253.

14. ЗБМБ. С. 466, 470.

15. NI LTM. P. 400.

16. *Крман Д.* Подорожній щоденник (Itinerarium 1708-1709) / Пер. із слов. О. та Г. Булахи. К.: Просвіта; Вид. ім. О.Теліги. 1999. С. 131 (далее: К ПЩ. С.131).

17. Фанариоты были греками, вышедшими из предместья Стамбула, где находился маяк - Фанар.

18. *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин. С. 131.

19. Как не парадоксально, но это пошло на пользу экономическому развитию Хотинщины, т. к. военная элита, что преимущественно состояла из славяноязычных боснийцев и сербов, получала высокое жалование, которое поступало в развитие местной экономики: «поэтому чем дольше пребывало войско, тем лучше развивалась местная экономика», см.: *Pamuk S.* A monetary history of the Ottoman Empire. Cambridge: Univ. Press, 2000. P. 100. Этим ситуация близка ситуации в ФРГ, где пребывали американские войска в 1960-1980-х гг., что способствовало развитию местной инфраструктуры.

20. NI LTM. P. 412.
21. *Озуй О.Д.* Монетні знахідки на Буковині: системно-квантитативне зіставлення. Ч.: Рута, 2008.
22. ЗБМБ. С. 473.
23. По: *Руссев Е.* Дмитрий Кантемир. С. 43.
24. Kogălniceanu M. (publ.). Letopisețul Țării Moldovei. Op.1.1. Iași, 1845. P. 116.
25. Дутка (нем. Düttchen, Dittchen, Duttgen; к пол. Dudek «удод») – ироническое разговорное обозначение польских трояков из-за уничижительного наименования изображенного польского орла как удода. См.: *Kahnt H., Knorr B.* Alte Maße, Münzen und Gewichte. Ein Lexikon. Wien; Zürich; Mannheim: Bibliographisches Institut, 1987. S. 78.
26. Kogălniceanu M. (publ.). Letopisețul Țării Moldovei. Op.1.1. Iași, 1845. P. 128.
27. См. *Узденников В.В.* Монеты России: 1700-1917. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 415.
28. К ПЩ. С.25.
29. *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria românilor. In 44 vol. București, 1876-1944. Vol. XV, 2: 1601–1825. București, 1913. № 2787, P. 1474; № 2060, P. 1133.
30. *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 229.
31. На это время две русские копейки соответствовали по содержанию серебра новому польскому трояку.
32. См. *Узденников В.В.* Монеты России. С. 413-414.
33. *Озуй О.Д.* Монетні знахідки на Буковині.

Подписка 2012**На международный исторический журнал****Русь****объявлена подписка в Республике Молдова****Журнал выходит четыре раза в год****Подписаться на журнал можно в любом отделении связи****Отдельные номера журнала можно приобрести****в Общественной ассоциации «Русь»****(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

Георгий КОЖОЛЯНКО

ОСВОБОЖДЕНИЕ БУКОВИНЫ ОТ ТУРОК В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ КОНЦА 60-Х гг. XVIII в. И АННЕКСИЯ КРАЯ АВСТРИЕЙ

В середине XIV в. с ослаблением Галицко-Волынского княжества его часть – Буковина - отошла к Молдавскому государству. Однако в 30-х гг. XVI в. Буковина вместе с Молдавией была подчинена Османской империи.

Во второй половине XVIII в. территория Буковинского края стала интересовать Австрию. Стремление Австрии добиться во второй половине XVIII в. внешнеполитических успехов диктовалось в определенной степени и внутренними проблемами этой страны. Господствующий класс Австрии понимал, что внутреннее напряжение в многонациональной стране можно снять территориальными приобретениями и таким образом укрепить феодально-крепостнический строй.

Особенно четко стремление к территориальным приобретениям проявились в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

В ходе этой войны между Россией и Австрией было достигнуто соглашение о разделе европейских владений Турции. Правительство Екатерины II разработало проект раздела этих владений. Босния и Далмация должны были отойти к Австрии, а Дунайские княжества, Крым и Причерноморье – к России¹.

Разрабатывая планы дальнейших территориальных захватов, австрийский канцлер Р. Кауниц обратил внимание своего правительства на территорию Северо-Западной Молдавии – Буковину, которая вклинивалась между оккупированной в результате первого раздела Польши Галицией и Трансильванией. Он подчеркнул возможность аннексии этой территории, мотивируя это тем, что Буковина когда-то входила в состав Венгрии и Польши, а потом была узурпирована Турцией.

Дело аннексии Буковины стало для австрийского правительства в начале 70-х гг. XVIII в. наиболее актуальной проблемой. Определенную роль в ускорении реализации плана аннексии Буковины сыграла инспекционная поездка Иосифа II в Трансильванию и Галицию, во время которой он убедился в реальности аргументов, выдвинутых во-

енными стратегами, экономистами и дипломатами. Во время поездки он убедился, что Буковина более богата, чем Малая Валахия, оккупированная Австрией еще в 1769 г.² Соответственно, у него появился план обмена Малой Валахии на Буковину, одобренный и утвержденный императрицей Марией Терезией и канцлером Р. Кауницем³.

Однако на пути аннексии Буковины Австрией стояла преграда. В ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Буковина была освобождена от турок русскими войсками⁴.

Избегая прямых переговоров с русским правительством, австрийское правительство сделало попытку установить непосредственный контакт со ставкой командующего русской армией Румянцева⁵. Контакт пытался наладить генерал-волонтер при ставке главнокомандующего Дунайской армией В. Барко, который добился у Румянцева разрешения на исследование геологического строения Карпат и изучение пограничной с Галицией территории⁶.

10 августа 1773 г. с целью тщательного изучения территории Буковины Иосиф II направил сюда две военные экспедиции: одну – в составе трех офицеров и двух унтер-офицеров во главе с командиром второго валашского пехотного пограничного полка полковником Ф. Энценбергом – со стороны Трансильвании, вторую – со стороны Львова, в составе трех офицеров во главе с капитаном Ф. Миегом⁷.

Одновременно австрийское правительство поставило перед полковником Зегером задачу исследовать историю Буковины и «обосновать» историческими фактами и документами право Австрии на эту территорию как часть Галиции (Покутья). С этой целью Зегер был откомандирован в Варшаву, где занялся изучением и подбором материалов архивов⁸.

В это же время австрийским историком при императорском дворце Гормаэром была подготовлена историческая справка-фальшивка с обоснованием права Габсбургов на Галицию, Подолье, Валахию, Молдавию, включая и Буковину⁹.

В июле 1773 г. канцлер Р. Кауниц направил своему послу в Константинополе Ф. Тугуту инструкцию о зондировании условий и шансов реализации планов аннексии Буковины, в частности, форм дипломатических демаршей перед Портой.

Желание приобрести эту территорию усилилось после того, как в Вене стало известно что, согласно предварительной оценке экспедиций, Буковина стоит около 21 млн. гульденов. В это время австрийское правительство рассчитывало исключительно дипломатическим путем приобрести Буковину.

Иосиф II распорядился, чтобы капитан Миег провел картографирование территории, подлежащей аннексии. 17 октября 1773 г. был

составлен проект «Генеральной карты Буковины» со специальными схемами-вставками Хотина и Каменца-Подольского. Эта карта вместе с другими картографическими материалами и отчетом экспедиции была направлена Генеральному командованию 11-й австрийской армии в г. Львове¹⁰.

Путем опроса местных жителей Миег также собрал сведения о том, что Черновицко-Хотинская возвышенность – это бывшая польско-молдавская граница, и что последними старостами Черновицкого цинута были польские шляхтичи Потоцкий и Туркул¹¹.

16 декабря 1773 г. и 8 февраля 1774 г. полковник Зегер прислал из Варшавы во Львов материалы, собранные им в архивах Польши. В этих материалах подчеркивалось, что Буковина, как и Покутье, были когда-то в составе Польши. Зегер также указывал, что кроме Пруто-Днестровского междуречья в состав Польши входили еще Пруто-Серетское и Серето-Быстрицкое междуречья. Позже Зегер пытался доказать также право Венгрии на Молдавию и Валахию, однако Генеральный штаб австрийской армии остановился на «польском» варианте обоснования права Австрии на Буковину¹².

После малообнадеживающих сообщений Тугута из Константинополя правящие круги Австрии поняли, что Порта из соображений военно-стратегического и политического характера мирным путем Буковину не уступит. Переговоры же с русским двором об аннексии Буковины были нежелательны для Австрии, ибо это могло привести к обострению отношений с Портой. В то же время искать поддержки у Пруссии также было невыгодно, последняя сразу же выдвинула бы эквивалентные территориальные притязания как компенсацию.

В конце концов австрийское правительство пришло к выводу, что лучший вариант аннексии Буковины – оккупация края еще до полного отступления русских войск из Дунайских княжеств, сразу же после заключения мира¹³.

Австрия решила поставить Турцию перед фактом оккупации и заставить ее добровольно уступить Буковину. В декабре 1773 г. Кауниц получил от австрийского посла в Петербурге князя Лобковича секретную депешу о том, что Россия собирается заставить Турцию подписать мир на своих условиях при помощи прусского посла в Константинополе Цегелина. В частности, Вене стало известно о том, что Молдавия и Валахия на правах автономии будут возвращены Турции. Узнав об этом, Австрия поспешила заверить русское правительство о своей поддержке при заключении выгодного мира для русских через своего посла Тугута¹⁴.

Россия же не могла воспрепятствовать действиям Австрии на пути к захвату Буковины, ибо несравненно более важной была «черномор-

ская проблема», назревали острые внутренние проблемы, в частности, крестьянская война под предводительством Е. Пугачева. К тому же Россия могла оказаться еще и между двумя вражескими государствами – Турцией и Австрией. Одновременно Россия надеялась, что из-за Буковины может возникнуть австро-турецкий конфликт, а это могло ускорить заключение мира с Портой на нужных условиях для России, отвести внимание Австрии от польских дел и, наконец, ослабить обе стороны¹⁵.

В январе 1774 г. Тугут сообщил Кауницу, что новый султан Мустафа IV ни при каких условиях не уступит какие бы то ни было территории мирным путем, а это еще раз убедило правящие круги Австрии в том, что Порту нужно поставить перед фактом оккупации, и что сейчас все зависит от успешного завершения для России войны с Турцией¹⁶.

Уже 3 мая 1774 г. были начаты переговоры со ставкой Румянцева о разрешении продвижения отдельных австрийских подразделений в Пруто-Днестровское междуречье. В случае отхода русских войск из Буковины Австрия желала установить пограничные столбы по линии Черновицко-Хотинской возвышенности и расставить военные посты для «защиты границ от опрышков». Переговоры велись от имени Иосифа II через генерала В. Барко. Большая часть русского генералитета встретила это предложение враждебно¹⁷.

Перед Россией австрийское правительство мотивировало необходимость аннексии Буковины выбором удобной военно-стратегической позиции против Турции, что, несомненно, должно отвечать интересам России¹⁸.

В то же время занятие Хотинского и Сучавского цинутов объяснялось необходимостью выдвижения форпостов для защиты галицийских и трансильванских границ от турок, беглецов-опрышков и стихийных миграций населения, а также установления санитарной границы в связи с эпидемиями и эпизоотиями¹⁹.

В мае 1774 г. подразделения австрийских войск двинулись из своих базовых районов сосредоточения – Снятина, Залещик – к линии Черновцы-Хотин. Под предлогом исследования геологического строения Карпат по территории Буковины с разведывательной целью были разосланы офицеры. Ночью 12 мая 1774 г. два гусарских подразделения под предлогом закупки коней пробрались на территорию Буковины и перекопали на новую линию пограничные столбы, объясняя свои действия местным жителям тем, что они якобы устанавливают триангуляционные и геометрические вехи. На вопросы русской военной администрации, как понимать пребывание австрийских войск на территории края, был дан ответ: «Это офицеры военно-оперативной связи Галиции и Трансильвании»²⁰.

В конце мая для изучения сложившейся ситуации в Буковину прибыл представитель придворного военного совета Вены Эльрихсгаузен. Он интересовался возможностями дальнейшей перекопки пограничных столбов на новую линию и определения необходимости и количества военных подразделений для общей оккупации края. После краткого ознакомления с положением на Буковине Эльрихсгаузен распорядился привести в боевую готовность бригады генералов Сплени и Кисса, расположенные на границе с Буковиной.

21 июля был подписан русско-турецкий Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Согласно 24 пункту этого договора, территория Молдавии (с Буковиной) и Валахии снова должны были быть переданы Турции до 20 декабря 1774 г.²¹

Информация о скором отходе русских войск из Валахии и Молдавии быстро дошла до Вены. В срочном порядке капитану Миеге из Вены было приказано ускорить завершение съёмки территории края, задержанной в связи с холерой. Перед ним была поставлена также задача наблюдения за передвижением русских войск.

Одновременно посол Тугут получил инструкции о форсировании дел по подготовке правительства Порты к переговорам о передаче Буковины Австрии в связи с тем, что командование Дунайской армией принял от Румянцева антиавстрийски настроенный князь Репнин, еще не посвященный в планы Австрии относительно Буковины²².

В августе Иосиф II отдал приказ занять Буковину. Одновременно было принято решение оккупировать и Хотинскую райю. 30 августа передовые части военных соединений генерала Сплени и Кисса, сопровождаемые генералом Миегом, выступили из Снятина и заняли г. Черновцы²³.

В задачи этих подразделений входила оккупация значительной части Буковины и установление границы от Первородка (возле Хотина) до Каппу Кодрулуй (в южной части Буковины). В Черновцах был размещен штаб оккупационных войск с гарнизоном в 400 гусар.

1-2 сентября 1774 г. бригада генерала Кисса в основном завершила оккупацию территории Пруто-Днестровского междуречья. Через реку Прут в районе Черновцов был наведен понтонный мост, а между Черновцами и Снятином установлена оперативная военно-полевая связь. В дальнейшем оккупационные войска усиливались за счет прибытия все новых и новых подразделений. Одновременно в первой декаде сентября к войскам генерала Сплени присоединились еще три пехотных и два кавалерийских полка²⁴. В наиболее важных в стратегическом отношении пунктах были сооружены редуты с пушками²⁵.

К 24 октября 1774 г. территория Буковины была полностью оккупирована австрийскими войсками. 27 октября Иосиф II распорядился

закрывать границы Буковины и с 19 ноября провести демаркацию границ²⁶.

Еще в середине сентября 1774 г. известие об оккупации Буковины Австрией дошло до Ясского Дивана (правительство Молдавии), который незамедлительно сообщил об этом в Константинополь. В турецком правительстве факт оккупации Буковины австрийскими войсками восприняли чрезвычайно враждебно, чего и следовало ожидать.

Великий визирь Турции обратился к Румянцеву и прусскому послу Цегелину с просьбой помешать австрийской оккупации Буковины. Румянцев ответил, что русские войска уже выведены из Дунайских княжеств и австрийским войскам он уже не сможет помешать²⁷.

Русское правительство дало понять Константинополю, что не собирается мешать действиям Порты против Австрии, надеясь, что Турция примет защитные меры и не допустит пребывания австрийских войск на Буковине²⁸. Прусский посол Цегелин также ответил, что Пруссия не может вмешиваться в это дело, ибо ей не известны отношения между Портой и Австрией. Однако Пруссия все же выдвинула против Австрии территориальные требования в Польше²⁹.

Решительный протест против оккупации края Австрией выразил господарь Молдавии Григорий Гика, назначенный на этот пост по требованию России и Пруссии 12 октября 1774 г.³⁰ Он неоднократно предупреждал Константинопольский Диван, чтобы тот не доверял дружественным заверениям Австрии, ибо оккупация Буковины Австрией доказала обратное. Тем более, подчеркивал в донесениях Константинополю Григорий Гика, Буковина по своему значению больше стоит, чем вся остальная территория Молдавии. Он направил в Константинопольский Диван карту оккупированной территории и убеждал Порту, что потеря ею Буковины чрезвычайно чувствительна для Молдавии. Григорий Гика сообщил также, что на Буковине расположен небольшой оккупационный корпус, который легко прогнать. В Константинополь одновременно была направлена декларация бояр с требованием вернуть Буковину силой. Поддерживаемый Россией и Пруссией Григорий Гика пошел на крайний шаг, заявив Абдул Хамиду I, что, в случае, если султан не освободит Буковину и не будет защищать молдавские территории от австрийской агрессии, господарь будет искать защиты у других государств, в первую очередь, у России и Пруссии³¹. Однако доводы Г. Гики султан не принял всерьез, а заявление молдавского господара о возможности обращения к другим государствам для защиты молдавских территорий вызвало чрезвычайно негативную реакцию султана.

Пользуясь отсутствием доскональных географических знаний у министров Порты, австрийское генеральное командование изготовило

для турецкого правительства карту-фальшивку с уменьшенной территорией³². В своей ноте от 2 февраля 1775 г. и распространенном в Константинопольском Диване меморандуме Тугут подчеркивал, что Австрии было крайне необходимо занять Сучавский, Черновицкий, Хотинский цинуты и часть Кимполунгского округа, оперируя ранее высказанными аргументами³³.

Поддерживаемый австрийским правительством, Тугут развернул интенсивную деятельность по подкупу министров Дивана. На подкуп официальных властей Австрия истратила 16 889 флоринов. Были подкуплены делопроизводители турецкого правительства, ответственные придворные особы и пр.³⁴

2-3 апреля 1775 г. в Константинополе состоялись предварительные переговоры относительно уступки Турцией Буковины. На совещании министров правительства Турции большинством голосов было принято решение о передаче Австрии только Буковины без Хотинской райи. Принятию этого решения содействовал прусский посол Цегелин³⁵.

3 апреля 1775 г. был составлен договор об уступке Портой Буковины в пользу Австрии, кроме Хотинской райи и Хотинской крепости³⁶. Затем 7 мая 1775 г. великий визирь Исет Махмет и австрийский посол Тугут подписали австро-турецкую конвенцию об уступке Портой Буковины «на вечные времена»³⁷.

В конвенции указывалось, в частности, что Порта уступает территорию от Карпат до Хотинского цинута по линии Тешна, Кондрени, Сучава, Серет и Черновцы согласно представленной австрийским послом Тугутом карте³⁸. Кроме этого, Австрия брала обязательство не строить на оккупированной территории крепости³⁹.

В это время проявилась и двуличная политика молдавского господаря Г. Гики, стремившегося к неограниченной власти. Ему было безразлично, откуда он получит поддержку – от России, Пруссии или Австрии. Через своего тестя Якобаки Ризо, подкупленного австрийцами, он даже поздравил Тугута с успешным завершением этого трудного дела – оккупации Буковины⁴⁰.

После окончательной демаркации границ представителями австрийского командования и Дивана Порты 7 мая 1777 г. австро-турецкая конвенция была ратифицирована, а 2 июля 1777 г. состоялся обмен конвенциями на австро-турецкой границе⁴¹.

Оккупацией Галиции, Буковины и других славянских территорий Австрией был реализован прогерманский девиз: «Dranh nach Osten». Австрия превратилась в цитадель германизма в Европе. На Буковине в первое десятилетие после оккупации установился военно-окупационный режим.

Оккупированная территория Буковинского края с 1775 г. в военном отношении была подчинена Генеральному военному командованию Галиции и Владимирья, а в гражданских делах – Галицийскому губернскому управлению⁴².

Оккупация Буковины Австрией была не только сменой государственной принадлежности. Это внесло и значительные изменения в социальную, политическую и культурную жизнь буковинцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Renault L.* Cent projets de partage de la Turquie. Paris, 1914. С. 186.
2. *Kaindl R.F.* Kaiser Joseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina. Czernowitz, 1896. С. 5.
3. Там же. С. 11.
4. *Курило В., Лиценко М., Тимошук Б. і ін.* Північна Буковина, її минуле і сучасне. Ужгород, 1970. С. 11.
5. Картина войн России и Турции в царствовании императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. С. 27.
6. *Кожоляно Г.* Оккупация Буковины Австрией в 1774 г. / ИНИОН СССР. Новая советская и иностранная литература по общественным наукам. М., 1979. № 5. С. 5-8.
7. *Kaindl R.F.* Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. Czernowitz, 1896, С. 12.
8. Там же. С. 23.
9. *Schuselka F.* Deutschland, Polen und Russland. Hamburg, 1846. С. 116.
10. *Polek J.* Joseph II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1893. С. 9-10.
11. *Werenka D.* Bukowinas Entstehen und Aufblühen Maria Therezias Zeit. Bd.1 (1772-1777). Wien, 1892. С. 11-12.
12. *Kaindl R.F.* Kaiser Joseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina. С. 5.
13. *Kaindl R.F.* Geschichte der Bukowina. Bd. 3. Czernowitz, 1908. С. 10.
14. Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 30. Оп.1. Ед. хр. 5. Л. 14.
15. Documente privind istoria României. Colectia E. de Hurmuzacki (seria noua). București, 1929. С. 11.
16. *Kaindl R.F.* Geschichte der Bukowina. BdC. 11-12.
17. *Kaindl R.F.* Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. С. 19.
18. РГАДА. Ф. 20. Оп.1. Ед. хр.123. Л.4; Ф. 204. Оп. 2. Ед. хр. 152. Л. 3-7.
19. Черновицкий областной государственный архив (ЧОГА). Ф. 1178. Оп. 1. Ед. хр. 1, л. 1-2; Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1-3.
20. Картина войн России и Турции в царствовании императрицы Екатерины II и императора Александра I. С. 28.
21. РГАДА. Ф. 20. Оп.1. Ед. хр. 130. Л. 17.

22. РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр.161. Л. 12-14.
23. *Polek J.* Ruckblick auf die Forschungen zur Landes – und Volkskunde der Bukowina seit 1773. С. 3.
24. *Morariu C.* Bukowina, 1774-1914. Bucuresti, 1914. С. 3-4.
25. *Ziegler F.* Der Zushtand der Bukowina zur Zeit der Osterreichischen Militar-Verwaltung (1780-1781). Czernowitz, 1895. С. 3.
26. *Werenka D.* Bukowinas Entstehen und Aufbluhen Maria Therezias Zeit. Bd.1 (1772-1777). Wien, 1892. С. 139.
27. Картина войн России и Турции в царствовании императрицы Екатерины II и императора Александра I. С. 29.
28. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 318.
29. ЧОГА. С. 272.
30. *Beer A.* Die Erste Theilung Polen. Wien, 1873. С. 159.
31. *Kaindl R.F.* Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. С. 31.
32. *Popescu-Spineni.* Harta Bucovinei din anul 1774. București, 1943. С. 1-3.
33. *Werenka D.* Die Verhandlungen Oesterreichs mit der Turkei bezuglich der Erwerbung des «Bukowiner Distrikts» nach der Convention von 7.V.1775. Wien, 1892. С. 7.
34. *Morariu C.* Bukowina, 1774-1914. București, 1914. С. 22-23.
35. *Kaindl R.F.* Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. С. 36.
36. Там же. С. 24.
37. *Werenka D.* Bukowinas Entstehen und Aufbluhen Maria Therezias Zeit. С. 180-186.
38. *Popescu-Spineni.* Harta Bucovinei din anul 1774. С. 153.
39. *Putlinger J.* Uebersicht der Osterreichischen Staatsvertrage. Wien, 1868. С. 421.
40. *Bidermann H.* Die Bukowina unter Osterreichischer Vervaltung, 1775-1875. Lemberg, 1876. С. 3.
41. *Putlinger J.* Uebersicht der Osterreichischen Staatsvertrage. С. 422.
42. *Beer A.* Die Erste Theilung Polen. С. 271.

Владимир ВАСИЛИК

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ДУНАЙСКИМИ КНЯЖЕСТВАМИ В XV-XVIII в.: ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ

Если считать, что Республика Молдова является преемником Молдавского княжества, а Русское государство - Великого княжества Московского, то историю дипломатических отношений надо начинать со Штефана III (1457-1504) и Ивана III (1462-1506). Следовало праздновать в 2009 г. 530-ю годовщину установления российско-молдавских дипломатических отношений, поскольку в 1479 г. господарь Штефан Великий послал к Ивану Великому посла с предложением выдать замуж свою дочь Елену от брака с Евдокией, княгиней Киевской, за сына великого князя Ивана Ивановича Молодого. Иван III ответил согласием, и в январе 1483 г. состоялось бракосочетание молодых: «Тое же зимы женился князь велики Иван, сын великого князя Ивана Васильевича, а привели за него из Волох дщерь Стефана воеводы Елену»¹. Елена Стефановна, известная из русских источников как Елена Волошанка, сыграла в русской истории немалую роль: от нее родился первый венчаный на царство в 1498 г. русский князь Димитрий (судьба которого, однако, сложилась трагически: он умер в заточении в 1509 г.)².

Брачный союз, по мнению ряда ученых, сопровождался письменным молдавско-русским договором³:

Сближение двух государей не было случайным. Весьма символично, что они не только правили почти в одно и то же время, но и оба носили прозвище «Великий», и два великих правителя, подобно двум магнитам, притягивались друг ко другу Их сближала общность государственных интересов: Ивану III требовался противовес Польско-Литовскому государству в Юго-Восточной Европе. Московский князь планомерно окружал владения своего недруга, польского короля Казимира, своими союзниками. Кроме того, благодаря посредничеству Штефана удалось установить отношения с венгерским королем Матвеем Корвином и заключить с Венгрией антипольский союз. В свою очередь Штефан стремился не только обеспечить союз с сильным Московским княжеством против Польши, но и заручиться его поддержкой (по крайней мере, финансовой и моральной) против Османской

империи. Характерны его слова в грамоте от 1484 г., направленные Ивану III: «А в сей стороне один я остался, а с двух сторон – поганство (*т. е. язычество*) тяжкое, а от трех сторон так называемые христиане, которые мне хуже поганства. Я уже не могу их больше терпеть, только бы Бог научил Вашу милость повернуться к нам лицом и явить к нам приянтельство (*т. е. дружбу*), а я бы еще больше к Вашей милости имел приянтельство»⁴. В этих горьких словах, как в зеркале, отразилась трагическая судьба православного Молдавского княжества, зажатого между мусульманской Османской империей и неправославными католическими государствами – Венгрией и Польшей, враждебными православию. Может быть, подобное предположение выглядит рискованным, но эта грамота Штефана открывает целый ряд обращений молдавских и валашских господарей, бояр и священнослужителей с просьбой о помощи и, в конечном счете, о подданстве. Однако в целом отношения Штефана III и Ивана III мыслились в рамках равноправного союза: «Другу друг, а недругу недруг». Для этого времени характерна координация смены курсов: когда Иван III примирился с литовским князем Александром, то одним из условий договора был мир Литвы со Штефаном: «А ты бы брат наш того хотел же, чтобы Стефан воевода был тебе таков же, как и нам: другу бы нашему был друг, а недругу недруг»⁵. В 1497 г., когда польский король Ян Ольбрахт пошел походом якобы на освобождение Килии и Белгорода, а на самом деле – для захвата Молдавского княжества, а князь Александр собрался было ему помогать войском, то Иван III строго предупредил его: «Чтобы ты памятовал наше с тобою докончание (*т. е. мир*) и на Стефана воеводу не ходил»⁶. Предупреждение Москвы оказало свое отрезвляющее действие на литовского князя: он вернулся с большей частью войск в Литву. Лишь меньшая часть, самовольно отделившись от Александра, дошла до местечка Ленцешти, где и была разгромлена ворником Болдуrom.

Со своей стороны молдавский господарь Штефан выступал посредником в русско-литовском конфликте 1500-1503 гг., при этом он проводил идею общехристианского похода против мусульман (поганых). Молдавский посол дьяк Константин так излагал предложение Штефана: «Иоанн Стефан воевода велел тебе говорити. Все короли и все христианские государи, сколько их есть, и все страны запада и Италийских стран соединяются и готовятся и хотели быть против поганых, и добро бы было бы и тебе со христианами мир иметь и совместно со всеми христианскими государями против поганства стояти»⁷. К сожалению, этот призыв не был услышан в Москве, занятой отвоевыванием киевского наследства.

Преемник Штефана Богдан III (1504-1517) также стремился сохранять добрые отношения с Великим княжеством Московским, особенно во время войны с Польским королевством в 1506-1510 гг.. В 1508 г. он обратился за поддержкой к русскому правительству, которое в это время также проводило антипольскую политику⁸, и дипломатическая помощь была ему оказана. Сходную политику проводил и молдавский господарь Петр Рареш (1527-1546). В 1528 г. он отправляет в Москву своих послов Думу Кузмича и Тому Иванова, а в 1529 г. – Тому Иванова и Александра Кыржу⁹. В результате молдавско-русского союза была создана антигеллонская коалиция, к которой одно время примкнул Крым¹⁰. Русская дипломатия прилагала максимум усилий для защиты молдавского господаря. Так, в 1536 г. во время предварительных переговоров литовскому гетману Ю.Н. Радзивиллу была передана просьба королю Сигизмунду, чтобы он «и с Петром воеводою волошским велел оружие положить до времени»¹¹. Великое княжество Московское брало на себя роль дипломатического посредника. Так, в 1537 г. польским послам на приеме было сказано от имени государя: «И Жигмонт бы король и Петра воеводу учинил с собою в перемирье, а государь наш пошлет к нему своего человека, чтоб Петр воевода послал к Жигмонту королю о перемирье»¹². Временами Великое княжество (а затем Царство Московское) служило убежищем для молдавских бояр и даже господарей: так, молдавский господарь Богдан (1568-1572), смещенный султаном из-за боярских интриг, поскакавший по Польше и Габсбургским владениям, в конечном счете обрел приют у московского царя¹³.

Из-за голода, Смуты и интервенции в первой четверти XVII в. контакты России с Молдавским и Валашским княжествами минимизируются. Однако уже в 1629 г. в Москве появляется посольство от молдавского господаря М. Барновского. В 30-е гг. XVII в. устанавливаются постоянные связи России и Дунайских княжеств. Молдавские господа зачастую оказывали России весьма важные и деликатные услуги. Так, в 1639 г. господарь Василий Лупу задержал в Молдавии самозванца по имени Симеон, выдававшего себя за сына царя Василия Ивановича Шуйского. В декабре 1639 г. самозванец был препровожден в Москву с молдавским послом Исаией Остафьевым и царским посланником Богданом Дубровским¹⁴. Кроме того, Василий Лупу регулярно осведомлял царя Михаила Феодоровича о передвижении татарских и турецких войск и флота, о военных приготовлениях Османской империи и ее внутреннем положении. В декабре 1638 г. он сообщает о приготовлении крымских татар к набегу на южнорусские рубежи¹⁵, в 1640 г. – о снаряжении флота для отвоевания Азова и повелении султана крымскому хану идти воевать с Московским Царством¹⁶.

Василий Лупу взялся быть посредником в русско-турецких переговорах по поводу Азова, захваченного донскими казаками¹⁷. В результате Азов был уступлен туркам в 1642 г.

Некоторые историки обвиняют Василия Лупу в двойственной позиции во время переговоров и преимущественной заботе о соблюдении турецких интересов. Действительно, за переговоры с Москвой Василий Лупу был щедро вознагражден султаном, возникла даже идея сделать его пожизненным господарем и выдать ему соответственный хатт-и-шериф. Однако, нельзя забывать, что у Василия Лупу как у османского вассала не было другого выхода, как послушно исполнять волю султана и, в частности, посылать свои отряды под Азов: на своем месте он проявлял максимум доброжелательности по отношению к России.

В середине XVII в. молдавский князь Георгий Стефан завязывает дружеские отношения с Богданом Хмельницким, а в 1654 и в 1656 гг. посылает послов в Москву и просит царя Алексея Михайловича «принять его под свою высокую руку так же, как и гетмана Богдана Хмельницкого». В 1658 г. валашский господарь Михня III, восставший против турок, посылает своего посла архимандрита Парфения с просьбой о помощи. В 1660 г. с просьбой о вступлении в русское подданство обращается следующий валашский князь Константин Щербан, которого теснили татары и турки. Но эти просьбы были оставлены без ответа в силу напряженности отношений с Польшей, а затем и войны с ней, когда русское правительство не могло себе позволить открытую конфронтацию с Османской империей. Однако, в ответ на повторное обращение Константина Щербана, уже бывшего валашского господаря, направленное в декабре 1673 г., царь высказал готовность принять княжества под свою высокую руку и предлагал прислать посольство из верных бояр и духовных чинов со статьями об условиях, на которых можно было бы «о подданстве вашем договор учинить». Ответом явилось послание второго логофета валашского княжества Раду и великого капитана Петрашку, состоявшее из 17 пунктов. Главными из них были восстановление прежних границ Валашского княжества, сохранение привилегий за боярством и духовенством.

В 1688 г., во время войны Священной Лиги против Османской империи, валашский господарь Шербан Кантакузино послал в Москву архимандрита Исаию с поручением просить помощи в освобождении княжества от власти турок. Исаия заявил в Москве, что «все православное христианство желает, чтобы его освободили именно русские, «дабы из неволи бусурманской в пушую и горшую неволю отдать не изволили». «Известно, что папезжане постановили все митрополии, епископии, взяв из-под ига турского, разделяя в епархии, превратить

в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство изгнать, искоренить». Кантакузино предлагал послать русские войска в Буджак, куда он сам собирался прийти из Валахии со 70-тысячным войском. Кантакузино рассчитывал поднять православные народы, подвластные османам. В Москве проявили заинтересованность и выслали ответную грамоту с согласием и предложением идти на соединение с русскими войсками и не заключать союза более ни с кем.

Но, к сожалению, по дороге назад, в Трансильвании Исаия был арестован австрийскими властями, австрийский генерал Ветерани вторгся в Валахию, и Шербану Кантакузино пришлось присягнуть австрийскому императору.

Восемнадцатый век представляет принципиально иную эпоху. В это время освобождение Молдавии и Валахии силой русского оружия уже становится реальностью.

Первой попыткой такого рода явился Прутский поход Петра I в 1711 г. Он окончился неудачей в силу целого ряда причин, как субъективных, так и объективных. Это и слишком медленное передвижение русских войск из Прибалтики в Молдавию, из-за чего они не смогли прийти к Дунаю раньше турок и помешать разорению страны, равно как и малая численность русской армии, это и неудача в мобилизации христианского населения на борьбу с турками, к которой оно в принципе было готово. В числе прочих причин следует указать на вражду между молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и валашским Константином Бранковяну. Именно эта вражда и взаимное недоверие помешали Константину Бранковяну в решительный момент стать на сторону Петра I и тем самым спасти и себя, и свое семейство, и страну. Политика нерешительного, колеблющегося нейтралитета стоила Константину Бранковяну головы: в 1714 г. в результате предательства со стороны некоторых представителей семейства Кантакузино, переславших султану копии его писем к русскому царю, он был схвачен и обезглавлен вместе со своими четырьмя сыновьями. В результате Прутского похода Россия потеряла Азов и Запорожскую Сечь, отказалась от Правобережной Украины и от права держать войска в Польше. Молдавия и Валахия еще глубже попали в турецкое рабство: теперь султаны не разрешали избирать господарей, а назначали их из лично преданных султану представителей знатных родов – фанариотов. Однако жертвы русских и молдаван не пропали даром: они скрепили их духовное и воинское братство. Характерен следующий эпизод: Петр готов был скорее расстаться с Азовом, чем выдать доверившегося ему Дмитрия Кантемира, который переселился в Россию и подарил ей замечательного поэта – Антиоха Кантемира.

Русско-турецкая война 1735-1739 гг. вновь всколыхнула надежды молдаван и валахов на освобождение. Бояре из семейства Дук (Анастасий, Петр, Александр) осведомляли русские власти о передвижении османских войск и положении в княжестве. Летом 1736 г. от имени валашских бояр в Россию тайно прибыл ворник Преда Другэнеску, который побуждал русское правительство к освобождению Молдавии и Валахии, подчеркивая возможности использования освободительного движения балканских народов. А в 1737-1738 гг. последовал целый ряд петиций молдавских и валашских бояр с просьбой принять Молдавию и Валахию под высокое покровительство.

Так, в петиции от 25 апреля 1737 г., подписанной митрополитом Антонием и боярами, говорилось: «Рабски просим или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное Вашего Величества подданство». Во время войны на стороне русских войск сражались отряды местных добровольцев. Особенно стоит выделить сформированный в России отряд молдаван под командованием офицера русской службы Константина Кантемира, который был принят в Яссах с большими почестями прорусскими кругами боярства и митрополитом Антонием.

В Яссах 5 сентября 1737 г. фельдмаршалом Минихом и митрополитом Антонием была подписана конвенция о вступлении Молдавии в русское подданство. В числе условий было сохранение местных законов, прав и привилегий сословий (в т. ч. боярства и духовенства), невмешательство русской власти во внутренние дела княжества. К сожалению, эта декларация не была ратифицирована в Петербурге, поскольку из-за международных осложнений и одностороннего выхода Австрии из войны Россия потеряла все плоды своих побед и была вынуждена вывести свои войска из Молдавии.

В 1768 г., еще перед началом русско-турецкой войны 1768-1774 гг., благодаря пребыванию в Валахии майора Назария Каразина, была достигнута договоренность с прорусски настроенными боярами, в т. ч. Пырву и Михаилом Кантакузино, о совместных действиях русских войск и валахов. После того, как русские войска в сентябре 1769 г. вступили в Яссы и были торжественно встречены митрополитом Гавриилом с боярством, в Валахии вспыхнуло восстание, завершившееся освобождением Бухареста, арестом господаря Григория Гики и переходом власти к Пырву Кантакузино.

Население Молдавии и Валахии с энтузиазмом приняло участие в войне на стороне русских войск. Только в русскую армию вступило 6300 молдаван. Помимо этого действовали отдельные отряды волонтеров под командованием Илие Лэпушняну.

Широко развивалось волонтерское движение и в период войны 1787-1791 гг.

К сожалению, многочисленные русско-турецкие войны XVIII в. не привели к долгожданному освобождению Дунайских княжеств во многом из-за позиции ряда европейских государств, из-за антирусского настроения стремившихся спасти территориальную целостность Османской империи, сохранить «больного человека». Так, Франция неоднократно оказывала дипломатическую и иную помощь Османской империи, а Австрия всегда была готова ударить в тыл русским войскам в Молдавии и Валахии.

Однако в положении произошла ощутимая перемена к лучшему. Благодаря Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., а также Ясскому миру 1791 г. Молдавия и Валахия получили целый ряд прав автономий. Во-первых, это несменяемость господарей, за исключением случаев явной измены и тяжелых злоупотреблений. Во-вторых, жителям разрешалось беспрепятственно исповедовать православную веру, и ее свобода оберегалась. Снижался размер дани, и она приобретала строго фиксированный размер, на территории Молдавии и Валахии было запрещено селиться турецким купцам и феодалам, приобретать земли и брать жен из местного населения. Судебное разбирательство между христианами и турками должно было происходить по законам княжества. Наконец, Россия приобретала право покровительства над княжествами и право аккредитовать консула в Яссы и Бухарест. Консулы не только стремились пресекать нарушения договора турецкими властями, но и следили за злоупотреблениями господарей и боярства.

В общем и целом русско-турецкие войны XVIII в. не только серьезно облегчили положение Дунайских княжеств, но и проторили дорогу к будущему освобождению балканских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. Том XXII. Русский Хронограф. М., 2005. С. 503.

2. Трагически завершилась и судьба Елены Стефановны Волошанки, она умерла при довольно темных обстоятельствах в темнице в 1505 г. после трехлетнего заключения: «Тое же зимы генваря 18 в субботу преставися великая княгиня Елена Волошенка великого князя Ивана Ивановича, и положиша ея в церкви у Вознесения в Москве». ПСРЛ. Т. XXXIX. Софийская первая летопись. С. 176.

3. Историографию вопроса см.: *Семенова Л.Е.* Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-

Восточной Европе во второй половине XV в. // Советское славяноведение. Наука. 1984. № 5.

4. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV - начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х томах Т. 1. М., 1965. С. 62.

5. Исторические свидетельства. Т. 1. С. 73.

6. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 237-238.

7. Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 239.

8. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 87.

9. *Семенова Л.Е.* Княжества Молдавия и Валахия в XIV-XIX вв. М., 2006. С. 131.

10. *Гонца Г.В.* Молдавия и османская агрессия в конце XV - начале XVI в. Кишинев, 1984. С.82-86.

11. Сб. РИО. Т. 59. С. 58-60.

12. РГАДА. Ф. 389. Кн. 590. Л. 174-178.

13. Исторические свидетельства. Т.1. С. 140-142. См. также: Documente privioiare la istoria Românilor. Culese de E. Hurmuzaki. București, 1974.

14. РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1639. Д. 9. Л. 1; Исторические сведения. Т. 2. С. 42.

15. Там же. Оп. 1. 1639 г. Д. 1. Л. 4-11.

16. Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1640.

17. РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1654 Д. 2. Л. 2-7. См. также: *Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международном контексте в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е г. XVII в. М., 2000. С. 115-131.

Журнал консервативной мысли

«Золотой Лев»

www.zlev.ru

Олександр КОЖОЛЯНКО

ВЕРХНЄ ПОДНІСТРОВ'Я (ХОТИНЩИНА) У РОКИ РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКОЇ ВІЙНИ ПОЧАТКУ ХІХ ст.

На початку ХІХ ст. між Росією і Францією ускладнились відносини. З метою прискорення підкорення Європи Наполеон намагався відволікти увагу Росії від європейських справ шляхом нагнітання реваншистських настроїв Туреччини, провокуючи нову російсько-турецьку війну.

Ще в 1804 р. між Росією і Францією були перервані дипломатичні стосунки. Наполеон у цій ситуації підбурював Туреччину і обіцяв їй повну підтримку на випадок війни з Росією.

У кінці липня 1806 р. турецький султан порушив Яський мирний договір 1791 р., відсторонивши без відома царського уряду господарів Молдавії Мурузі та Валахії – Іпсіланті, які були проросійськи налаштовані. Їх місце зайняли нові господарі профранцузької орієнтації¹. Крім того, турецький уряд чинив перешкоди вільному плаванню через чорноморські порти російським торговим кораблям, затримуючи вантажі та арештовуючи російських підданих, що було одночасно порушенням і міжнародних договорів про вільний каботаж.

Коли Туреччина оголосила війну Росії, Наполеон став добиватися у султана дозволу на просування своїх корпусів, які в цей час були дислоковані на Балканах, по р. Дністер, і на окупацію Дунайських князівств. Росіяни також готувались до війни. На кордоні з Молдавією концентрувались російські війська². Серед місцевого населення поширювались чутки про незадоволення турецьким пануванням і в такий спосіб налаштовували його проти султана.

Російський уряд, діючи на випередження, у жовтні 1806 р. розпочав проти Порти воєнні дії. 19 листопада 1806 р. російськими військами був форсований Дністер біля с. Жванець та зайнята фортеця Хотин (її здав без особливого опору Мехмет-паша). У січні-лютому 1807 р. російські війська отримали над турками ряд перемог, внаслідок яких були взяті фортеці Бендери, Акерман, Галац, а також міста Ясси та Бухарест. Російські війська вийшли до берегів Дунаю. У цей час ескадра російського адмірала Синявіна розгромила турецький флот біля Афона і блокувала Дарданелли.

У результаті створення такої ситуації Туреччина пішла на мирні переговори. Перший тур переговорів відбувся у Слободзеї у серпні 1807 р. Обидві сторони погодились відвести свої війська від Дунаю. Проте султан відмовився задовольнити вимоги Росії про визнання незалежності Сербії і передачі Росії Бессарабії, Молдавії та Валахії.

Незважаючи на безуспішність переговорів, воєнні дії між сторонами не відновлювались, хоча Наполеон всіляко намагався підштовхувати султана на їх продовження. Туреччина побоювалась Франції через Єгипет. Щодо австрійського уряду, то він дотримувався формального нейтралітету, оскільки Австрії була потрібна підтримка Росії у боротьбі із Францією³. У зв'язку з тим, що Наполеону був необхідний мир для реалізації плану континентальної блокади Англії та укріплення своїх позицій в Центральній Європі, після Фрідландської битви 2 липня 1807 р. у Тільзіті був підписаний мир. Згідно з 29 пунктом цього мирного договору, Росія була зобов'язана вивести свої війська з Дунайських князівств. Проте у вересні 1808 р. в Ерфурті під час зустрічі з Олександром I Наполеон все-таки погодився на перехід Дунайських князівств під зверхність Росії, за що вимагав підтримки на випадок війни з Австрією. В той же час Наполеон уклав з Австрією союз проти Туреччини для поділу її європейських володінь. Австрії повинні були бути віддані Дунайські князівства⁴.

Ця політична комбінація Наполеона мала на меті зогострити австро-російські відносини.

Наполеон загравав безпосередньо і з Диванами Молдавії та Валахії. Так, Молдавії він обіцяв сприяти створенню самостійної республіки з поверненням Буковини, Бессарабії та інших територій. У стратегічних планах Наполеона Молдавії відводилась роль плацдарму для удару по Росії з півдня. Наполеон також сподівався, що турецька кіннота вторгнеться з Молдавії у межі України, спустошуючи її хлібні регіони і відтягуючи сили російської армії від західних кордонів Росії. Молдавія також повинна була стати продовольчою та фуражною базою південного корпусу французької армії. Агенти маршала Даву, генералів Бенеф та Понятовського разом з офіцерами засилались в Галичину, Буковину і Бессарабію для можливої закупівлі коней і зерна, проводилась посилена рекогносцировка цих територій⁵.

Політику обіцянок Наполеон проводив і щодо Польщі. Так, 19 серпня 1807 р. був виданий конституційний статут варшавського герцогства⁶. Польщі були обіцяні північно-східні та західноукраїнські землі⁷. Цими обіцянками формальної автономії та територіальних субсидій Наполеон мав намір прив'язати Молдавію і Польщу до колісниці свого трону. Одночасно було обіцяно потенціалним союзникам Франції й інші території України, Російської держа-

ви і Молдавії: Порті – Дунайські князівства, Крим і Західна Грузія, Австрії – Південно-Західна Україна⁸, зайняті російськими військами Дунайські князівства. В той же час згідно з Шенбрунським миром від 10 жовтня 1809 р. Наполеон обіцяв Росії Дунайські князівства, Фінляндію та Східну (Стару) Галичину⁹. За Австро-Французьким мирним договором від 14 жовтня 1810 р. Австрія відступила Варшавському герцогству всю Західну Галичину з Краковом та округ Замостя в Східній Галичині¹⁰.

Враховуючи небезпечність політичних демаршів Наполеона в Дунайських князівствах, рескриптом Олександра I від 27 лютого 1808 р. їх господарі були зміщені й управління перейшло до російського сенатора¹¹. Всі торговельні і дипломатичні стосунки князівства йшли через головнокомандуючого дунайською армією¹².

Указом Олександра I від 28 березня 1808 р. відбулися зміни і в церковній владі Дунайських князівств – екзархом Молдавії, Валахії та Бессарабії був призначений київський митрополит Гавриїл, член урядового сенату. Указом синоду від 28 липня 1808 р. була заснована екзарша дикастерія для Молдавії, Валахії і Бессарабії¹³.

У 1808 р. у Дунайських князівствах були посилені гарнізони російських військ. Зокрема, в Хотині, Новоселиці, Атаках і Герці¹⁴ та вздовж Дністра були розміщені військові магазини-склади провіанту, фуражу та арсенали зброї. До Хотина завезено з Ясс 40 гармат¹⁵.

Під час весняно-літньої компанії 1810 р. російські війська оволоділи Туртукаєм, Базараджиком і Сілістрією. Взимку 1810-1811 рр. відновилися російсько-турецькі переговори, які не привели до успіхів, і бойові дії були продовжені. На початку квітня 1811 р. командування Дунайською армією прийняв М.І. Кутузов¹⁶.

На початку 1811 р. значна частина Дунайської армії була відправлена на укріплення західного кордону в зв'язку з концентрацією французьких військ у Польщі. Проте, незважаючи на цю передислокацію, 22 липня 1811 р. М.І. Кутузов отримав перемогу над турками при Русуку. 1 жовтня цього року на правому березі Дунаю турецькі війська капітулювали. Після цього у Константинополі більшість членів Дивана виступили за припинення війни з Росією. Олександр I намагався відтягнути назрівання російсько-французького конфлікту до закінчення російсько-турецької війни. М.І. Кутузов, знаючи про нерішучість султана та тиск на нього Наполеона, провів секретні переговори і 28 травня 1812 р. в Бухаресті був підписаний російсько-турецький мирний договір. Згідно з 16 статтею цього договору, до Росії відходили Бессарабія з фортецями Хотин, Бендери, Акерман, Кілія, Ізмаїл і материковий шельф Чорного моря. Дунай та Прут стали європейським кордоном Росії¹⁷.

Такий стан справ значно зміцнив військово-стратегічне становище Росії, гарантував безпеку її південних кордонів та створив умови Дунайській армії для її передислокації на західний кордон. Все це дало можливість Росії зміцнити свої позиції серед великих держав Півдня Європи. Російсько-турецька війна 1806-1812 рр., на яку Наполеон покладав значні надії, закінчилась поразкою Туреччини, і, одночасно, Франції так і не вдалось завершити дипломатичну підготовку війни. На Хотинщині було ліквідовано майже 300-річне панування Туреччини¹⁸.

У зв'язку із назріванням російсько-французької війни після Бухарестського миру 1812 р. Хотин був перетворений у фортецю другого розряду [4, с. 58І]. Крім того, Хотинському цинуту і фортеці було надано особливий статус, через те що тут зійшовся кордон трьох держав: Росії, Туреччини (Молдавії) та Австрії¹⁹.

В зв'язку з тим, що 16 березня 1812 р. Франція уклала з Австрією і з Пруссією союз проти Росії і остання ще з квітня 1812 р. зосередила в Галичині, на Буковині та Семигородді армію, яка в будь-який час могла разом з Туреччиною стати південним крилом наполеонівської армії, були вжиті заходи по укріпленню кордону в Хотинській райі, було підвезено артилерійські снаряди до фортеці²⁰, збережено військовий госпіталь²¹ та військову польову експедицію в Хотині²⁰.

Після закінчення Вітчизняної війни 1812 р. і розгрому наполеонівської Франції у 1813-1815 рр. союзними державами і переможцями було підтверджено й гарантовано новий стан політичної карти Європи та їх територіальні надбаня. 26 липня 1816 р. Хотинський цинут був приведений разом зі всією Бессарабією до присяги на вірність російському імператорському престолу. Хотинська райа стала 12-м цинутом Бессарабії, яким управляло цинутне управління міста Хотина – паркалабія²².

Хотинський цинут був поділений на такі округи: Верхньодністровський, Нижньодністровський, Чугурський, Нижньопрутський, Верхньопрутський, Тіговецький і Рашківський²³. Фортецею Хотин стали управляти військові коменданти²⁴.

З залишенням турками Хотина російські власті намагалися ліквідувати ознаки турецької присутності. 6 грудня 1806 р. хотинські міська і фортечна мечеті були перетворені у православні церкви і освячені під назвою відповідно Свято-Миколаївська та Олександроневська²⁵. Проіснувала Хотинська фортеця як військовий об'єкт до 1856 р., після чого була передана у цивільне відомство – Хотинському магістрату²⁶.

Таким чином, внаслідок активізації французької дипломатії Туреччина у 1806 р. знову вступила у війну з Росією, випереджаючи

загарбницькі наміри Наполеона щодо Дунайських князівств, російські збройні сили завдали превентивний удар по турецьких фортецях в Молдавії та Валахії, в результаті якого були здобуті Хотинська та інші фортеці й російські війська вийшли до Дунаю.

Під час російсько-турецької війни 1806-1812 рр. Буковина та Хотинщина знову стають об'єктами, до яких була прикута увага та де схрещувалися інтереси Франції, Австрії, Росії, Туреччини, Молдавії. Залежно від складу союзників, які часто змінювалися, Наполеон вів відповідну політику матеріального зацікавлення дійсних та потенціальних союзників, обіцяючи почергово Буковину, Хотинщину (в складі Бессарабії) та інші українські території. Проте дипломатична підготовка Наполеоном війни проти Росії в цьому районі Європи зазнала поразки. Російсько-турецька війна завершилась повною поразкою Туреччини та французької дипломатії. Внаслідок блискучих перемог М.І. Кутузова у завершальних кампаніях війни турецька армія капітулювала, і 28 травня 1812 р. у Бухаресті був швидко і конфіденційно підписаний російсько-турецький мирний договір. Цим була ліквідована можливість втручання у ведення переговорів Франції, Австрії, Пруссії та Англії, а отже і можливий зрив договору.

Згідно з цим договором, Бессарабія по р. Прут відійшла до Росії.

Хотинщина після цієї війни управлялась на основі вироблених адміралом П. Чичоговим правил, які були затверджені царем 31 липня 1812 р. За цими правилами мешканцям Хотинщини надавались 3-річні податкові пільги, а царським указом від 23 серпня 1813 р. жителі краю звільнялись від рекрутчини²⁸.

Отже, внаслідок перемоги російських збройних сил та дипломатії, на Хотинщині був ліквідований 300-річний турецький гніт, і ця споконвічна слов'янська територія ввійшла до складу Російської держави.

ЛІТЕРАТУРА

1. Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.). Ред. В. Ботушанський, С. Гакман, Ю. Макар та ін. Чернівці, 2005. С. 251.

2. Там же С. 250.

3. Чернівецький обласний державний архів (ЧОДА). Ф. 1. Оп. 1. Спр. 1592. Л. 3.

4. Beer A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag-Leipzig, 1883. С. 158.

5. Центральний державний історичний архів України у Львові (ЦДІА України у Львові). Ф. 146. Оп. 7. Спр. 160. Арк. 119.

6. Gazette de Varsovie. 19.VIII.1807.
7. Історія Української РСР. Т. 1. К., 1967. С. 368.
8. Documente privitoare la Istoria Românilor culse de Eudoxiu de Hurmuzaki. Vol. XX. Cernauți, 1939. Док. 17. Стр. 144.
9. *Dimitrescu M.* Politica lui Napoleon I, fața de Țările Române. București, 1922. С. 60.
10. *Eichhorn J.* Geschichte der drei letzten Jahrhunderte. Bd. II. Hannover, 1817. Л. 905-906.
11. Национальный архив Республики Молдова (НА РМ). Ф. 1. Оп. 1. С. 1-3, 18; 6.
12. Там же. С. 3711.
13. НА РМ. Ф. 733. Оп. 1. Спр. 1. С. 1.
14. ЧОДА. Ф. 988. Оп. 1. Спр. 41. С. 137.
15. ЦДІА України у Львові Ф. 146. Оп. 4. Спр. 2108. С. 18-19.
16. Там же. Спр. 2082. Арк. 15.
17. *Стрельбицкий И.* Владения турок на материке Европы с 1700 по 1879 год. СПб., 1879. С. 7.
18. Историческое значение присоединения Бессарабии к России в 1812 г. Кишинев, 1968.
19. Одеський обласний державний архів (ОДА). Ф. 1. Оп. 214. Спр. 1-1816. С. 203.
20. Documente privitoare la Istoria Românilor culse de Eudoxiu de Hurmuzaki. Vol. XX. Cernauti, 1939. Док. 17. С. 14.
21. НА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 3711.
22. Там же. Спр. 1883. С. 1-8.
23. *Халипта И.Н.* Опись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Т. III. Кишинев, 1907. С. 4.
24. Там же. С. 3-36.
25. ЧОДА. Ф. 1. Оп. 214. Спр. 13/1812 р. С. 193-202.
26. ЧОДА. Ф. 605. Оп. 1. Спр. 13 (Клировые ведомости церковных приходов Хотинского уезда за 1811 г.).
27. НА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 5-7. Арк. 1-56. Спр. 816. С. 1-9.
28. Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.). С. 255-256.

Николай ЧЕРВЕНКОВ

БОЛГАРЫ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1806-1812 гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

После того, как Порта, поддавшись экспансионистским приманкам Наполеона, переметнулась на его сторону и началась русско-турецкая война 1806-1812 гг., произошла резкая перемена в политике России в отношении Турции. Это вдохновило болгарских патриотов. Их делегаты в Петербурге считали, что наступил момент вновь передать русскому правительству прошение о заступничестве. Такое обращение, а также полномочие болгарским представителям от имени «всех соотечественников», подписанное Софронием Врачанским, были вручены русским дипломатам в Петербурге 26 февраля 1808 г. Для этих документов характерно подчеркивание общности религии, языка русского и болгарского народов и идеи, что только в надежде на покровительство России болгарский народ черпает свои силы. Но, в отличие от прошения осени 1804 г., сейчас болгары раскрывают сущность покровительства, выражая готовность «быть присоединёнными к России»¹. Такая постановка вопроса болгарскими ставится впервые официально. Для того исторического момента подобная идея была прогрессивна, так или иначе выдвигался вопрос об освобождении Болгарии. Но в то же время это говорит и об ограниченном уровне национально-освободительного движения, его политической мысли.

Об упомянутом документе было доложено царю, но высший круг не был еще готов дать ответ болгарам. В МИДе России еще слабо представляли себе положение болгарского народа, его требования, не знали, какие круги болгарского общества представляли А. Некович и И. Замбин, на кого можно опереться в Болгарии. Поэтому дело, переданное царем на заключение министру иностранных дел Н.П. Румянцеву, было отправлено главнокомандующему Молдавской (Дунайской) армией кн. Прозоровскому². «Помянутый епископ, - писал при этом министр, - поручает присланному своему ходатайствовать у высочайшего престола о принятии народа их, всегда преданного России, под покровительство и в подданстве его императорского величества. Прежде всякого заключения моего сему прошению я долгом поставил препроводить поданные мне бумаги Замбина на рассмотрение вашего сиятельства»³. В конце Румянцев советовал «испросить» от Врачанского «в тайне дальнейшее по сему предмету объяснение».

В Главной квартире русской армии тоже мало знали, что ответить болгарам, не представляя себе четко положение и чаяния болгарского народа. Как советовал министр, командование установило связь с Софронием Врачанским, который к этому времени был одним из виднейших болгарских политических деятелей, идейным руководителем бухарестской болгарской политической организации. Из-за своей патриотической деятельности в начале века он вынужден был покинуть Болгарию и поселиться летом 1803 г. в Бухаресте, где он прожил до своей смерти (1813). Более 50 лет он занимался литературным творчеством. Софроний был приверженцем России, распространял ее культуру и идеализировал ее правителей⁴.

После установления контактов с командованием русской армии Софроний, чтобы подробнее разъяснить позицию бухарестского политического болгарского ядра, пишет 10 июня 1808 г. личное письмо министру иностранных дел России. Он повторяет идею, высказанную ранее, прося Румянцева ходатайствовать о «величественном покровительстве» болгарам. При том этот видный болгарский деятель обосновывает причины, заставившие болгарских депутатов обратиться к русскому правительству с просьбой взять под покровительство болгарский народ.

Командование сообщило Софронию о благосклонном отношении правительства к обращению болгар, но далее этого общего ответа не пошло - русская армия после подписания перемирия в Слободзее прекратила военные действия на Дунае. И. Замбин, находясь в Петербурге, умер, не получив какого-либо определенного ответа от правящих кругов России. Но, тем не менее, эти обращения болгар имели большое значение. Они, несомненно, привлекли внимание официальных кругов России к болгарам, заставили их выяснить более детально положение Болгарии. Если русские дипломатические и военные круги еще не высказывались о будущем устройстве болгар, то они с этого времени постоянно имели болгар в виду как боевую силу, помогали болгарским добровольцам.

Новый главнокомандующий (с 9 августа 1809 г.) Дунайской армии П.И. Багратион чрезвычайно интересовался возможностью поддержки русской армии болгарами. Готовясь к летнему наступлению 1810 г., он счел необходимым связаться с Врачанским⁶. Софроний уверял, что болгары выступят на стороне России, но просил у русских гарантии покровительства. Молодая болгарская буржуазия, будучи экономически и политически слабой, не была в состоянии захватить и удержать в стране власть, если бы даже Османская империя и распалась под ударами внутренних и внешних сил. В той исторической обстановке она считала, что наиболее приемлемые условия существования и развития Болгарии будет обеспечены под покровительством России⁷.

Надо отметить, что при личных контактах с болгарами Врачанский пытался пропагандировать свои идеи, излагавшиеся им русским властям⁸. Но последние все же не хотели, чтобы они официально распространялись в Болгарии. И в обращении к болгарам, которое Врачанский пишет по совету командования, это прослеживается. Это «красноречивое воззвание» от 9 мая 1810 г. призывало болгар не бояться русских, принимать их не как чужеземцев, а как единоверных братьев. В нем нет призыва к восстанию, а также того, что нас прежде всего интересует, т. е. требований о воссоздании Болгарского государства.

Тогда русская армия не хотела брать на себя никаких определенных обязательств относительно освободительного движения в Болгарии, что исходило из общей политики России. Такая сдержанность русского правительства объясняется отчасти тем, что Болгария не входила в то время в сферу непосредственных интересов Русского государства на Балканах. Все инструкции главнокомандующему Дунайской армии ограничивали круг его полномочий в установлении будущей границы рекой Дунаем⁹. Поэтому новый командующий армией Каменский с одобрением отнесся к обращению С. Врачанского. «Сей род прокламации, - писал он, - не обязует нас к чему-то, а я полагаю, что пользы нам много принесет»¹⁰.

Успехи русской армии за время летнего наступления 1810 г. вновь породили у Врачанского надежды на окончательное освобождение Болгарии от османского ига. В октябре он обратился к болгарскому народу со специальным посланием¹¹, которое читалось по церквям Северной Болгарии. Здесь он впервые оперирует непосредственно фактами из болгарской истории, напоминая о существовании Болгарского государства. Подобно Паисию, он воспринимает болгар как самостоятельный народ со своим государством, который временно лишен политической свободы. Указывая на то, какие причины привели его к падению, он прямо говорит о его восстановлении. И это возможно осуществить только при непосредственной помощи России. Здесь также ярко нарисован будущий политический и государственный строй Болгарии, выражается необходимость установления просвещенного абсолютизма.

Вообще политическим идеалом Софрония и его сторонников являлся просвещенный монарх, наделенный сильной властью, находящийся в союзе с церковью, ее защитник. Такой монарх, по его мнению, мог покончить с властью Порты. В качестве примера Врачанский указывает на государственную деятельность Петра Велико-го¹². Тем самым он развил мысль Паисия, что история ожидает от монархов «возрождения прежней славы отечества», т. е. восстановления болгарской государственности.

В конце мая 1811 г., когда с прибытием нового главнокомандующего Дунайской армии М.И. Кутузова должна была решаться судьба войны, Дунайских княжеств, болгарская эмиграция в Валахии и Молдавии начинает активно формулировать свои конкретные требования, исходя из сложившихся обстоятельств. Болгарские лидеры, например, поняли, что ставить вопрос об освобождении Болгарии еще рано, так как Россия в тот период, исходя из своей генеральной политики, не могла непосредственно решать вопрос о покровительстве болгарам, на что они претендовали. Болгары в этот период выдвигали свои идеи, исходя, прежде всего, из того, что в ходе перемирия России с Турцией граница пройдет по Дунаю, а многочисленные болгарские переселенцы останутся в пределах Дунайских княжеств, которые, по их мнению, будут присоединены к России.

В таких условиях болгарская эмиграция надеялась создать болгарскую автономную область на территории Валахии с цельным, единым национальным составом, чтобы к этому району могли стянуться все разбросанные по княжествам болгары, а также желающие переселиться с территории Болгарии. Софроний Врачанский разработал политический статус такого болгарского национального округа, предложив фактически модель автономного Болгарского государства в рамках Османской империи. Эти его идеи отражены прежде всего в его записке от 29 мая 1811 г., представленной М.И. Кутузову¹³ и озаглавленной «Просьба от всех находящихся здесь болгар». В ней ставился вопрос о границах размещения болгарского населения в Валахии, о городском самоуправлении, о национальных судах, гражданском равноправии, о национальных школах, о свободе вероисповедания, равноправии языка, уравнивании прав болгарских и русских торговцев, разрешении болгарам иметь свой флот, строить разные фабрики, заводы и т. п. В этой программе наряду с предложениями, имевшими цель стимулировать развитие болгарской буржуазии, выдвигались и некоторые общедемократические требования, в которых были заинтересованы более широкие слои болгарской эмиграции.

Рассмотрев это прошение, Кутузов отметил, что требования отдельного округа, освобождения переселенцев от всех податей сроком на 12 лет и другие «не подлежат моему решению и зависят, может, единственно от высочайшей власти»¹⁴. Представитель дипломатической канцелярии при Дунайской армии Коронелли, со своей стороны, предлагал, пока отсутствует «высочайшее на то соизволение», принять временное распоряжение об устройстве многочисленных переселенцев, а то они могут «притить в сугубую расстройку»¹⁵. Согласившись с этим предложением, главнокомандующий поручил ему составить «Положение для управления болгар и прочих колонистов с

правой на левую сторону реки Дуная». В нем полностью были учтены желания болгар и подчеркивалось, что они не должны быть зависимы от распоряжений «Диванов Валашского и Молдавского, а состояли бы под управлением российского начальства». По мнению российского дипломата, для управления переселенцами необходимо было избрать «словесные суды» и «Комитет для управления задунайских колонистов»¹⁶. Намечалось, что болгары получат «всякую помощь и поддержку». Хотя инструкции разрабатывались, русские власти считали, что все же болгарские требования невозможно удовлетворить до окончания войны. Только в дальнейшем требования болгарской эмиграции, выдвигавшиеся в конце русско-турецкой войны 1806-1812 гг., были приняты во внимание русскими властями¹⁷.

По условиям Бухарестского договора Дунайские княжества и Сербия, как известно, должны были пользоваться внутренним самоуправлением, тем самым подготавливались предпосылки для их превращения в полностью независимые государства. Хотя в этом документе не упоминалось о болгарях, в народе укреплялась вера, что освобождение придет также благодаря помощи России. Эта мысль была выражена, в частности, в написанной учителем из Трявны Димитром Попским «Оде в честь Софрония Врачанского», в которой утверждалось, что освобождение Болгарии произойдет при помощи России и вооруженного выступления болгар. В ней не только выражается искреннее чувство к известному соотечественнику, но и дается простор патриотическому настроению, удачно используются отдельные сценки из исторического прошлого болгар. Автор показывает, как народ страдает от греческого духовенства, образно рисует постепенное пробуждение болгарского духа и выражает уверенность, что скоро болгарская река Янтра снова потечет по свободной земле, зазвонят колокола древней болгарской столицы Тырново и болгарский царь взойдет на престол¹⁸.

Одновременно с «Одой» было написано и обращение болгарской эмиграции в Бухаресте к болгарскому народу, озаглавленное «Любезные соотечественники»¹⁹. Авторы считали, что настал момент для постановки вопроса об освобождении Болгарии от османского ига. Это обращение является ранним опытом изложения политических задач болгарского национально-освободительного движения - получения такого политического статуса, которым пользовались соседние народы - автономии. В этом документе чувствуется сильное влияние «Истории» Паисия и предыдущих обращений к народу Софрония. Через исторические экскурсы и аналогии в воззвании показано, что османское иго является главной помехой развитию Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Конобеев В.Д.* Русско-болгарские отношения в 1806-1812 гг. // К истории русско-болгарских отношений. М., 1956. С. 208-209.
2. *Конобеев В.Д., Шатохина Е.М.* Из истории политических связей России с руководителями национально-освободительного движения Болгарии 1806-1812 гг. // Известия на Института за история., София, 1968. С. 347-348.
3. Там же. С. 347.
4. *Киселков В.* Софроний Врачански, София, 1963. С. 103-119.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. Т. IV. М., 1965. С. 623-624.
6. *Конобеев В.Д.* Русско-болгарские отношения... С. 246.
7. *Дойнов С.* Българското национално-освободително движение. 1800-1812. София, 1979. С. 69.
8. *Конобеев В.Д., Шатохина Е.М.* Указ. соч. С. 275
9. *Конобеев В.Д.* Русско-болгарские отношения... С. 246.
10. АВПР. Ф. Канцелярия. 1810. Д. 1938. Л. 171.
11. *Конобеев В.Д., Шатохина Е.М.* Указ. соч. С. 362-373.
12. *Киселков В.* Указ. соч. С. 97.
13. См.: *Конобеев В.Д., Шатохина Е.М.* Указ. соч. С. 337-379.
14. Там же. С. 380.
15. Там же. С. 381.
16. Там же. С. 382-384.
17. См.: *Грек И.Ф.* Общественное движение и классовая борьба болгар юга России в конце 20-х – середине 50-х гг. XIX в. Кишинев, 1988.
18. *Арnaudов М.* Софроний Врачански. София, 1943. С. 71-73.
19. *Райков В., Конобеев В.Д.* Обръщение на българската емиграция в Букурещ към българския народ. // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». Т. XII. София, 1970. С. 72-86.
20. *Конобеев В.Д.* Българското национално-освободително движение... С. 360-362.

Леонид МАЙКОВ

КНЯЖНА МАРИЯ КАНТЕМИРОВА*

В 1711 году, при самом начале Прутского похода, молдавский господарь Димитрий Кантемир отдал себя под верховное главенство русского царя, а

*) Главными источниками при составлении этой статьи служили нам следующие:

1) письма княжны Марии к ее брату, князю Антиоху Кантемиру, хранящиеся в Московском архиве министерства юстиции; подлинники этих писем писаны на новогреческом и итальянском языках; мы пользовались русским рукописным их переводом, доставленным нам И.И. Шимком, который на основании тех же писем и других документов о роде Кантемиров, сохраняемых в том же архиве, составил весьма любопыт-

ную книгу: «Новые данные к биографии князя А.Д. Кантемира и его ближайших родственников» (СПб., 1891);

2) письма князя Димитрия Кантемира к императрице Екатерине I и некоторые другие неизданные документы, хранящиеся в Государственном архиве в Санкт-Петербурге и сообщенные нам в копиях профессором Варшавского университета В.Н. Александренком;

3) дневник Ивана Юрьевича Ильинского, секретаря князя Димитрия Кантемира, за 1721–1725 годы, списанный нами с подлинника, который хранится в библиотеке Московского главного архива министерства иностранных дел;

4) История о жизни и деяниях молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная профессором Беером, с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемиров. М., 1783 (перевод и приложения - труд Н.Н. Бантыша-Каменского, издание Н.И. Новикова);

5) Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России с 1721 по 1725 год. Перевод И. Аммона. 4 части. М., 1857-1860.

Считаем долгом выразить И.И. Шимку и В.Н. Александренку нашу глубокую признательность за их любопытные сообщения.

В заглавии статьи фамилия княжны Марии означена нами в том виде, в каком она сама ее подписывала.

когда военные действия приняли неблагоприятный для русских оборот, он принужден был покинуть свою родину и навсегда поселился в России.

«Оный государь человек зело разумный и в советех способный», – записано о Димитрии Кантемире в походном журнале Петра I за 1711 год, вскоре после первой встречи царя с князем. «Человек очень ловкий, умный и пронрыливый», – замечает о бывшем государе французский посланник при русском дворе де Кампредон в 1722 году¹. Вообще, все свидетельства современников говорят о блестящих природных способностях князя Димитрия, о проницательности его ума и привлекательности его обращения; все единогласно называют его человеком в высокой степени просвещенным. В пестром составе петровского двора он являлся личностью совершенно особенною, и это зависело преимущественно от характера его образования.

Румын по происхождению, не забывавший своей национальности, даже писавший книги на румынском языке, князь Димитрий был однако греком по образованию; хотя он знал по-латыни и по-итальянски, однако учился он не в западных школах, а в Константинополе, в существовавшем там греческом училище, где еще сохранялись кое-какие школьные предания старой Византии, искусно соединявшие наставление в истинах православной веры с изучением классических писателей языческой Греции. Об этой школе, первом источнике своего образования, Кантемир хранил благодарное воспоминание. В своей «Истории Османского государства» он рассказывает, что в части Константинополя, называемой Фанар, «существует академия для обучения юношества, основанная греком Манолаки, который этим благородным учреждением возвысил ничтожество своего происхождения. В этой академии преподают на чистом и древнем греческом языке все отрасли философии, а также многие другие науки». Кантемир поименовывает «знаменитых своим благочестием и своими знаниями мужей», состоявших в его время преподавателями в Константинопольской школе, и в числе их называет «отличного грамматика Иакомия» (Иакова), который был его наставником в философии. Рассказ свой Кантемир заключает следующими характерными словами: «Прошу читателя не смотреть на новую Грецию, подобно большинству христиан, с видом презрения; она далеко не служит приютом варварству, и позволительно сказать, что в сей последний век она произвела гениев, которых можно сравнить с мудрецами древних времен»².

Преклоняясь пред этими представителями греческой образованности и вращаясь в их среде, Кантемир усвоил себе то гордое самосознание, которое не покидало греков и под турецким игом. Подобно древним эллинам, презиравшим варваров, новые греки даже в период своего порабощения смотрели на турок свысока, благодаря тому, что успели сохранить за собою религиозную самостоятельность, а верность православию, от которого они не отделяли своей национальности, поддерживала в них и стремление к независимости политической. Родившийся в 1663 году, Кантемир был еще молодым человеком, когда предприятия московского правительства против Турции и ее данника, крымского хана, возбудили надежды на лучшую будущность среди христиан Балканского полуострова. В 1687 году валахский государь Щербан Кантакузин стал помышлять об изгнании турок из Царе-

града, и, как потомок византийских императоров, мечтал сам занять их восстановленный престол. Женатый на дочери Щербана, Димитрий Кантемир не мог не сочувствовать этим стремлениям. Но вскоре их надежды должны были рушиться. Кантемир однако не изменил этим мечтам об освобождении, и двадцать четыре года спустя, когда Петр объявил войну Турции, Димитрий, в то время уже бывший господаром Молдавии, не усомнился открыто принять его сторону. Новая неудача - на берегах Прута - все-таки не охладила Кантемира, и, проживая в России, он продолжал заявлять свои чаяния: в 1714 году, впервые приехав в Петербург, он сочинил приветственное слово царю, в котором выражал надежду, что при Петровой помощи турецкие христиане снова воспримут прежнюю свободу³. В том же слове Кантемир величал Петра «благочестивейшим из императоров». Позволяя себе этот намек, князь Димитрий как бы выражал желание видеть в русском государе действительного преемника византийских самодержцев. Но практический ум Петра трудно было соблазнить подобными мечтаниями: когда в 1721 году Сенат и Синод просили царя принять императорский титул, он позаботился в ответной речи устранить всякое сопоставление юной России с ветхою «монархией греческою» и высказал желание, чтобы с первою не сталось того же, что произошло с последнею. Тем не менее, Петр не изменил своего расположения к тому, кто первый решился указать ему на титул императора как на справедливое увенчание его заслуг перед отечеством, и Димитрий Кантемир до самой смерти своей в 1723 году оставался в числе доверенных советников и сотрудников преобразователя.

В старинной истории о роде Кантемиров сохранилось несколько любопытных известий о частном быте бывшего господаря: «Князь Димитрий был среднего роста, более сух, нежели толст. Вид имел приятный и речь тихую, ласковую и разумную. Вставал он обыкновенно в пять часов по утру и, выкурив трубку табаку, пил кофе по турецкому обыкновению; напоследок в кабинете своем упражнялся в науках до полудни; сие было часом его обеда. В столе любимое его кушанье – цыплята, изготовленные с щавелем. Он не пил никогда цельного вина с тех пор, как случилось ему быть больным две недели от излишества оного: сей случай вселил в него омерзение к питию. Он имел привычку несколько спать после обеда, потом возвращался паки к учению до семи часов. Тогда он входил в домашние свои дела и надзирал над своим семейством. Он ужинал с оным в десять часов и ложился в полночь. Впоследствии, будучи сделан членом Сената, находил себя обязанным переменить образ жизни...»

Таким образом, и по складу своего образования, и по настроению, и по интересам своего ума, и даже по своим привычкам он мало походил на своих русских современников, среди которых ему пришлось кончать свой век. Естественно, что такие особенности его личности должны были отразиться и на его детях, по крайней мере на тех из них, которые унаследовали от отца его даровитость.

В 1711 году, в то время, когда князь Димитрий оставил Молдавию, его семья состояла из жены Кассандры, двух дочерей - Марии и Смарагды и четырех сыновей - Матвея, Константина, Сергея (Щербана) и Антиоха. Дети были все малолетние и почти погодки.

Старшая из своего поколения, княжна Мария родилась в Яссах 29 апреля 1700 года; еще грудным ребенком она была привезена в Константинополь, где и оставалась при родителях около десяти лет, до назначения отца ее молдавским господарем. В конце 1710 года Кантемир с семейством приехал в Яссы, а 24 июня 1711 года княжне Марии пришлось впервые увидеть Петра и Екатерину, при въезде их в молдавскую столицу, когда господарь со своею семьей вышел им навстречу. Вскоре после того военные действия побудили князя Димитрия из предосторожности отправить жену и детей в русские пределы, и с тех пор княжна Мария уже не покидала своего нового отечества.

На первое время Кантемир с семьей водворился в Харькове. В 1712 году ему пожалованы были большие имения в Курском, Севском и Московском уездах и двор в самой Москве. Сюда-то и переселилось все семейство в 1713 году. Подмосковное село, данное Кантемиру, Черная Грязь, находилось на Петербургской дороге и прежде принадлежало любимцу царевны Софии князю В.В. Голицину. Здесь был дом, очевидно, в старинном русском вкусе - деревянный, в один этаж, с отлогими крышами в два ската, с переходами вокруг всего здания и со многими башенками, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиной. Комнаты, кроме одной, были мелки и низки, с небольшими окошками; повыше других была спальня князя, помещавшаяся в одной из башен; дом был пестро раскрашен и стоял на возвышенности, откуда открывался красивый вид⁴. Проживая в Москве, князь Димитрий любил сюда ездить не только летом, но и зимою.

Среди всех своих приключений и странствований Кантемир не покидал заботы о тщательном воспитании и образовании детей, и его жена была ему деятельною помощницей в этом деле. По известию истории о роде Кантемиров, княгиня Кассандра «одарена была всеми хорошими своего пола качествами. Изящная красота была меньшим из ее совершенств в сравнении редкого ее благоразумия и великого понятия. Она любила чтение, не оставляла старания о своей фамилии и должного воспитанию своих детей внимания». По влиянию матери-гречанки дети усвоили себе греческий язык как домашний разговорный, и на том же языке велось их обучение. Еще в бытность Кантемиров в Константинополе среди тамошних греков приискан был для княжен и княжичей учитель, который затем надолго связал свою судьбу с этою семьею.

Анастасий Кондоиди был священник и в то же время состоял тайным агентом у русского резидента при Порте Петра Андреевича Толстого. По всем вероятностям, при посредстве Кондоиди завязались первые сношения между русским дипломатом и Димитрием Кантемиром еще до назначения последнего господарем в Молдавии. В 1709 году, во время похода Карла XII на Украину, деятельность Кондоиди в Цареграде возбудила подозрения турецкого правительства, и он принужден был бежать оттуда: его вывели из города на подводе, обвязанного, как товарный тюк, «ибо, - рассказывал он впоследствии, - султанской о поимке меня жестокой был указ». Затем Анастасий оказался в Яссах, опять при семье Кантемиров, и в 1711 году последовал за нею в Россию. Есть основания думать, что он не отличался бескорыстием; не подлежит сомнению, что он обладал большим умом и хорошим образо-

ванием. Он учился не только в национальной школе, но и в Италии: греки того времени, подобно южнорусам, нередко уходили на запад искать высших наук в католических училищах. Кондоиди не утратил при этом чистоты своего православия, во крайней мере, не был в том заподозрен по возвращении на родину. Один врач из греков, знавший Анастасия в России в 1720-х годах, когда он принял уже монашество с именем Афанасия, оставил пышную характеристику его способностей и познаний. «Не умолчу, - говорит этот современник, - о красе нашей Греции, знаменитейшем архимандрите Афанасии Кондоиди, муже глубоко ученом, с коим могут быть сравниваемы немногие эллинисты, и достойнейшем - пока хоть сколько-нибудь цениться будет ученость. Оставляя в стороне его превосходные умственные способности, получившие развитие в италийских лицеях, замечу лишь, что Кондоиди, как только освободился из-под школьной ферулы и вышел из академической жизни, стал находить знания высшим благом и должность преподавания священною. Он так прекрасно исполнял апостольскую обязанность наставника и проповедника в сладкой области обеих философий, что еще в юных летах распространил в Греции славу своего имени. Всюду находил он себе отечество, ибо всюду приносил с собою отеческие доблести; сделался усладою патриархов и предстоятелей Восточной церкви; а потому удостоен был тем, что господарь Молдавии Димитрий Кантемир (коего возлюбили добрые музы, почитали мудрые люди и уважали великие государи) принял его к себе на самых выгодных по времени условиях, главным образом для воспитания своих детей». Менее цветистый отзыв о Кондоиди находим мы у другого его современника, члена Петербургской Академии наук Коля, который, как немец и лютеранин, менее, чем первый свидетель грек, имел поводов к пристрастию. Коль называет Кондоиди «своим другом и покровителем, достойным всякого уважения и почета по своей добродетели, уму, познаниям и обходительности»⁵. Очевидно, выбор наставника, сделанный Кантемиром, был очень удачен.

Само собою разумеется, что в основу своего преподавания Кондоиди положил обстоятельное ознакомление ученицы с истинами православной веры. Кроме того, он обучал княжну Марию языкам древнегреческому, латинскому и итальянскому, и она познакомилась с ними настолько, что могла свободно читать на них, а по-итальянски даже переписывалась иногда с братом Антиохом, жалея при том, что лишена устной практики в этом языке. Пользу подобных знаний она вполне ценила; впоследствии она жалела, что не разумеет по-французски и по-немецки, и уже взрослая выражала надежду выучиться по-английски. За изучением языков естественно следовало преподавание словесных наук. Кондоиди был по преимуществу ритор и краснослов; благодаря ему литературные упражнения и забавы нашли себе приют в доме Кантемиров: княжна с удовольствием вспоминала, как однажды, в дни ее юности, Кондоиди произнес похвальное слово над околевшею любимую собакой ее отца, а русский ее учитель перевел это слово на русский язык. Искусством письменного изложения княжна Мария овладела вполне. Сохранилось много ее писем к брату Антиоху, писанных частью по-новогречески, частью по-итальянски; они отличаются замечательною толко-

востью и стройностью своего склада; княжна легко умела находить меткое выражение, обстоятельно описать какое-нибудь происшествие, отчетливо передать чужую речь или слышанный разговор, кстати привести текст из Священного Писания или народную пословицу. Кроме словесных наук, ей не чужды были знания математические, она умела рисовать и, как можно догадываться, занималась также музыкой.

Таков был, в общих чертах, круг образования княжны Марии; он пополнялся еще изучением русского языка и обширным чтением.

В первые годы своего пребывания в России бывший господарь взял к себе в дом питомца московских славяно-латинских школ Ивана Ильинского. Коренной великорус, ярославский уроженец, он был в Заиконоспасском училище на самом лучшем счету, так что в 1710 году предполагалось даже отправить его за границу для продолжения образования, «однакож князь его не отпустил и сказал, что царское величество приказал ему держать при себе». Ильинский хорошо знал по-латыни, отчасти по-гречески, а в русской и славянской грамоте считался отличным знатоком, то есть твердо изучил грамматику и искусно владел письменною речью. У князя Дмитрия этот человек, которого современники называют честным, разумным, праводушным и обходительным, пришелся как раз ко двору, выучился по-румынски, служил князю секретарем по его внутренним сношениям, а детей его обучал русскому языку⁶. Младший сын господаря, будущий сатирик, узнал от него правила русской грамматики, слог русской прозы и начала русского стихосложения. Познания, приобретенные от Ильинского княжною Марией, едва ли простирались столь далеко, но все же она владела русским языком вполне свободно; пословицы, которые она приводит в письмах к брату, - наши русские; сохранились очень грамотные русские письма ее к Бирону и другим лицам.

Чтение княжна Мария очень любила и знала в нем толк; читала она самые серьезные книги - от Священного Писания, житий святых до сочинений исторического и вообще научного содержания, но не пренебрегала также произведениями изящной словесности древней и новой; что недостаточно понимала сразу, то не ленилась перечитать вновь, обдумывала прочитанное и даже решалась высказывать о том свое мнение. Вообще, от своего образования даровитая и умная княжна взяла все что могла в умственном и нравственном отношении. Воспитанная в строгой набожности, она сохранила чистоту и горячность своего религиозного чувства, но никогда не впадала в ханжество; поддерживая в себе умственные интересы, она не только постоянно расширяла запас своих знаний, но нашла в этой умственной пище противовес светским забавам, который дал ей возможность возвыситься над обыденною житейскою суетой и пошлостью. С годами, как увидим далее, у княжны Марии выработалась своего рода практическая философия, служившая ей ободряющим руководством на жизненном пути.

Княгине Кассандре не суждено было возрастить своих детей и довершить их воспитание: жизнь вдали от родины стала ей в тягость и расстроила ее здоровье; княгиня умерла в Москве на 32-м году от рождения 11 мая 1713 года. С тех пор заботы о семье пали исключительно на отца, и он не жалел на

них времени; тем не менее, обстоятельства мало помалу стали отвлекать его от тесного домашнего круга. В конце 1717 года приехал в Москву царь Петр с Екатериной и прожил здесь два с половиной месяца. В эту пору производились усиленные розыски по делу царевича Алексея, и 3 февраля 1718 года последовало в Успенском соборе отречение его от наследства в пользу двухлетнего царевича Петра Петровича. Единственно к этому периоду времени, одному из самых тяжелых в жизни царя, когда его чувства отца и государя подвергались самому жестокому испытанию, может быть приурочено одно историческое показание, относящееся до Димитрия Кантемира. Старинный биограф его свидетельствует, что в бытность царя в Москве князь Димитрий «имел честь часто бывать с ним вместе и от него получать нередкие посещения»⁶. Что было предметом тогдашних бесед князя с царем - остается неизвестным, но кажется несомненным, что они должны были содействовать их сближению: в записи брауншвейгского резидента Вебера, относящейся к январю 1719 года, мы уже встречаем заметку, что «у его царского величества бывший господарь находится в великом почете»⁷. По окончании тяжкого семейного дела Петру на смену прежних сотрудников, частью умерших, частью же утративших его доверие, понадобились новые помощники для управления государством. В число их царь наметил Кантемира и стал звать его с семьей в свой «парадиз» на берегу Балтийского моря.

Князю Димитрию, по-видимому, не улыбалось такое переселение; но решительно ослушаться грозного царя было опасно. Чтоб хоть на некоторое время замедлить свой переезд в Петербург, он обратился к посредничеству Екатерины и письмом от 19 марта 1719 года просил ее ходатайствовать пред государем о дозволении ему остаться в Москве ввиду тяжелой болезни его младшей дочери княжны Смарагды, а также ввиду затруднения отправить в Петербург хозяйственные запасы по последнему зимнему пути; если же царю не угодно будет согласиться на эту милость, то Кантемир просил, чтоб ему было по крайней мере позволено прибыть в Петербург одному, оставив семейство в Москве. Решение царя последовало в этом именно смысле. Но когда Кантемир явился в Петербург, здесь случилось происшествие, внезапно изменившее течение его жизни: пятидесятисемилетний князь влюбился в одну из первых придворных красавиц, княжну Анастасию Ивановну Трубецкую. Это была младшая дочь князя Ивана Юрьевича, генерала, взятого в плен под Нарвою и прожившего восемнадцать лет в Швеции. Когда он с семейством возвратился из плена, оказалось, что его дочери, в детстве увезенные за границу и там получившие воспитание, очень выделялись им от своих русских сверстниц даже из высшей знати. Восхищенный красотой и образованием двадцатилетней княжны, Кантемир решил к ней посвататься и без затруднения получил согласие на брак с нею как со стороны ее родителей, так и от царя. В исходе 1719 года князь Димитрий окончательно водворился в Петербурге, а 14 января 1720 года состоялась его свадьба в присутствии царя, царицы, царевен и множества гостей. Свадебные торжества продолжались три дня. По всему вероятно, княжна Мария в них не участвовала; по крайней мере, летом того же года мы видим ее еще в Москве, где она ухаживала за умирающею младшею сестрой и присутствовала при ее кончине 4

июля. Получив о том известие, князь также отправился, с разрешения царя, в Москву, но через несколько времени, ничем более не привязанный к старой столице, возвратился в Петербург; на этот раз вместе с отцом приехала сюда и княжна Мария.

Вторичная женитьба Димитрия Кантемира произвела полный переворот в быту его семейства. Пока оно оставалось в Москве, оно могло держаться вдали от двора и жить в степенной замкнутости. Окруженное многочисленной челядью преимущественно из румынов, оно еще сохраняло патриархальные обычаи своей родины, между тем как образованные домочадцы из греков, вроде учителя Кондоиди или врача Поликалы, всего же более сам князь поддерживали в молодом поколении умственные интересы; только благодаря этой строгой, но спокойной обстановке князь Димитрий мог свободно предаваться учено-литературным трудам⁹, а княжна Мария успела приобрести редкое по тому времени образование. Но после второго брака Кантемира все это изменилось. Мы не знаем, как на первое время дети княгини Кассандры отнеслись к мачехе, которая была ровесницей старшей из своих падчериц; но, судя по позднейшим обстоятельствам, близких отношений между ними не установилось - по крайней мере впоследствии их не было. Как бы то ни было, в Петербурге ради молодой жены князю Димитрию приходилось вести совсем не тот образ жизни, что в Москве, и, разумеется, к тем же порядкам должна была применяться жившая при отце княжна Мария. Давая бывшему господарю приют в России, Петр не запрещал ему носить его национальную одежду, когда же Кантемир посватался за Трубецкую, нареченный тесть просил его обрить бороду; князь Димитрий сделал больше - венчался «в немецком платье»; это так понравилось царю, что о том было отмечено даже в его походном журнале при упоминании о Кантемировой свадьбе; год спустя, в январе 1721 года, Петр проявил свое расположение к Кантемиру, назначив его сенатором: конечно, он не потерпел бы важного должностного лица в каком-то особом странном наряде. Естественно, что с переездом в Петербург и княжна Мария, по примеру отца, должна была оставить восточную одежду и облечься в роброн и фижмы. Чтобы приучить своих подданных к увеселениям на иностранный лад, Петр заводил ассамблеи, машкерады и буерные катания и требовал, чтобы все званые неуклонно являлись веселиться по его приказу. Как видно из современных известий, Кантемир с женой и дочерью постоянно участвовали в этих собраниях и в свою очередь нередко должны были принимать гостей у себя.

Особенно обильны были всякими празднествами осень и зима 1721- 1722 годов. 30 августа в Ништате был подписан мирный договор, которым заканчивалась с лишком двадцатилетняя борьба между Россией и Швецией. Цель, поставленная Петром при ее начале, была вполне достигнута. Россия прочно утвердилась на берегах Балтийского моря и, получив первенствующее значение на севере, приобрела вес в общеевропейской политике. Внутреннее переустройство государства, при всех своих недостатках, успешно выдержало пробу, и Петр по праву мог гордиться результатами своего дела. В таком сознании он решил дать себе несколько недель отдыха и ознаменовать их блестящими торжествами. Праздники начались с 4 сентября благо-

дарственным молебствием и всенародным объявлением о заключении мира. Затем они приняли тот своеобразный характер, который царь любил давать подобным торжествам. 10-го числа открылся потешный маскарад, продолжавшийся целую неделю. В этот день происходила свадьба князь-папы с водкою его предместника в этом звании; князь-папою был тогда Петр Иванович Бутурлин, а женили его на Анне Еремеевне Зотовой; старуха целый год не соглашалась на второй брак, но теперь должна была повиноваться воле царя. «Князь-папу женили со мною церемониею», - записывает в своем дневнике Кантемиров секретарь Ильинский. «Свадьба была курьезная, - рассказывает в свою очередь другой очевидец, В.А. Нащокин, - в машкарацком были платье. Государь в том машкараде был в черном бархатном матросском платье и голландская шляпа, а шел с барабаном, изволил бить бой барабанный. В таком же уборе и с барабаном светлейший князь Меншиков шел. Во оной свадьбе выбраны были трое скороходов, весьма претолстые люди: Петр Павлович Шафиров, Иван Федоров сын Бутурлин, Иван Степанов сын Собакин, офицер Семеновского полку. И все убранство было весьма странное: чрез реку шлюпки обвиты были зеленым хвощем; плот, сделанный из бочек и обвитой хвощем же, был буксирован, на котором князь-папа ехал. А подклет молодых был в перемиде, сделанной на площади, что сделана была для торжества счастливого взятия четырех фрегатов (шведских). На берег вышел ездили поезда цугами на медведях, на собаках, на свиньях и ездили по большим улицам, чтоб мог весь народ видеть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на зверях и на скоте ездят, которые так обучены были, что весьма послушно в запряжке ходили». Третий очевидец, голштинский камер-юнкер Берхгольц, дополняет это описание еще новыми подробностями: «Погуляв, при стечении тысяч народа, часа два по площади и рассмотрев хорошенько друг друга, все маски в том же порядке отправились в здания сената и коллегий, где за множеством приготовленных столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом. Новобрачный и его молодая, лет шестидесяти, сидели за столом под прекрасными балдахинами, он - с царем и господами кардиналами (потешной коллегии), а она - с дамами. Над головою князь-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан и пил. В продолжение всего обеда человек, представлявший на маскараде Бахуса, сидел у стола также верхом на винной бочке и страшно принуждал пить папу и кардиналов; он вливал вино в какой-то бочонок, причем они постоянно должны были отвечать ему. После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей перед домом сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из особенных курьезных и довольно больших сосудов. Затем их оставили одних...»

В таком же роде продолжались увеселения в следующие ближайшие дни и затем возобновлялись неоднократно в течение октября месяца. В дневнике

Берхгольца они описаны с наивною и достойною лучшего применения обстоятельностью; но после приведенных образцов нет уже надобности пересказывать все те сцены дикого и нередко цинического разгула, свидетелем которых, не всегда безучастным, был голштинский камер-юнкер. Приведем только из дневника Ильинского несколько относящихся к этому времени заметок касательно Кантемира и его семейства. По указанию царя группы масок посещали дома знатных людей, которые должны были угощать их; Кантемир еще с половины сентября стал готовиться к такому наезду, но на этот раз посещение не состоялось, так что его секретарь под 18 сентября должен был записать: «Которое кушанье готовлено было про папскую компанию, оным кормили драгун, гребцов и хлопцов, а служили им сами князья». После получения известия о ратификации мирного договора маскарадная потеха возобновилась; под 26-м числом в памятной книжке Ильинского сказано: «Царское величество и господа министры и весь машкарадный монастырь у нас кушали». На сей раз праздники продолжались до воскресенья 29 октября; в этот последний день пир происходил в здании сената, и разгул был так велик, что, по словам Берхгольца, «очень немногим удалось к утру добраться до дому не в совершенном опьянении». В этом последнем собрании маскарада ни княгиня Анастасия Ивановна, ни княжна Мария не участвовали, без сомнения, измученные прежними потехами; от них тяжело становилось и мужчинам; де Кампредон, только что прибывший в то время в Петербург, жаловался в своих депешах в Париж, что он совершенно истомлен беспрестанными празднествами, на которых ему приходится бывать. Однако Петру, когда он сам был в припадке веселья, не нравилось, если кто-нибудь уклонялся от участия в ассамблеях; заметив отсутствие жены и дочери Кантемира на празднестве в Сенате, он приказал произвести нечто в роде судебно-медицинского следствия. Под 1 ноября в дневнике Ильинского записано: «Павел Иванович Ягужинский с доктором Лаврентием Лаврентьевичем (Блументростом) да с Татищевым (царским денщиком) приезжали осматривать княгиню и княжну: вправду ли не могут (нездоровы), понеже в воскресенье в сенате не были». По счастью, следователи были люди благорасположенные к Кантемиру, и их осмотр кончился, по всему вероятно, вполне благополучно.

На святки Петр с Екатериной, со всем двором и иностранными министрами отправились в Москву. Туда же поехал и князь Димитрий со всем своим семейством. В Москве опять начался ряд праздников, причем главнейшие из них, состоявшие из маскарада и фейерверка, приготовленного при участии самого царя, были приурочены к концу января и началу февраля. Как и в Петербурге, маскарад продолжался целую неделю; несмотря на стужу и метель, потешная коллегия князь-папы и процессия ряженных разъезжали по улицам на судах, поставленных на полозья; царское судно выделявало на суше морские эволюции; судно Кантемира представляло собою турецкий каюк, и в нем, среди многочисленной блестящей свиты, восседал сам князь, передевавшийся то муфтием, то визирем; как человек, долго живший в Турции и близко знавший тамошние обычаи, он, по словам Берхгольца, отлично исполнял свою роль. И на московских празднествах вино лилось полною

рекою. В последний день маскарада московская дамы вздумали посмеяться над петербургскими за их пристрастие к крепким напиткам, особенно сильно обнаружившееся в последний день петербургских торжеств; насмешницы были немедленно наказаны: велено было посадить их за особый стол и напоить донельзя. «Петра, - называется в так называемых записках Бассевича, - забавляло общество женщин, оживленных вином; поэтому Екатерина завела у себя перворазрядную любительницу рюмки, заведывавшую у нее угощением напитками и носившую титул обер-шенкши. Когда последней удавалось привести дам в веселое расположение духа, никто из мужчин не смел входить к ним, за исключением царя, который только из особого благоволения позволял иногда кому-нибудь сопровождать его»¹⁰.

Как ни увлекался Петр празднованием давно желанного мира, однако и в зиму 1721-1722 годов не прерывались его деловые занятия. И в Петербурге, и в Москве заседания Сената шли своим чередом, нередко в присутствии самого царя. Ильинский постоянно отмечает в своей памятной книжке о посещениях этих заседаний князем Димитрием. Иногда государь заходил и на дом к нему для деловой беседы. Так, под 6 ноября 1721 года Кантемировым секретарем записано следующее: «Императорское величество изволил ужинать у нас с адмиралом (Ф.М. Апраксиным) и с светлейшим князем Меншиковым, а зашли от Петра Андреевича» (Толстого)». Судя по этой записи, можно бы предположить, что появление царя было для Кантемира неожиданностью; но из депеши де Кампредона (от 1 декабря нового стиля) оказывается, что государь знал о том заранее и даже предупреждал посланника о желании царя иметь с ним разговор в его, Кантемировом, доме. Де Кампредон приехал позже государя. Петр немедленно отвел его с князем Димитрием в особую комнату и сказал, что «просит сделать ему удовольствие, именно написать королю, чтоб он благоволил приказать тайно принять на какое-нибудь французское судно Кантемирова брата, находящегося в Константинополе, где его жестоко мучат, хотя он ни в чем не повинен и не состоит пленником»; к этому царь прибавил, что князь Димитрий имеет объяснить посланнику подробности братнина дела, которое «желательно сохранить в глубокой тайне». Захваченный врасплох, де Кампредон не решился дать определенный ответ и попытался было перевести речь на политические дела, но царь отклонил продолжение разговора. Очевидно, вся беседа была затеяна по просьбе Кантемира: царь желал сделать приятное человеку, который пользовался в то время его полным расположением и доверием¹¹.

Труднее, чем с самим царем, Кантемиру было сойтись с его приближенными. Он не мог, конечно, отрицать ни ума, ни дарований во многих из них; но низменный уровень образованности у большинства этих лиц был ему так же ясен, как противная пьяная атмосфера их увеселений. С Меншиковым, например, он поддерживал довольно короткие отношения только потому, что светлейший неуч, впрочем, способный и деловитый, был в большой силе у Петра и Екатерины. Теснее была связь Кантемира с знаменитым поимщиком царевича Алексея П.А. Толстым: они были знакомы друг с другом чуть ли не со времени совместного пребывания в Константинополе (до 1710 года). Много тяжких грехов было на совести у «Петра Андреевича», как его по-

просту звали в народе; но это был человек очень умный и к тому же отчасти книжный; во время своего долгого пребывания за границей, преимущественно на юге Европы, Толстой кое-чему научился и ко многому пригляделся; он хорошо говорил по итальянски, отличался приятностью обращения и не имел слабости к вину. Сношения с константинопольскими греками привили ему кое-какие понятия, сходные с воззрениями Кантемира: будучи русским резидентом при Порте, он требовал себе места выше французского и других посланников на том основании, что его государь носит титул царя, происходящий от слова кесарь¹²; это напоминает Кантемирову мысль об усвоении Петру императорского титула. След близких сношений князя Димитрия с Толстым встречается и в дневнике Ильинского; под 27 августа 1721 года там записано: «Наш князь с княгинеею и княжною запросто кушали у Петра Андреевича Толстого на здешнем (петербургском) дворе».

Кроме русских сановников, Кантемир любил водить знакомство с иностранными дипломатами, аккредитованными при русском дворе: бывал с женой и дочерью на обедах у прусского резидента фон Мардефельда, страстного любителя музыки, и у цесарского интернунция графа Кинского, большого любителя танцев; всего же более дорожил он близостью с французским посланником де Кампредоном, при помощи которого, как мы видели, надеялся высвободить своего младшего брата из турецкой неволи. Вообще склонность преследовать цели своего личного интереса или честолюбия довольно ясно проглядывает в действиях хитрого господаря, особенно с того момента, когда обстоятельства заставили его расширить круг своих общественных сношений.

В июне 1721 года прибыл в Петербург молодой герцог Голштинский Карл-Фридрих, в надежде, что царь Петр, при заключении мира с Швецией, поддержит его права на наследство шведского престола и отдаст ему руку одной из своих дочерей. Кантемир, по-видимому, мало придавал значения этому принцу и его притязаниям; тем не менее, он счел нелишним сблизиться как с самим герцогом, так и с его министром, графом Бассевичем. 1 июля 1721 года Карл-Фридрих был у князя Димитрия с визитом, затем 17-го числа, по его приглашению, обедал у него со своею свитой, а месяц спустя, 19 августа, явился на именины княжны Марии. После того, как закончились придворные торжества по случаю мира в Петербурге и Москве, герцог снова стал посещать князя Димитрия: 14 февраля 1722 года он был у него в Москве, на небольшом балу, а 27-го - на ассамблее: очевидно, герцог находил особенное удовольствие ездить в этот дом, где умели принять и занять гостей. Он любил повеселиться и еще в Стокгольме звал княгиню Анастасию Ивановну молодою девицей; при первой же встрече в Петербурге он осыпал ее любезностями и потом продолжал слегка ухаживать за нею; особенно доволен он был, что мог говорить с нею по-немецки и по-шведски, тогда как с мужем ее должен был объясняться только по-латыни; вероятно, к этому же языку прибегал он и в разговорах с княжною Марией. Впрочем, оживленный разговор, особенно с дамами, едва ли составлял тогда необходимую принадлежность общественных собраний, где всего более занимались танцами. Берхгольц жалуется, что русские дамы, мало знающие немецкий язык, не отвечают

ничего, кроме «не знаю», а к тем, которые хорошо говорят по-немецки, нет на ассамблеях доступа за вельможами и императорскими камер-юнкерами. Была, однако, и другая причина, почему русские дамы уклонялись от разговоров с иностранцами: почти инстинктивное нерасположение к ним. Герцогу Голштинскому, и в особенности его свите, пришлось испытать это на балу у Кантемира 14 февраля. «Все дамы, - простодушно признается Берхгольд при описании этого бала, - в особенности же хозяйки дома, которые много лет провели за границей и считают себя образованными и умеющими жить, не были настолько вежливы, чтобы пригласить нас танцевать хоть раз, тем более, что мы были им уже не незнакомы и постоянно стояли у них перед глазами. Они охотнее выбирали молодых неотёсанных русских, своих родственников, большею частью унтер-офицеров гвардии, и не стыдились приглашать их и тогда, когда они стояли около и даже позади нас». Обиженный камер-юнкер прибавляет, что дамы не решились бы вести себя таким образом, если бы на балу присутствовали император и императрица. Действительно, ни Петра, ни Екатерины не было в то время в Москве: они уезжали на Олонекские минеральные воды.

Невнимание русских дам к голштинцам легко объяснимо: голштинская партия в то время обреталась не в аванже. Более полугодом прошло с тех пор, как Карл-Фридрих приехал в Россию, а между тем его положение все еще оставалось не выясненным. По дипломатическому вопросу он потерпел неудачу: шведы согласились в Ништате на русские предложения о мире именно с тем условием, чтобы в трактате не было оговорки в пользу прав герцога Голштинского на шведское наследство. Матримониальные притязания его также оставались без ответа. Правда, Екатерина, озабоченная устройством судьбы своих дочерей, сразу стала на сторону герцога, и верный слуга царицы Меншиков поддерживал ее желания, но сам Петр, после кончины царевича Петра Петровича в 1719 году, еще не решил вопроса о том, кому быть его преемником на русском престоле. Указом, изданным в начале 1722 года, он предоставлял себе право этого выбора и тем самым отнимал у своего внука, сына царевича Алексея, право обязательного наследования. Очевидно, он предпочитал, чтоб его наследие перешло к его потомству от второго брака. Понятна поэтому осторожность, с какою он относился к избранию супруга для своей дочери, то есть отца будущего императора. Ввиду такого трудного положения вещей становились возможными различные комбинации с целью удовлетворить тревожным заботам императора.

Петр был легко доступен обаянию женщин; в течение своей жизни он не раз испытывал сердечные влечения, иногда очень сильные, но большею частью непродолжительные, так как женщины, ему нравившиеся, не обладали никакими выдающимися достоинствами. Только мариенбургская пленница сумела прочно привязать его к себе и стала его второю супругой. Рождение двух дочерей, а затем привычка многих лет еще более скрепили этот союз. Но и Екатерине, при всей любви к ней, Петр не всегда оставался верен, так что ей волей-неволей приходилось быть снисходительною в этом отношении. По словам Бассевича, она «смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; за то и он, рассказывая ей

о них, всегда оканчивал словами: «Никто не может сравниться с тобою»¹³. Государь страстно желал иметь прямого наследника престола в родном сыне; на этом-то желании, в связи со способностью царя отдаваться внезапным порывам сердца, и был основан расчет, занявший теперь умы некоторых близких к царю лиц.

В зиму 1721-1722 годов, во время празднеств по случаю Ништадтского мира, Петр увлекся новою сильною привязанностью, и на этот раз предметом его страсти была личность, совершенно не похожая на женщин, нравившихся ему доселе. То была дочь молдавского господаря¹⁴. Была ли красива княжна Мария - мы не знаем: единственный современник, оставивший свидетельство об ее наружности, называет ее «незавидною»; быть может, впрочем, Берхгольцу просто не нравился ее тип полугречанки. Но, несомненно, княжна обладала живым умом, а по образованию, по подъему своей мысли стояла высоко среди русских женщин своего времени. Уже одним этим преимуществом она могла привлечь к себе Петра. Предание прибавляет, что и сама она вполне подчинилась обаянию великого человека. Косвенно предание подтверждается тем, что именно в первые месяцы 1722 года, будучи в Москве, она, несмотря на согласие отца, отказала в своей руке князю Ивану Григорьевичу Долгорукову, под тем будто бы предлогом, что сватавшийся «не имеет никакого чину в службе императорского величества». Известие об этом отказе сохранилось в завещательном письме князя Димитрия Кантемира, писанном в сентябре 1722 года на имя царицы Екатерины; понятно, почему оно нашло себе место в этом документе: отцу хотелось дать понять, что для него осталась тайною близость Петра к его дочери. Но поверить такому смыслу этого намека было бы трудно. Есть известие, что посредником в этих сношениях был опытный в интригах П.А. Толстой, старый знакомец Кантемира; он вел дело, конечно, с его ведома: два хитреца поняли пользу взаимной помощи, и таким образом, если не явное согласие, то тайное попушение со стороны честолюбивого князя помогло осуществиться тому, чему он должен был бы воспрепятствовать как отец. Бывший господарь мог улаживать себя надеждой, что страсть Петра к княжне поведет к расторжению царева брака с Екатериной, а затем новое законное супружество соединит русского государя с отраслью византийских кесарей. Весною 1722 года обнаружилось, что княжна беременна; разрешилась она младенцем мужского пола, смелые виды ее отца, может быть, значительно приблизились бы к осуществлению: появление на свет сына могло бы побудить Петра сделать тот решительный шаг, от которого удерживало его пока существование дочерей, рожденных ему Екатериной. Таковы, по крайней мере, были, по свидетельству современников, опасения самой царицы.

Между тем Петр готовился к войне с Персией. Как знатоки восточных дел, Толстой и Кантемир были призваны на совет; первый особенно горячо поддерживал предприятие; второму поручено было изготовить манифесты на турецком и персидском языках для распространения среди жителей Восточного Закавказья. Оба они, вместе с адмиралом Апраксиным, были избраны государем, чтобы сопровождать его в поход. В первых числах мая император вместе с Екатериной выехал из Москвы; вслед за ними отправилась вся

свита, в том числе Кантемир со всем своим семейством. Весь путь предстояло совершить водою - по Москве-реке, Клязьме, Оке и Волге. На это потребовалось два месяца, и только 5 июля, по достижении Астрахани, неизбежный спутник князя Димитрия Ильинский мог записать в своем дневнике: «Императорское величество с адмиралом и Петром Андреевичем Толстым и с прочими у нас были ввечеру». После двухнедельного отдыха и окончательных сборов Петр, все сопровождаемый Екатериной, вышел в плавание по Каспийскому морю; на западном его берегу, в устье реки Аграхани, была произведена высадка, и затем начались военные действия, из которых самым замечательным было занятие Дербента. Весь поход продолжался два с половиной месяца, в течение которых князь Димитрий почти неотлучно находился при императоре, служа ему, между прочим, переводчиком в сношениях с местными жителями. Три старшие Кантемирова сына сопровождали отца в поход, а младший, четырнадцатилетний Антиох, оставался в Астрахани с матею и сестрой. Толстой также следовал за государем.

Пока происходила эта экспедиция, в Астрахани, на государевом рыбном дворе, где было отведено помещение для Кантемирова семейства, совершилось издалека подготовленное темное дело. Княжна Мария преждевременно разрешилась недоношенным младенцем. Есть известие, что эти роды были искусственно ускорены мерами, которые принял Поликала, врач семьи Кантемиров, состоявший также при царицыном дворе, руководил же действиями Поликалы не кто иной, как приятель князя Димитрия П.А. Толстой. Ему невпервой было играть двойственную роль: сближая княжну с Петром, он в то же время хотел быть угодным Екатерине; несчастная княжна оказалась его жертвой, хрупкою игрушкой в его жестких руках. Теперь супруга Петра могла быть покойна; опасность, которой она боялась, была устранена, и Толстой мог рассчитывать на благодарность Екатерины; но час для удовлетворения его честолюбия наступил не сразу. 4 октября император возвратился в Астрахань, а 9-го прибыл туда же князь Димитрий. Результаты похода не вполне удовлетворили Петра: войско много потерпело от жары и недостатка в провианте, закавказское население не всегда встречало русских дружелюбно, а соглашение с Персией еще предстояло уладить; если б это не удалось, понадобилась бы новая экспедиция. Вполне доволен был Петр только своею супругой: бодростью, с которою она перенесла все трудности экспедиции, Екатерина напомнила стареющему государю свое поведение во время несчастного Прутского похода. Кантемир вернулся в Астрахань больной. Он стал хворать с самого начала 1722 года и еще в бытность в Москве не раз принужден был отказываться по болезни от участия не только в маскарадных собраниях, но даже в заседаниях Сената; во время похода, при следовании от Дербента, он совсем разнемогся, так что перед выступлением экспедиции в обратный путь решил даже написать завещание. В Астрахани, среди семьи, князя встретили нерадостные вести: он застал дочь тяжело больною. Есть основание думать, что обстоятельства, сопровождавшие ее болезнь, остались для него не выясненными; по крайней мере, врач Поликала продолжал находиться при нем. Но уже самый исход княжнинной беременности уничтожал все тайные замыслы и надежды князя, и этого было совершенно

достаточно, чтоб окончательно разрушить его здоровье. 11 октября государь навесил больного, а 26-го числа, в день его именин, снова посетил его и «сидел часа с три», как сказано в памятной книжке Ильинского. Князю, по-видимому, стало несколько легче, и 28-го числа его секретарь мог сделать такую отметку в своей тетради: «Императорское величество с господами министрами у князя нашего обедать и ужинать изволил». Продолжал Кантемир сохранять близкие сношения и с коварным другом своим Толстым: «Петр Андреевич был у нас, и говорили одни меж собою о неких частных делах», - записано у Ильинского под 3 ноября. Между тем двор готовился к отъезду из Астрахани; под 4 ноября, накануне отбытия императора и его супруги, в том же дневнике отмечено: «Императорское величество изволил с адмиралом и Петром Андреевичем заехать к нам ввечеру, сидел часа с три и совсем простился». Петр умел ценить своих способных сотрудников, если только не сомневался в их преданности; так и Кантемиру он оказывал внимание до последней минуты. При прощании князь Димитрий вручил государю свое завещание. Остается неизвестным, видел ли Петр княжну Марию во время этих своих приездов к ее больному отцу.

Дни князя Димитрия были сочтены: он страдал неизлечимую болезнью - сухоткой (diabetes), от которой умерла и его вторая дочь, княжна Смарагда; но пока его крепкий организм еще продолжал бороться с немощью. Однако, после волнений, испытанных в последние дни пребывания Петра в Астрахани, Кантемиру стало хуже, так что 6 ноября он исповедывался у епископа Иоакима, а 7-го причастился; ехать же в Москву Кантемир не решался, пока не установится прочная зимняя дорога; к тому же в семье, кроме него самого, были и еще больные: хворала княгиня Анастасия Ивановна, а княжна Мария еще не вполне оправилась. Наконец, 27 января 1723 года вся Кантемирова семья двинулась в путь целым караваном. Ехать от Астрахани приходилось по пустым степям, «терпя стужу и всякие безпокойства»; остановки для необходимого отдыха были возможны лишь в редких селениях. В половине февраля путешественники достигли только донского городка Клецок¹⁵; здесь князь Димитрий почувствовал такую слабость, что вместо дальнейшего следования к Москве решил свернуть для отдыха в свои курские деревни. Из Клецок он написал письмо царице, в котором излагал свои затруднения и просил, чтоб она, как прежде, отвела от него гнев государя. 19 марта Кантемир и его семья достигли Дмитровки и здесь водворились; поездка в Москву была окончательно отменена. Тихое пребывание в любимом имении дало князю возможность продлить свою жизнь на несколько месяцев; он вел деятельную переписку с Петербургом и в то же время занимался хозяйством и сооружением церкви, но в августе 1723 года снова сильно занемог и 21-го числа скончался.

Тело бывшего господаря было отвезено в Москву, для погребения в Никольском Греческом монастыре. Оно совершилось в присутствии вдовы, сыновей и дочери 1 октября, «ввечеру», как сказано в памятной книжке Ильинского.

По смерти князя Димитрия обстоятельства его семьи круто изменились. Человек уже в летах, уважаемый Петром за свои дарования и заслуги, по-

койный государь умел создать себе видное и почетное положение в русском обществе и вместе с тем, милостью государя, обеспечить себе хороший достаток. Оставшиеся после князя дети, равно как и его вдова, были все люди молодые; вдова по крайней мере обладала большими родственными связями, тогда как сыновья от первого Кантемирова брака и их сестра, княжна Мария, лишены были и этого преимущества; к тому же они оказывались в русской среде людьми чужеродными. Неудобства этих обстоятельств обнаружились для них вскоре - при определении имущественных отношений между членами семьи.

Князь Димитрий, как мы уже знаем, оставил завещательное письмо на имя царицы Екатерины. В нем, применяясь к закону Петра о маиоратах, он выражал желание, чтоб его недвижимые имения перешли в руки одного из его сыновей. Старшего, не любимого им князя Матвея он совсем устранял от наследства, а из остальных трех называл «лучшим» второго - Константина, но далее признавал «в уме и в науках от всех лучшим, ежели впредь не в хуже переменится», меньшого - Антиоха, в то время еще малолетнего; его-то князь Димитрий, очевидно, и намечал себе в наследники, предоставляя, впрочем, дело окончательного выбора царице, на самом же деле - самому Петру. Княжне Марии, по силе этого завещания, доставались разные, подаренные отцом ей и ее покойной сестре драгоценности, общему ценю тысяч на десять рублей¹⁶. Такой же удел приходился и на долю княгини Анастасии Ивановны. По самому свойству условий, означенных завещателем, и в особенности по тому, что князь Димитрий просил не выбирать наследника, пока его сыновья «не опробованы будут в науках и в других инструкциях, которые суть надобны императору и государству», завещание не могло быть приведено в исполнение немедленно. В ожидании, пока это состоится, молодым князьям предстояло продолжать кому службу, кому учение и, как говорилось в старину, искать своей фортуны.

После погребения князя Димитрия его семья осталась жить в Москве. Весною 1724 года сюда прибыл весь двор, и 7 мая совершилось с большим блеском коронавание Екатерины императрицею. Она воспользовалась этим случаем, чтобы вознаградить человека, оказавшего ей особенно важные услуги: по ее ходатайству П.А. Толстой в самый день торжества был возведен в графское достоинство. Кажется несомненным, что коронавание Екатерины стояло в связи с постоянно тревожившею Петра мыслью о престолонаследии; по смыслу изданного тогда манифеста можно догадываться, что император намеревался, на случай своей смерти, назначить Екатерину своею преемницей, или по крайней мере правительницей государства до тех пор, пока избранные им наследник или наследница не достигнут совершеннолетия. Но несколько месяцев спустя государя постигло великое разочарование, и его намерения должны были измениться: осенью 1724 года вскрылось дело о взятках камергера Монса, фаворита Екатерины, которая вполне поддалась его влиянию. Петр разгневался на свою супругу, и если верить показаниям современников-иностранцев, только увещания Толстого смягчили этот гнев.

Из иностранных источников, сейчас упомянутых, видно также, что в то самое время, как обнаружились бесчестные поступки Екатеринанина любимца,

возобновились и сношения Петра с княжной Марией Кантемировой и даже сделались очень частыми. Еще в июле 1724 года семья покойного господаря переселилась в Петербург, чтобы хлопотать о решении дела по завещанию князя Дмитрия. В первые месяцы по его смерти пользовалась его наследством безраздельно; теперь же княгиня Анастасия Ивановна стала требовать у своих пасынков выдела ей законной четвертой части из мужниных недвижимых имений. Но пока Сенат рассматривал это дело, государь захворал, и 28 января 1725 года его не стало. Быть может, при жизни Петра ходатайство княгини Анастасии Ивановны осталось бы без удовлетворения; но после кончины грозного судии Сенат, постановлением от 3 мая 1725 года, решил выдать вдове князя Дмитрия требуемую ею долю из его имений. Таким образом, завещание покойного господаря оказалось нарушенным в одной из главных своих частей. Правда, решение Сената не было приведено в исполнение; тем не менее, однажды допущенное нарушение повело к целому ряду тяжб между членами Кантемировой семьи.

Пока Сенат обсуждал вопрос о наследстве умершего господаря, княжну Марию снова постигла тяжкая болезнь. Нравственной причиной ее были, очевидно, те тревожения, какие ей пришлось испытать в последние годы. Внимание Петра, возобновившееся после его разрыва с Екатериной из-за Монса, возродило честолюбивые мечты в сердце княжны; но неожиданная кончина государя нанесла им внезапный решительный удар. Под такими впечатлениями княжна Мария стала готовиться к смерти и написала завещание, которым распределяла свою долю из отцовского наследства между братьями Матвеем, Сергеем и Антиохом. Последний был любимцем сестры, и потому в своем завещательном письме она говорила: «Много я наказала изустно брату моему князю Антиоху, что по мне из оных вещей кому раздать; также и о поминовении души моей прошу, чтобы ему в том дать волю»¹⁷. Но, видно, княжна обладала крепкой натурой: мало-помалу она исцелилась от своих недугов.

После смерти Петра, в течение непродолжительного царствования Екатерины I, семья князя Дмитрия оставалась жить в Петербурге, стараясь, однако, по-видимому, не обращать на себя внимание двора; вопрос о завещании по-прежнему не разрешался. По воцарении Петра II и после опалы Меншикова двор переехал в Москву, которая сделалась резиденцией государя. Туда переведена была гвардия, где служили молодые Кантемиры; поэтому и вся их семья переселилась в древнюю столицу. Переезд двора в Москву имел большое экономическое значение для всей русской знати. Она не любила Петербурга, где жизнь была дорога, где все приходилось покупать на чистые деньги, а удобств не было никаких. «Кому известно хозяйство русского дворянина, - замечает один наблюдательный иностранец, живший в то время в России, - тот легко поймет, что для него пребывание в Петербурге должно было сделаться сущим разорением. Его крупные расходы идут не на дорогие платья и домашнее убранство, не на лакомый стол и заморские вина, а на обильные кушанья и напитки отечественного производства, на содержание множества слуг обоего пола и лошадей. Все это он имеет в Москве или даром, или по очень дешевой цене. Слугам, которые все его крепостные, он

обязан давать только съестные припасы, а эти последние, равно как припасы для его собственного стола и корм для лошадей, доставляют ему в изобилии его подмосковные имения. При такой близости крестьяне его занимаются подвозом необходимого без ропота и без ущерба его другим доходам»¹⁸. При том неопределенном материальном положении, в каком находилась в ту пору Кантемирова семья, переселение в Москву представляло для нее большие удобства и выгоды, тем более что ей приходилось по-прежнему поддерживать довольно широкие общественные сношения. Каковы они были, об этом дают отчасти понятие заметки князя Антиоха, уцелевшие на принадлежавшем ему экземпляре календаря 1728 года. Кантемиры жили в Москве, в отцовском доме, уезжали иногда в свою подмосковную, принимали гостей и т. п. Под 24 марта отмечено, что княжна Мария ездила к государевой сестре великой княжне Наталье Алексеевне, а под 27 апреля - что владельцы Черной Грязи просили государя посетить их имение¹⁹. Посещение это, по видимому, однако не состоялось. Всего более продолжал беспокоить семью вопрос об отцовском завещании. Еще в последние дни жизни Екатерины I второй из молодых Кантемиров решился на шаг, который мог содействовать окончанию этого дела. В верховном тайном совете, образованном по воцарении Екатерины, одно из самых видных мест занимал князь Димитрий Михайлович Голицын, человек очень умный и просвещенный, пользовавшийся уважением великого Петра, хотя сам, с своей стороны, не всегда одобрял его действия; у этого гордого представителя старой знати была дочь уже не первой молодости (она родилась еще в 1698 году), притом некрасивая - «колосс Родосский», как называла ее княжна Мария, и сварливого нрава. Двадцатидвухлетний князь Константин вздумал искать своего счастья, присватавшись к этой неприятной особе: последовало согласие, и 24 мая 1727 года состоялась свадьба Константина Кантемира с княжной Анастасией Дмитриевной²⁰. Из собственного признания в одном из позднейших писем княжны Марии мы узнаем, что она деятельно хлопотала о заключении этого брака. Но вскоре ей пришлось раскаяться в своем усердии: оказалось, что брак, которым князь Константин приобретал себе для получения майората содействие одного из первых сановников государства, грозит всем остальным членам Кантемировой семьи бедою - полным лишением благосостояния. Чтоб отвратить приближающееся несчастье, князья Матвей, Сергей и Антиох в июне 1728 года подали государю челобитную относительно отцовского наследства; однако решения на нее не последовало; тогда в августе того же года они снова подали на имя Петра II прошение, в котором ходатайствовали не только о решении по завещанию отца, но и о пожаловании им, как «кадетам», то есть неучастникам в майорате, тысячи крестьянских дворов, «чтобы, - говорили просители, - было бы нам с сестрою, бедным сиротам, чем пропитаться, хотя с нуждою». Около того же времени, вероятно, по ходатайству вдовы покойного господаря, Сенат подтвердил прежнее свое, все еще остававшееся не исполненным определение об уступке княгине Анастасии Ивановне четвертой части мужниных имений. Между тем не дремал и князь Константин: в декабре того же 1728 года он также подал государю прошение о назначении его единственным наследником отцовских имений согласно воле покойного.

И действительно, указом императора Петра II, состоявшимся 13 мая 1729 года по докладу верховного тайного совета, все имения князя Димитрия Кантемира были утверждены за его вторым сыном Константином. На докладе по этому делу не было подписи князя Д.М. Голицына; но его содействие, чтобы направить решение в пользу зятя, не подлежало сомнению. Когда же Константин Кантемир получил в свое владение желанный маиорат, он отказался уступить мачехе определенную ей Сенатом часть спорного недвижимого имущества, да еще возбудил в юстиц-коллегии иск о неправильных притязаниях княгини Анастасии Ивановны²¹. Все это также делалось не без ведома князя Д.М. Голицына, который не чужд был своекорыстия, а к отцу княгини Кантемировой, князю И.Ю. Трубецкому, питал нерасположение как к человеку недалекому, тщеславному и не по заслугам почтенному²². Но прежде чем разрешились имущественные пререкания в семье Кантемиров, в общем ходе русских дел произошли важные события, изменившие общественное и политическое положение властолюбивого князя Димитрия Михайловича и повлиявшие на дальнейшую судьбу детей и вдовы покойного молдавского государя.

18 января 1730 года скончался император Петр II, а на другой день в заседании верховного тайного совета состоялось избрание преемницей почившего государя герцогини Курляндской Анны Иоанновны. При этом явилась мысль дать новый строй высшему управлению империи: предполагалось ограничить самодержавную власть. Пока дошла до герцогини весть об ее избрании, и пока Анна Иоанновна ехала из Митавы в Москву, умы собравшихся здесь сановников и шляхетства пребывали в чрезвычайном волнении: составлялись различные проекты государственного устройства, шла борьба между верховниками и шляхетством; но захваченные обстоятельствам врасплох различные группы совещавшихся не могли прийти к соглашению. Дело ничем еще не было решено к 15 февраля, когда последовал торжественный въезд императрицы в древнюю столицу. Тогда выдвинулась вперед группа лиц, убежденная в необходимости не изменять принципу самодержавия. Явным главой ее стал сенатор князь Алексей Михайлович Черкасский, а тайным руководителем - его многоумный приятель, архиепископ Новгородский Феофан Прокопович. Втайне же сочувствовал им и один из верховников, сказывавшийся больным, А.И. Остерман. Пропаганду мысли, одушевлявшей эту группу, взяли на себя несколько молодых гвардейских офицеров, и в числе их князь Антиох Кантемир, в то время поручик Преображенского полка. Как его брат Константин искал себе фортуны чрез брак в семье родовитого верховника князя Д.М. Голицына, так младший и самый способный из сыновей покойного государя рассудил проложить себе такую же дорогу участием в политических «конъюнктурах» того тревожного момента, который переживало тогда русское общество.

Князю Антиоху шел в ту пору лишь двадцать второй год; но среди тогдашней русской молодежи он резко выделялся своим основательным и многосторонним образованием. Несмотря на иноземное происхождение, он горячо любил свое новое отечество; конечно, он не мог питать расположения к русской старине, ему неведомой, и к ее обычаям, которые представлялись

ему только с отрицательной стороны; но он любил Россию в том виде, как пересоздал ее Петр; всего же более преклонялся он пред самую личность великого преобразователя, потратившего столько усилий на просвещение русского народа. Он опасался, что с переменой государственного устройства просветительное дело Петра придет в забвение. Когда-то отец князя Антиоха вступал в полемику с Феофаном Прокоповичем: на некоторые вопросы образования они смотрели разное; напротив того, сын господаря искал сближения с этим строгим хранителем Петровского предания; хитрый Феофан искусно взял в руки молодого человека в момент общественных замешательств и направлял его действия. Родственные отношения связывали князя Антиоха с семьею Трубецких, в особенности с двоюродным братом его мачехи, молодым князем Никитой Юрьевичем, на сестре которого, Марье Юрьевне, был женат князь А.М. Черкасский; у последнего была дочь, единственная наследница огромного родительского богатства, девятнадцатилетняя красавица Варвара Алексеевна; княжна Мария Кантемирова уже строила планы женить на ней своего любимого младшего брата.

Таковы были разнообразные причины и побуждения, заставившие князя Антиоха действовать при воцарении Анны Иоанновны так, как он действовал. Князь Черкасский по своему характеру был человек чересчур осторожный и тяжелый на подъем; князь Антиох оказался полезным помощником этого медлителя. 25 февраля шляхетство решилось, так сказать, дать окончательное сражение верховникам в присутствии государыни. Оно явилось в Кремлевский дворец, проникло, под предводительством князя Черкасского, в заседание верховного тайного совета и затем просило государыню позволить ему пересмотреть как кондиции, предложенные ей верховниками, так и заявления шляхетства. Императрица дала согласие, но с условием, чтобы дело было кончено в тот же день. Между тем как шляхетство удалилось в одну из зал дворца для совещания, находившиеся в аудиенц-зале гвардейские офицеры, собранные отчасти по вызову Антиоха Кантемира, который с этою целью разъезжал по Москве всю предшествующую ночь, стали волноваться; послышалось даже требование смерти верховников. В то же время на совещании шляхетства пошло по рукам прошение о том, чтоб императрица приняла, по примеру предков, самодержавие, чтобы верховный тайный совет был уничтожен, а Сенат восстановлен в своем прежнем значении. Пршение это было составлено Антиохом Кантемиром еще накануне; теперь его покрыли многочисленные подписи. Несколько часов спустя шляхетство, предводимое на сей раз фельдмаршалом Трубецким, представило эту челобитную государыне, пред лицом которой она и была прочтена самим составителем. Анна Иоанновна благосклонно выслушала прошение, а затем велела подать себе кондиции, представленные ей верховниками, и, как сказано в последнем журнале верховного тайного совета, «при всем народе изволила, приняв, изодрать». Вечером того же дня прибывающим в Москве иностранным министрам было сообщено, что императрица восприяла самодержавие.

Таким образом, князь Антиох Кантемир был в некотором роде героем этого дня; своею энергией в критическую минуту он оправдал те надежды, которые возлагали на него его руководители и покровители. Вместе с тем,

оправдались и его собственные честолюбивые расчеты: государыня узнала его способности и усердие; от нее теперь зависело дать первым полезное применение и вознаградить за второе. Награда пришла через два месяца: 28 апреля 1730 года, в день коронования императрицы, князю Антиоху Кантемиру, вместе с братьями князьями Матвеем и Сергеем и сестрою княжной Марией, обещано было пожалование четырех тысяч душ. На самом же деле пожалование состоялось только в декабре 1730 года, при чем назначено было 1 030 крестьянских дворов в Нижегородском и Брянском уездах. По расчету оказалось, однако, что Кантемиры «кадеты» получили не все обещанное им количество душ.

На первое время награжденные предпочитали сохранить пожалованные им имения в совместном владении. Что касается в частности княжны Марии, она пользовалась доходами главным образом с богатого, исстари промышленного села Мурашкина, в Нижегородском уезде²³. Кроме имений, княжна получила еще другую награду: государыня пожаловала ее фрейлиной к своему двору. Но когда в конце 1731 года императрица решила переселиться в Петербург, княжне Кантемировой позволено было остаться жить в Москве. Придворная суета уже не манила ее; молодость была на исходе, а прошлое оставило в ее душе более горьких воспоминаний, чем приятных; кроме того, княжна опасалась, что жизнь в Петербурге будет ей не по средствам, особенно в первое время, когда размеры ее доходов не могли быть точно определены, и даже в Москве ей приходилось прибегать к займам. К тому же она купила себе пустырь на Покровке, в приходе Троицы в Грязях, и предприняла постройку здесь каменного дома, поручив ее известному в те времена архитектору итальянцу Трезини (в России его звали просто Трезиным). Конечно, княжна еще могла бы думать о выходе замуж, но, по-видимому, перспектива супружества не слишком привлекала ее; она уже давно привыкла к самостоятельности, и теперь ей хотелось пожить в свою волю, своим хозяйством, возобновив по возможности ту обстановку, в какой она провела свою юность, под покровом своего отца, в той же Москве.

Кроме устройства собственного гнезда, у княжны Марии была теперь еще одна забота - женитьба братьев. Князь Сергей не оказывал к тому никакой склонности; князь Матвей вел жизнь довольно беспутную и знался с подозрительными людьми; от этих-то привычек сестра и хотела его отвлечь женитьбой. Матвею прислана была невеста из хорошего рода - Авдотья Ивановна Салтыкова, дальняя родственница императрицы Анны, мать которой, царица Прасковья Федоровна, тоже была из Салтыковых. По этому поводу княжна Мария писала своему брату Антиоху (в 1733 году): «Жениться на какой-нибудь девице такого рода - будь она даже пожилая или бедная²⁴ - и иметь кого-либо, кто при случае постоял бы за него, гораздо лучше, чем взять за себя какую-нибудь богатую дворянку, да не иметь никакого покровителя». Брак князя Матвея с Салтыковой не состоялся; но приведенные слова княжны особенно характерны как ее твердое убеждение, выражающее ее чисто практический взгляд на супружество. Она руководствовалась им и прежде, когда хлопотала о женитьбе князя Константина, - держалась его и теперь, думая о браке других братьев. Задуманный ею брак князя Антиоха с

княжню В.А. Черкасскою, конечно, мог удовлетворить всем требованиям, какие способен был изобрести практический ум заботливой сестры, но осуществить это дело было нелегко; за то, чтоб уладить его, княжна Мария не жалела никаких усилий со своей стороны.

Еще в начале 1720-х годов, будучи ребенком, княжна Варвара Алексеевна²⁵ обращала на себя общее внимание своею милотливостью и живостью, когда появлялась на небольших вечерних собраниях у родственников и принимала участие в танцах. Не раз говорится о том в дневнике усердного летописца тогдашних светских развлечений и забав камер-юнкера Берхгольца. Взрослая, она стала совершенною красавицей, так что ей одной из девиц, принятых ко двору, императрица Анна позволила носить локоны: преимущество, которым пользовались в то время только фрейлины²⁶. Кроме привлекательной наружности, Варвара Алексеевна отличалась, по словам княжны Марии, умом и была хорошо образованна; у ней была гувернантка француженка; училась она также английскому языку. Князь Антиох узнал ее давно: еще в детстве ее возили в дом господаря, вторая жена которого доводилась ей двоюродною теткой. Знакомство это продолжалось и после, в Петербурге и Москве. В одной из своих сатир²⁷ Кантемир вспоминает, что в ранней юности он предавался сочинению любовных песен:

Довольно моих поют песней девицы

Чистые и отроки, коих от денницы

До другой невидимо колет любви жало.

Песни эти не сохранились (или, может быть, уцелели, но без имени автора, в старинных рукописных сборниках); весьма возможно, что юный стихотворец посвящал их княжне Черкасской. По крайней мере, впоследствии (в 1733 году) княжна Мария писала брату, чтоб он не досаждал Варваре Алексеевне своими стихами²⁸. Все это были, однако, шалости очень юных лет. Когда же и он, и она стали взрослыми, а князь А.М. Черкасский сделался одним из первых сановников государства, бедный преображенский поручик оказался неподходящим женихом для самой богатой невесты в России, в особенности в глазах гордой матери, то есть княгини Марии Юрьевны Черкасской. К тому же за Варвару Алексеевну стали свататься другие лица, имевшие более видное общественное положение, чем князь Кантемир. Одним из таких ловцов богатого приданого явился граф Рейнгольд Левенвольде, остзейский немец, приехавший в числе многих ему подобных в Москву вслед за новою императрицей и возведенный ею в звание обер-гофмаршала. Во время коронационных торжеств в апреле и мае 1730 года он успел уже проявить свое умение руководить придворными празднествами, приобрел известность ловкого светского кавалера и очень нравился дамам. В октябре того же года он сделал предложение княжне Черкасской. Отцу очень не хотелось выдавать дочь за немца, но императрица сама его сватала, и князь принужден был согласиться; обручение состоялось при дворе. Однако несколько месяцев спустя дело расстроилось по неизвестной причине; обрученные возвратили друг другу кольца и подарки. «Этот случай, - пишет английский резидент Рондо, - возбуждал всеобщее удивление; многие полагают даже, что он повлечет за собою гибель или князя Черкасского, или графа Левенвольде, который, изменив

слову, нанес оскорбление всему роду Черкасских, состоящему через браки в свойстве с ее величеством и со всею русскою знатью»²⁹. Все, однако, обошлось благополучно: Левенвольде пользовался безграничным расположением императрицы, а Черкасский был человек настолько осторожный, что не решился громко роптать на причиненную ему обиду.

В семье Кантемиров, конечно, радовался такому исходу дела. Но малый чин князя Антиоха по-прежнему оставался препятствием к успеху его сватовства. Только в ноябре 1731 года судьба улыбнулась Кантемиру: Остерман, быть может, не без тайной мысли удалить из России способного человека, придумал отправить князя Антиоха резидентом в Лондон. Назначение было почетное, и отказываться от него не следовало; но Кантемиру хотелось помедлить отъездом, и он даже говорил Рондо, что прежде, чем уехать, ему необходимо устроить семейные дела³⁰. Одно из них - раздел пожалованных имений - князю Антиоху удалось привести в исполнение, но другое - женитьбу - пришлось отложить в долгий ящик: с медлителем Черкасским никакие дела не делались скоро. 27 декабря 1731 года окончательно состоялось назначение Кантемира, а четыре дня спустя он уже должен был покинуть Москву в неизвестности, состоится ли его брак с княжною Черкасскою. Хлопотать о том выпадало на долю княжны Марии.

Отъезд любимого брата был очень печальным событием для сестры. В первое время она, впрочем, не ожидала, что его отсутствие будет продолжительным. Как бы то ни было, между ними немедленно завязалась деятельная переписка. К сожалению, она сохранилась с значительными пробелами; например, от 1732 года не уцелело ни одного письма княжны Марии. Со своей стороны, князь Антиох несколько раз писал ей еще с дороги; так, 11 (22) февраля он извещал ее о своем прибытии в Данциг и о том, что еще из Кенигсберга послал ей кое-какие подарки; в числе их было шесть ящиков нюхательного табаку à la violette. «Из них два кубика передайте Матвею, - писал Антиох, - два оставьте себе, а остальные отшлите тигрице и попросите ее не сердиться на меня за то, что не прислал больше: я не нашел большого количества, а из Голландии вышлю, как ей обещал, целый пуд... Если вам не понравится табак, можете разделить его между Матвеем и тигрицей». Читатель не сразу догадается, кого следует разуметь под прозвищем «тигрицы». Из дальнейшей переписки оказывается, однако, что оно относится к княжне В.А. Черкасской; стало быть, князь Антиох вспоминал о ней во время своих странствований. В семье Кантемиров выработался условный язык, который сохранялся и в интимных письмах брата и сестры. На этом языке княжна Варвара слыла «тигрицей» - без сомнения, потому, что ее так же трудно было изловить, как этого дикого зверя. Княжна Мария особенно охотно употребляла такие условные прозвища и любила выдумывать их. Прославившегося своею медлительностью князя А.М. Черкасского она называла не иначе, как «черепашкой», а жену своего брата Константина, дочь верховника Голицына, Анастасию Дмитриевну - «Еленой», очевидно, потому, что женитьба на ней внесла раздор в семью Кантемиров: княжна Мария хорошо знала классические предания и помнила, что из-за спартанской Елены возгорелась десятилетняя война, воспетая Гомером.

Между тем как князь Антиох устраивался в Лондоне, познакомился с английскими министрами и вступал в отправление посольских обязанностей при Сент-Джемском дворе, его сестра была озабочена устройством своего московского житья-бытья. Первое время она чувствовала недостаток в средствах. Она была очень расщеплива и считала прямым непотопление всего пожалованного ей с братьями количества крестьянских душ. Вероятно, еще в 1731 году Кантемиры подали челобитье о том в сенат, и чтоб поддержать это официальное ходатайство, княжна Мария сочла нужным написать частное просительное письмо к Бирону; уже в бытность двора в Москве стало всем явно его могущественное значение при государыне, и самые чванные люди из русской знати не брезгали заискивать у него; в письмах к брату княжна Мария не иначе называла Бирона, как «всесильным». В своем письме к временщику от 11 декабря 1732 года она обстоятельно объясняла свою нужду и затем прибавляла: «Истинно бедно живем, и ежели ваше сиятельство в сем деле не подаст нам руку помощи, понеже иного патрона не имеем, то в крайнее придем убожество. Сие мое покорное прошение сиятельству вашему изложив, уповаю, что по великодушью вашему не буду презренна, и тако благонадежно остаюся вашего сиятельства, яко патрона и благодетеля, покорная служница, княжна Мария Кантемирова». Удовлетворение этой просьбы последовало не сразу; но и в то время, когда княжна Мария писала к Бирону, она, конечно, очень преувеличивала затруднительность своего материального положения; вот что писала она брату месяц спустя после письма к «всесильному»: «Если государыня окажет нам милость и пожалует деревни, которых мы просим, то у меня не только не будет долгов, но я буду жить по-барски. А пока я должна за квартиру, не считая ежедневных расходов. Все русские удивляются моему образу жизни и утверждают, что у меня много денег. Если б это было на самом деле так, я воздвигла бы себе каменные палаты. Но все-таки я, благодаря Богу, здорова, имею что есть да пить, имею квартиру; кроме того, у меня строятся два домика. Слуг у меня двадцать человек, а развезжаю я шестеркой для поддержания своего достоинства». По-видимому, в том же 1733 году хозяйство княжны стало приходить в порядок: дом ее был достроен, и она поселилась в нем. Старый слуга покойного господаря Антиох Камараш состоял у его дочери домоправителем, а другой управляющий ведал ее доходами с Мурашкинской вотчины. Вообще дом княжны Марии был полон всякого народа; кроме челяди, у нее жил, например, свой врач грек Севаст, обязанностью которого было пускать княжне кровь; как и у покойного князя Димитрия, греки находили себе у нее особенное покровительство, и многие из них, приезжая в Москву, ютились под ее кровом. «Мой дом похож на Ноев ковчег», - писала княжна брату в 1733 году; сходство это увеличивалось еще тем, что у хозяйки было множество кошек и собак, которыми она любила тешиться. Впоследствии она купила себе подмосковную, которую назвала Марьиным, и стала проводить в ней лето.

Общественные отношения княжны Марии давно определились; оставалось только поддерживать их. После возвращения двора в Петербург (в самом начале 1732 года) в Москве остались семьи некоторых сановников, в том

числе жена князя Черкасского с дочерью. Княжна Кантемирова сохраняла с ними сношения ввиду своих матримониальных планов, остерегаясь, однако, быть навязчивою, «чтобы не прослыть свахою» в глазах матери, как она выражалась. Кроме Черкасских, княжна Мария посещала Трубецких, Строгановых, Салтыковых; но вообще предпочитала сидеть дома. «Я веду тихую уединенную жизнь, - писала она брату (в 1736 году). - Говорят, лучше всего обходиться без общества, чем вращаться в дурном. Я вполне с этим согласна. От людей много умного не услышишь. Разговоры у нас - только сплетни; как где-нибудь покажешься, начинают расспрашивать, затевают целый экзамен. На такой случай не дурно бы иметь при себе полный реестр ответов на всевозможные вопросы. Такого бесплодного любопытства я не люблю». Домоседство, замкнутая жизнь, в которой она была воспитана отцом, соответствовала серьезному характеру княжны, и если она выезжала, то скорее по делам, чем для развлечения.

В начале 1733 года княжна Мария собралась в Петербург, чтобы хлопотать о додаче пожалованных вотчин. Эту поездку она подробно описала в письмах к князю Антиоху. Она отправилась по зимнему пути, в половине февраля, и остановилась у брата Константина; отношения к нему остальных членов семьи значительно улучшились с тех пор, как им пожалованы были отдельные вотчины и понизился придворный кредит Константинова тестя. Поездку свою княжна старалась сделать как можно экономнее. «После продолжительного и тяжелого путешествия, - писала она князю Антиоху, - я устроилась в доме брата. Своих расходов у меня нет: я обедаю за его столом, и он же кормит моих слуг». Жену князя Константина княжна Мария сильно недолюбливала за ее ограниченность, сварливость и за то, что она держала мужа под башмаком. «Елена, - припомним, что так прозвала княжна княгиню Анастасию Дмитриевну, - скорее похожа на черта, чем на ангела, и по красоте (как изображают диавола), и по нраву». Придя к такому заключению, княжна Мария писала Антиоху, что отныне хочет заменить прежнее прозвище невестки новым - «Медея», «так как нельзя найти более подходящего имени для означения ее природного характера: ведь Медея может служить типом коварной женщины». Коварство княгини проявлялось, однако, только в ее наивной грубости и неделикатности: она без церемонии забрала себе весь тот пуд табаку, который был прислан князем Антиохом В.А. Черкасской, и даже самой княжне Кантемировой не дала «ни единой понюшки»; эта «коварная Медея» была по-своему даже добрая женщина; она давала своей золовке карету для выездов и однажды сочла нужным подарить ей веер и косынку. Таким вниманием расчетливая княжна Мария была очень польщена и в конце концов догадалась, что ей надо стать выше семейных дразг; сатирическая жилка, присущая ей, как и ее младшему брату, взяла в ней верх над раздражением, и она писала князю Антиоху, что все виденное в Константиновом семействе она считает «богатым материалом для повести». На прощанье она тоже сделала подарок княгине «Медее».

Приехавши в Петербург, княжна Мария почла долгом представиться императрице. «В воскресенье, - писала княжна брату Антиоху 20 марта, - я была у государыни, которая, как мне показалось, милостиво приняла меня и

спросила о времени моего приезда. Затем она сказала: «Или скучно на Москве стало?» Я ответила, что приехала, во-первых, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, а во-вторых, чтобы хлопотать о своих делах. Цесаревна Елисавета Петровна приглашала княжну к обеду и просила передать поклон брату. Но всех ласково была с нею сестра государыни, герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна; эта умная и живая особа при первом же представлении княжны удержала ее к обеду, расспрашивала об ее московском житье-бытье, а также о брате-посланнике и приказала отпускать ей придворные экипажи и лошадей для езды цугом. «Герцогиня, - писала княжна, - обошлась со мною очень милостиво. Да сохранит Господь ее здоровье (теперь она больна). Кроме разных вопросов, какие она предложила мне о наших вотчинах и других предметах, а также о том, как я проводила время в Москве, она сказала мне: «Сестрица пожалует и остальные деревни». Я отвечала ей, что, не будь я в большой нужде, я не приезжала бы и не просила новых вотчин спустя один или два года после награждения». Когда герцогиня расхворалась, княжна Мария была в числе тех немногих лиц, которых она допускала к себе. 14 июня 1733 года Екатерина Иоанновна скончалась. «Я считала герцогиню, - писала княжна Антиоха по этому случаю, - всемилоштивейшею особой и покровительницей в моих стесненных обстоятельствах. Смею даже сказать, что мы были дружны, так как я получала от нее знаки не только покровительства, но дружбы... Многим, несомненно, придется восхвалять ее доброту и душевные качества. Я из тех лиц, которые никогда не забудут ее; при воспоминании о ней я не в состоянии удержать обильных слез... Я хотела писать вам об ее кончине в прошлую пятницу, но была вне себя и не могла этого сделать». Подобные излияния очень редки в письмах княжны Марии; она вообще была скупа на привязанности, и потому нельзя не верить ее словам в данном случае.

Обласканная членами царской семьи княжна была очень приветливо принята и высшими сановниками; она посещала Бирона и его жену, Остермана, А.И. Ушакова, князя Черкасского; все были с нею очень вежливы, и от всех она слышала обещания оказать содействие ее делу. При свиданиях с Черкасским ее так и подмывало заговорить о «тигрице» и о надеждах князя Антиоха; она уже наводила на этот счет предварительные справки у князя Н.Ю. Трубецкого, который доводился свояком князю Черкасскому и был дружен с Кантемиром; Трубецкой отвечал ей: «Я предпочел бы князя Антиоха всем, кого нам прочат», но от дальнейшего вмешательства в это дело уклонился. Завести щекотливый разговор с самим Черкасским княжна все-таки не решилась. Вот в каких словах описывает она свой прощальный визит ему: «Черепеха отнеслась ко мне очень благосклонно и, к удивлению, снизила до того, что проговорила со мною целых полчаса; ведь, по слухам, она - небольшая охотница до разговоров. Я чуть было не завела с нею речи о тигрице, но потом одумалась и обошла этот предмет из опасения остаться без ответа или поставить ее в затруднение, так как черепеха, не приготовившись, не знала бы что сказать». Княжне все-таки удалось узнать стороною, что князь-черепеха очень хорошо расположен к молодому дипломату.

По странной случайности, между тем как сестра раздумывала о возможности женить брата, у ней у самой явились в Петербурге женихи. По правде

сказать, женихи какие-то особенные. Один из них был очень богат, но не знатен. Княжна не называет его по фамилии; но в ее родстве не были бы довольны таким браком; жена князя Константина уже успела ей сказать: «Наша сестра, разве которая голая, пойдет за него, посадского». Сватом являлся князь Никита Трубецкой - быть может, не без тайной мысли уничтожить всякие поползновения князя Антиоха на брак с его племянницей в том случае, если княжна Мария выйдет за этого «посадского». Другой претендент, искавший ее руки, был грузинский царевич Александр Бакарович, сын выехавшего в Россию в 1724 году Карталинского царя Бакара, человек, стало быть, очень знатный, но бедный: он ставил условием, чтоб его будущая жена выучилась по-грузински. Получив эти предложения, княжна не знала, на что ей решиться, и обратилась за советом к князю Антиоху; ответ его неизвестен; но едва ли не прежде, чем он был получен, княжна отказала обоим претендентам. Между тем слух об ее женихах дошел до императрицы, и Анна Иоанновна заговорила о том, когда княжна Мария явилась к ней откланиваться перед своим отъездом в Москву. «Она приняла меня милостиво, - писала потом сестра брату Антиоху, - и на мою просьбу не лишать нас и вперед своей благосклонности, так как мы, иноземные люди, после Бога только в ней одной можем найти покровительство, сказала, что всегда была к нам милостива и будет впредь относиться точно так же. "Не оставлю вас", - прибавила она и обещала приискать мне жениха, видя, что я сама не решаюсь выходить замуж. Я же хоть и не дала ей никакого ответа, однако почла бы за счастье исполнить желание государыни». Князь Антиох отвечал на этот рассказ сестры следующими словами: «Очень рад за милость, оказанную вам императрицей, и в особенности за жениха; от души желаю, чтобы таковой нашелся». Обмениваясь такими речами, вполне ли были искренни брат и сестра друг перед другом? Последующие обстоятельства позволяют в этом сомневаться.

Княжна Мария воспользовалась отбытием государыни в Петергоф после погребения герцогини Мекленбургской и в половине июля 1733 года оставила Петербург. Она уехала вполне спокойная насчет успеха своего ходатайства: дело о додаче Кантемирам не полученной ими части пожалованных имений если и не было решено окончательно, то во всяком случае было направлено на верный путь. Княжна могла питать уверенность, что благосостояние ее и ее братьев «кадетов» прочно обеспечено.

По возвращении княжны Марии в Москву, для нее возобновилась та жизнь в домашнем кругу, обиход и обстановку которой мы уже имели случай очертить. Новым элементом в быту княжны стала теперь ее переписка с братом Антиохом. Она не только любила его сильнее, чем остальных братьев, но и сама питала уверенность, что он платил ей тем же; и она не ошибалась: о расположении к ней князя Антиоха свидетельствует человек совершенно ей чуждый, французский биограф сатирика и его ученый парижский приятель аббат Гуаско. «Со своею старшею сестрою, - говорит он, - князь всегда сохранял тесную дружбу. Их склонности были вполне сходные. Она любила словесность. Он часто писал к ней по-гречески и по-итальянски»³¹. Княжна, в свою очередь, очень дорожила братнею дружбою и в этом отношении охотно противопоставляла младшего брата другим, которые бывали даже невнимательны к сестре, хотя нередко пользовались ее одолжениями.

Переписка, особенно заграничная, сопровождалась в то время большими затруднениями. Княжна отправляла свои письма к брату через коллегии иностранных дел и тем же путем получала его ответы. Посредником в этих сношениях был некто Иван Павлович Суда, служивший в коллегии сперва переводчиком, а потом секретарем. Итальянец родом или обитавший в Италии грек, он, по-видимому, был близок к семье Кантемиров; по крайней мере князь Антиох питал к нему доверие, которого, впрочем, княжна Мария не разделяла; вот что писала она младшему брату об этом посреднике 8 августа 1734 года: «Удивляюсь, что вы так долго ничего не говорите Суде и не пишете графу Остерману, чтоб он приказал ему заплатить вам свой долг. Не довольно ли с него и той прибыли, которую он извлек из этих денег? Вам непременно следует написать о том, да и не слишком доверять людям, что - я знаю - вы часто делаете. Говорила я вам, что он человек нечестный, и писала вам в одном письме, но мне кажется, вы не получили его, так как оно было послано чрез Суду. Я слыхала даже, что за ним водится грех передавать другим чужие письма, чтобы снискать себе милость и благорасположение. Он - ужасный маккиавеллист. Всем такого рода людям, по русской пословице, один конец: «плутов кончина не добра бывает», или, как говорят французы, «все политики умирают на виселице». Любопытно в этом отзыве воспоминание о Маккиавелли - согласно с ходячим мнением о нем как о хитрейшем и коварнейшем из политиков; в другом, позднейшем письме (от 19 марта 1737 года) княжна сознавалась, что не читала Макиавелли, но «политику понимает и умеет угадывать то, о чем не говорят». Она гордилась своею проницательностью и своим умением определять свойства людей. Что касается Суды, то, быть может, он и не был таким плутом, как изображала его княжна, однако в отношении к нему ее суждение оказалось, к сожалению, пророческим: попав в исходе 1730-х годов в кружок Артемия Петровича Волынского, где обсуждались разные необходимые для России преобразования в государственном управлении, он подвергся, вместе с другими членами этого кружка, суровому суду, был обвинен в государственном преступлении и казнен смертью. Как бы то ни было, еще задолго до этих событий недоверие к «ужасному маккиавеллисту» побудило княжну Марию искать способов переписываться с братом помимо иностранной коллегии, и она стала отправлять свои письма просто по почте, несмотря на тогдашнюю дороговизну почтовой платы.

Вскрытие частной корреспонденции было в XVIII веке совершенно обычным делом. Княжна Мария хорошо это знала и потому избегала писать брату о делах внутренней русской политики. По этой части в ее переписке можно указать только на следующее известие, находящееся в письме от 10 июня 1734 года и любопытное, между прочим, по той форме, в какой оно было изложено: «Смоленский губернатор, князь с фамилией черепахи, пел на лире; а теперь под арестом. Как я слышала, это уже всем известно, почему и передаю вам эту весть. Вот что за человек он был. Не следует вам доверять всякому. У меня все лаконически; лишнего не пишу и не говорю, но умный слышит с полслова». В этих иносказательных выражениях княжны Марии заключалось уведомление об участии, постигшей князя Александра Андреевича

Черкасского. Это был один из дальних родственников князя-черепахи; при Петре Великом он был отправлен в Голландию учиться корабельному делу, а при Екатерине I состоял камергером при дворе цесаревны Анны Петровны. В 1731 году он был назначен губернатором в Смоленск; здесь он высказывал сочувствие малолетнему сыну герцогини Голштинской и желание видеть его преемником императрицы Анны на русском престоле; об этом было донесено в Петербург; симпатии к прямому потомству Петра были вменены князю в преступление, и в 1735 году он был сослан в Жиганское зимовье³². В 1730 году князь Александр Андреевич принимал участие в совещаниях шляхетства, и, вероятно, в это время познакомился с ним Антиох Кантемир. Осторожная княжна Мария, намекая на это знакомство, сочла нужным даже в совершенно частном письме дать понять, что она не питает никакого сочувствия к такому подозрительному человеку, каким оказался арестованный Черкасский.

Другие новости, которые княжна Мария сообщала своему брату, были уже совершенно невинного свойства и не могли бы подать повод к каким-либо расследованиям со стороны тайной канцелярии. Так, она извещала князя Антиоха о браках, устраивавшихся в кругу их общих знакомых, или же писала просто о городских происшествиях. Например, в ее письме от 11 декабря 1735 года читается следующее: «Никаких больше нет у меня московских новостей, кроме разве той, что большой колокол уже отлит, но его еще не успели охладить, так что он еще закрыт для взоров проходящих». Это - известный царь-колокол, стоящий ныне в Кремле на гранитном пьедестале подле колокольни Ивана Великого. Он и предназначался для нее взамен старого колокола, который упал и разбился во время пожара 1701 года. Разбитые остатки пролежали у колокольни более тридцати лет, пока из них, с прибавкой нового материала, не был отлит мастерами Иваном и Михаилом Моториными новый колокол в 14 000 пудов; но его не успели еще поднять, как 29 мая 1737 года произошел новый пожар, причем сгорел шатер, покрывающей колокол, и упавшее бревно вышибло большой кусок у его нижнего края³³.

И об этом великом пожаре, истребившем пол-Москвы в ее южной и западной частях, встречается подробное повествование в одном из писем княжны Марии. «От денежной свечки Москва сгорела», - гласит пословица. Народ сохранил в ней память о действительной причине бедствия, постигшего Москву в 1737 году. Из записок майора Данилова видно, что пожар произошел именно от свечи, зажженной перед образом в деревянном чулане при доме родственной Данилову семьи Милославских³³. Действие огня было опустошительное; пожар угрожал разорением и княжне Марии, и вот что по этому поводу писала она брату 21 августа 1737 года: «Наша Покровка была объята пламенем отовсюду; наконец, огонь охватил и мой дом, проникнув на чердак, выходящий в сад против дома Долгоруких. В миг вспыхнули и самые дома. Слуги мои вне себя кидались туда-сюда; но я - верьте мне - даже не смутилась и уговаривала их не плакать, так как дом ведь не ихний и, как деревянный, должен был сгореть рано или поздно, а убыток весь понесу я одна. Впрочем, и они порядком-таки поплатились, потому что остались в том лишь, что на них было. После того, как сгорел дом, я поблагодарила

господина Трезина за постройку каменного флигеля: вы знаете, что по этому поводу он прожужжал мне уши своими восклицаниями: «Известь и крупный песок!» Благодаря тому я спасла все свое имущество: там хранились у меня все драгоценности и книги, которые вы мне подарили; спасены и вещи обоих братьев. Только, выходя из дома, я не подумала о том, что в этом флигеле дверь и окна не обмазаны глиной и что рядом с ними находится неоконченная постройка без окон и дверей. Нужно приписать чуду, что они не затлелись; там стояли шкафы и столы брата Сережи. Господь и икона Божией Матери сохранили их невредимыми, несмотря на то, что возле находился подвал, а в нем 500 ведер вина, половина которого принадлежала вам. Этот подвал выгорел дотла. Все, что было в сарае: кареты, коляски мои и братьев, ваши коляска и сани, словом - все, что было в каменных постройках, спасено; зато из мелочей домашнего обихода не уцелело ничего. Весь убыток простирается до 2 000 рублей, кроме дома. Благодарю Всевышнего за все. Не думайте, чтоб я сильно горевала. Но мне жаль брата Сережи, у которого уничтожен огнем хороший, недавно отстроенный дом. Печалит меня также гибель моего сада: теперь придется опять ждать лет пять, пока не вырастет снова красивая и тенистая аллея, какая у меня была там. Во время этого пожара лишилась я милой собачки Перлы и двух кошек, и, верьте мне, я больше сожалела о них, чем о своем доме. Горькими слезами оплакала я их роковую кончину».

С замечательною энергией принялась княжна Мария исправлять ущербы, причиненные ее хозяйству этим пожаром. Заняв несколько сот рублей и воспользовавшись кое-какими лежавшими у нее деньгами брата-посланника, она в течение первых двух месяцев после пожара успела выстроить себе новую каменную кладовую, погреб, конюшню и даже деревянный дом. «На постройку дома я истратила сто двадцать рублей - так дороги теперь рабочие и всякие материалы», - сообщила она брату и как бы в оправдание своих расходов подкрепляла свой рассказ пословицей: «Нужда закон изменяет. Жить без дома нельзя; надеюсь, что Господь все устроит».

Хозяйственные способности княжны, ее распорядительность и находчивость в периоды материальных затруднений не подлежат сомнению; по письмам ее видно, что из таких обстоятельств она всегда умела выходить с успехом, не обижая притом и своих крестьян, оброк с которых составлял ее главный доход. В первые годы по вступлении ее с братьями во владение пожалованными именьями эти доходы были еще довольно неопределенны: оброк поступал туго. «Нужно терпеть, - писала она брату в 1734 году 10 июня, - по слову апостола Павла: "аще терпим, с ним и воцаримся". Жаль крестьян - уж третий год у них неурожаи; а если у них нет денег, это отзывается и на нас. Мы теперь очень нуждаемся; поэтому, пожалуйста, не сердитесь, что я, не предупредив вас, взяла столько денег и заплатила подати за братьев. Положение ужасное: нашим людям не дают прохода и сажают их в острог». Те же жалобы и те же сожаления повторяла она и в другом письме того же года, от 8 августа: «Приходится терпеть и сидеть сложа руки. Что делать! Не одни наши мужики так бедны. Я очень рада, что долго прожила в деревне: там расходу меньше, чем в Москве». Обстоятельства княжны одна-

ко скоро поправились, и, как мы уже видели, в 1737 году, она без особенных стеснений перенесла и исправила убытки от пожара.

А между тем, и в 1737 году, и в предшествующем, дети покойного господара еще раз подвергались опасности лишиться всего своего благосостояния. Вдова князя Димитрия, как уже было сказано, осталась не удовлетворенною в своем ходатайстве на счет предоставления ей законной четвертой части мужниных недвижимых имений. В 1736 году она просила императрицу Анну приказать пересмотреть это дело. Иск княгини Анастасии Ивановны относился, собственно говоря, к одному князю Константину, как владельцу маюрата; но при допросе, произведенном в особо наряженном «вышнем суде», он подал показание, что до 1729 года все дети покойного господара владели его имениями совместно, почему и иск мачехи должен быть обращен к ним ко всем. Братья князя Константина не отрицали, что в течение шести лет со смерти отца пользовались доходами с его имений, но, как кадеты, неучастники в маюрате, отказались принять на себя какую-либо долю в удовлетворении требований мачехи. Тем не менее, юстиц-коллегия постановила подвергнуть описи и оценке пожалованные им имения, а доходы с них определила собирать в казну. Чтобы хлопотать по этому сложному делу, княжне Марии пришлось приехать в Петербург, где она и провела зиму 1736-1737 годов, с ноября по март. Соглашение пасынков и падчерицы с мачехой оказывалось делом очень нелегким. Княгиня Анастасия Ивановна собиралась в то время вступить во второй брак с находившимся в русской службе принцем Гессен-Гомбургским Людвигом-Вильгельмом; возможность этого брака льстила тщеславию вдовы господара, но знатный жених был кругом в долгах и требовал, чтобы невеста уплатила их еще до свадьбы; ей, стало быть, нужны были большие деньги, и потому-то княгиня проявляла несговорчивость. Она рассчитывала на то, что тесть Константина Кантемира, некогда содействовавший переходу маюрата в его руки, старик К.М. Голицын, находится теперь в опале и, следовательно, не в состоянии защищать интересы зятя. Мало того: при рассмотрении дела в вышнем суде было найдено, что Голицын допустил разного рода неправильности при утверждении маюрата за князем Константином; Голицына подвергли допросу и суду, а Константину Кантемиру предстояло лишиться всех своих вотчин, так как сделанные на него начеты превышали самую их стоимость. Та же участь грозила и всем остальным членам Кантемировой семьи, если б иск, предъявленный княгинею Анастасией Ивановной, был признан правильным во всем своем объеме.

Все это не могло не тревожить княжны Марии. По приезде в Петербург она представилась императрице, которая заговорила с нею об ее брате-посланнике. Анна Иоанновна, очевидно, знала, что князь Антиох умел хорошо поставить себя при Сент-Джемском дворе и между прочим пользовался вниманием королевы Каролины. Государыня похвалила его за любовь к порядку и сказала: «Он хорошо живет». Сообщая эти слова в письме к брату от 30 ноября 1736 года, княжна прибавляла: «Я, поклонившись как следует, поблагодарила государыню. И не мне одной дала она такой отзыв о вас; многим другим случалось его слышать. Это приносит вам честь». Не все однако петербургские впечатления княжны Марии были на этот раз столь же прият-

ны. Мачеха была с нею ласкова и говорила, что не прочь оказать снисхождение князьям Сергею и Антиоху, но письменно подтвердить это обещание отказалась; князю Матвею она не хотела ничего уступить, а в отношении князя Константина проявила полную беспощадность и грозила отобрать у него все его вотчины в удовлетворение своего иска. Княжна посетила также разных сановных лиц и, разумеется, говорила с ними о тревоживших ее делах, но извлекла мало пользы из этих бесед. Вот что после того 9 января 1737 года писала она брату: «Черпаха никуда не годится; он, с одной стороны, бездеятелен, а с другой - и не имеет влияния. Остальные сановники нейтральны, хотя каждый из них умеет отличать правду от кривды». Все это повергало княжну в грустное настроение, и, сообщая брату о таких прискорбных новостях, она считала нужным дополнить свой рассказ увещаниями не огорчаться ими и переносить невзгоды с терпением Иова. Был, впрочем, в этом письме княжны и другой совет брату, уже чисто житейского свойства, но облеченный в иносказательную форму. «Иногда, - писала княжна, - лебедь доставляет нам своим голосом больше удовольствия, чем ласточка, которая, беспokoя людей своим щebetаньем (как я - сановников), в конце концов совершенно разрушает свое гнездышко... Зачем многословить? Умный поймет с полслова». Другими словами, сестра предлагала брату самому выступить ходатаем по общему делу их семьи.

Как ни умна была княжна Мария, однако на сей раз она обнаружила недостаток проницательности. Придворные люди отмалчивались перед московскою фрейлиной, но твердо памятовали о благоволении государыни к князю Антиоху и хорошо знали, что оно одно может спасти участь семьи Кантемиров. Ввиду того крайнее упорство княгини Анастасии Ивановны в своих, несомненно, преувеличенных требованиях могло обратиться ей же самой во вред; поэтому, чтобы подготовить судебное решение спорного дела в смысле более или менее благоприятном для всех сторон, нужно было прежде всего добиться уступок от княгини. Это очень ясно рассудил князь-черпаха, и вот, еще 21 декабря 1736 года, то есть почти за три недели до того, как княжна Мария написала брату унылое письмо, в котором осуждала безучастие Черкасского, последний решил сам высказать князю Антиоху свои советы. Почти с самого прибытия в Англию Кантемир стал хлопотать об увеличении своего посольского жалованья; из Петербурга ему постоянно отвечали уклончивыми отговорками, теперь же, в самый разгар процесса между княгиней Анастасией Ивановною и ее пасынками, осторожный князь Алексей Михайлович написал лондонскому посланнику следующее: «О прибавке жалованья хотя несомненное чаяние было, однако же воспрепятствовало тому дело брата вашего с мачехою вашею, по которому вы все обвинены, и на вашу персону положено иску 21 000 с лишком, кроме того, что впредь прибавится, да с того иску пошлины. Однако же во известие ваше доношу, что мачеха с вашей персоны и с князя Сергея ничего брать не намерена, а говорит, что ежели-де он отпишет ко мне да пришлет какую галантерею, то на том-де у нас и сделка будет и крепость, какую-де хочет, дам. Того ради не соизволите ли отписать к ней в почтительных и благоприятных терминах и притом прислать ей из галантереи какую-нибудь ефимков десятка в два или

три, а паче такую, какая к уборам женским прилична, из шитых или тканых, что только б курьезно и новомодно было. Дай Боже, чтоб сия тягость с вас благополучно сошла. А о снятии пошлины в покорных терминах извольте через письмо просить обер-камергера и притом напомянуть прошением о прибавке жалованья. Сие прошу изодрать»³⁵. Княгиня Анастасия Ивановна была большая модница: Черкасский ловко придумал подействовать на женскую слабость, чтобы расположить княгиню в пользу Антиоха Кантемира.

Лондонский посланник не замедлил воспользоваться советом своего петербургского благоприятеля: написал мачехе самое почтительное письмо с просьбой пощадить как его самого, так и Сергея с Матвеем, и в то же время поручил Сергею уведомить княгиню, что требуемая галантерея, не то что в двадцать или тридцать ефимков, но гораздо дороже, будет ей выслана «на первом корабле». Это простое средство умиловить мачеху оказалось очень действительным: тщеславная княгиня в надежде блеснуть новомодным нарядом при дворе, который уже начинал славиться своею роскошью, немедленно смягчилась; с ее согласия производство описи над имуществом Кантемиров-кадетов было приостановлено, а затем и совсем прекращено. Для княжны Марии все эти обстоятельства были полною неожиданностью; как и кем они были подготовлены - она ничего о том не знала, пока находилась в Петербурге, и только в исходе марта 1737 года, по возвращении своем в Москву, могла известить брата об устранении грозившей опасности. Очевидно, сведения доходили до нее не прямым путем. Дружественное участие молчаливого Черкасского оставалось для нее тайною, по-видимому, довольно долго: даже полгода спустя, в конце августа, она все еще продолжала роптать на его бездеятельность и писала брату: «Не могу понять, чего раздумывает черепаха; вероятно, намерен проявить свою доброту в более удобное время, и процесс, разыгрывающийся у него на глазах, напоминает ему историю о том человеке, который взялся выучить осла говорить в течение тридцати лет»³⁶. Читая эти строки, князь Антиох не мог не подумать, что сестра в данном случае разыгрывает отчасти роль мухи при дорожных; на ее ворчливую выходку этот меланхолик не без скрытой иронии отвечал оптимистическими увещаниями (25 октября 1737 года): «Не огорчайтесь нашими несчастиями, потому что дело достигло той точки, на которой оно не может остановиться, не изменившись к лучшему».

Как бы то ни было, с того момента, когда Кантемир решился последовать совету Черкасского, процесс, возникший вследствие иска вдовы господаря, принял более покойное течение. Разумеется, для его окончания потребовалось еще немало усилий со стороны князя Антиоха. Порой у мачехи возникали новые сомнения и колебания, о которых мало доверявшая ей падчерица спешила извещать брата, и ему не раз еще приходилось возобновлять свои ходатайства, между прочим обращаться за помощью к обер-камергеру, то есть к «всесильному» Бирону (княжна Мария вскоре, из осторожности, перестала давать ему это прозвание). Не подлежит сомнению, что заявления дипломата, услуги которого были памятны государыне, принимались в Петербурге во внимание и в общем оказали благоприятное влияние на исход дела. В конце концов Кантемиры-кадеты не заплатились ничем; только

владельцу маиората князю Константину пришлось понести ответственность перед мачехой; но и ему была предоставлена возможность покончить с нею на льготных условиях. Совершенная развязка процесса последовала однако не ранее 1739 года.

Из всего вышеизложенного видно, что, как ни старалась княжна Мария со времени своего водворения в Москве устроить свою жизнь покойно и независимо, это ей не удавалось. Общие материальные нужды семьи Кантемиров дважды заставляли ее предпринимать поездки в Петербург ко двору императрицы Анны; по возвращении из второй поездки, менее удачной, чем первая, пожар 29 мая 1737 года вызвал княжну на новые хлопоты. Едва она устроилась в восстановленном доме, как еще одно неожиданное происшествие опять повергло ее в смущение и тревогу: к княжне присватался новый жених. 10 ноября 1737 года она писала брату: «Вот уже пятый день, как меня беспокоит одно немаловажное обстоятельство. Многие предлагают мне советы, но ваше мнение для меня всех дороже. Вам Бог поможет. Не знаю, слышали ли вы о некоем Наумове Федоре Васильевиче; он желал бы жениться на мне. Я видела его, говорила с ним и объявила, что без вашего совета ни на что не решаюсь. Затем на вопрос о приданом и об обычной у них (то есть у русских) «рядной» я почти с гневом отвечала ему, что у меня только и есть, что он видит на мне³⁷; если он тем доволен, то и ладно; если - нет, то мне нечего и писать к вам попусту. Однако он из расположения, которое, по-видимому, питает ко мне, предоставил на мою волю - составлять роспись приданому или не составлять. Я сказала ему только, что, какое бы ни было у меня имущество, движимое или недвижимое, оно навсегда останется моею собственностью, которую я со временем переведу на ваше имя, и что братья наши не будут тому препятствовать... Севаст и Камараш, которые, конечно, любят меня искренно, говорят, что он, во-первых, человек добрый, во-вторых, родовитый, в-третьих, генерал-лейтенант, владеет многими вотчинами и богат. Впрочем, хоть я теперь и бедна, я не желала бы менять свою фамилию ради его богатства и будущности. Если на то Божья воля, мой долг - покориться: «нужда закон изменяет». Он не так стар: ему пятьдесят лет».

Ф.В. Наумов принадлежал к числу тех дельцов-администраторов, которых воспитала суровая служба петровского времени. Он приходился свойственником знаменитому князю Якову Федоровичу Долгорукому, первая жена которого была из рода Наумовых, в молодости состоял при нем адъютантом, потом служил в ревизион- и камер-коллегиях, а в 1726 году был назначен сенатором и в 1728 году, уже в чине тайного советника, посылался в Малороссию для присутствования при избрании гетмана Даниила Апостола. Во время волнений, сопровождавших вступление на престол императрицы Анны, Наумов принадлежал к одной из шляхетских групп, подававших проекты государственного переустройства, к группе, наиболее склонной войти в соглашение с верховным тайным советом; поэтому, когда решен был вопрос об уничтожении кондиций и самого совета, Наумов вместе с другими членами своей группы оказался «в великом подозрении и в стыде»; наложенная на него опала выразилась тем, что в 1732 году он был отправлен в заводоужскую глушь для устройства Новой Закамской сторожевой линии³⁸.

Вероятно, незадолго до своего сватовства возвратился он из этой почетной ссылки, и ему вновь открылась возможность видной службы; действительно, в 1738 году состоялось его назначение петербургским вице-губернатором. В 1737 году Наумов был вдовцом и имел малолетнюю дочь; значительное состояние, которым он обладал, перешло к нему, по крайней мере, отчасти, в силу завещания одного из его родственников, судившегося за казнокрадство, приговоренного к смертной казни, но избавившегося от нее благодаря предстательству Федора Васильевича и по ходатайству князя Я.Ф. Долгорукого³⁹.

Очевидно, Наумов искал руки княжны Марии не по расположению к ней, а по расчету, надеясь, что у нее есть большие связи при чуждом ему Анненском дворе, а может быть, и большие деньги. Сватовство было начато через посредников, и любопытно, что люди, близкие к семье Кантемиров, даже любимец покойного господаря, вывезенный им из Цареграда Антиох Камараш, на глазах которого выросла княжна Мария, желали этого брака. Надобно думать, что личное объяснение с княжной охладило намерение сватавшегося. По крайней мере в ее дальнейших письмах к брату нет уже речи об этом деле, да и князь Антиох (судя по сохранившимся письмам) ничего не отвечал даже на первое о том уведомление. Короче говоря, с этим сватовством повторялось то же, что с предложениями, сделанными княжне Марии в Петербурге в 1733 году. На исходе четвертого десятка ей нелегко было менять свободу своего одиночества на брак с человеком, сильно помятым жизнью, да еще не бездетным⁴⁰.

Откровенная переписка с жившим за границей братом не только составляла одну из самых светлых сторон в том уединенном быту, который старалась устроить себе княжна Мария, но вместе с тем служила едва ли не единственной связью, соединявшею стареющую московскую фрейлину с тем, что выходило из круга ее домашних и семейных интересов. Видное место в этой переписке занимают, с одной стороны, отчеты сестры в исполнение братниных поручений, а с другой - сведения о книгах, которые она читала, и отзывы о них. Княжна знала, что, говоря об этих предметах, она в особенности может угодить брату и занять внимание этого умного и просвещенного человека.

Князь Антиох нередко посылал сестре из Лондона, а потом и из Парижа, разные подарки: женские уборы, материи, дорогую посуду, картины, книги и, в свою очередь, просил ее делать закупки в Москве; по большей части они производились не для него лично, а по желанию других лиц. В тридцатых годах прошлого столетия в Англии, несмотря на полуторавековые торговые сношения, еще очень мало знали о России, так что для англичан имели цену даже те поверхностные сведения, какие были собраны о ней графом Франческо Альгаротти. Это был молодой, способный и образованный итальянец, живший в то время в Англии, где он познакомился и с Кантемиром. Из Лондона он отправился «объезжать северные дворы» и летом 1739 года посетил Петербург, «это, - как он счастливо выразился, - огромное окно, недавно прорубленное на севере, и в которое Россия смотрит на Европу». Свои путевые впечатления Альгаротти излагал в письмах к своему английскому приятелю, лорду Гервею. Между прочим, он описывает внешнюю торговлю России и,

перечисляя статьи вывоза, обращает особенное внимание на два предмета: на русские меха и на проникавшие в Россию произведения Китая. Альгаротти напоминает, что Сибирь снабжает Европу превосходными горностаями, соболями, белым волком и чернобурными лисицами. «Есть, - говорит он, - меха, которые, благодаря своей пушистости, длине ости, цвету и блеску, достигают очень высоких цен, невероятных в наших краях; чтобы различать достоинства меха, глаз у русского скорняка так же изощрен, как у английского ювелира - для определения воды брильянта». Затем итальянский путешественник обращает внимание на то, что из всех европейских народов одни русские ведут сухопутную торговлю с Китаем: получают оттуда чай, шелк, ткани, фарфор путем мены и продают их в другие страны за деньги: порядки этой торговли, находившейся тогда в руках русского правительства, он описывает со слов Л. Ланга, неоднократно сопровождавшего наши торговые караваны в Пекин; кроме того, в Петербурге Альгаротти удалось видеть аукцион китайских товаров, производившийся во дворце в присутствии самой императрицы⁴¹. Конечно, сведения, сообщаемые Альгаротти, очень недостаточны: ни мягкая рухлядь, ни тем паче произведения Китая не составляли главных статей русского отпуска; но собранные для английского аристократа сведения эти любопытны, как указания на те вывозимые из России предметы роскоши, которые по своей редкости особенно интересовали в то время высшее английское общество. Для получения их английские леди и пребывавшие в Лондоне иностранные дипломаты обращались к посредничеству русского посланника, и Кантемир охотно брался за это дело. Тут-то и была ему нужна помощь сестры.

Собственно по выписке китайских изделий старания Кантемира оказались малоуспешными: она не могла принять значительные размеры, и присылаемыми из России китайскими вещами он мог воспользоваться почти исключительно для самого себя. Главным образом, Кантемир обращался к сестре с просьбами о доставке ему китайских тканей. Со времен Петра I, когда китайский торг особенно поощрялся, при русском дворе и у богатых людей вошло в обычай обивать стены парадных комнат китайскими узорчатыми материями. В 1722 году значительную партию их вывез из Пекина, по желанию государя, капитан Л.В. Измайлов, отправленный для заключения торгового договора⁴², и часть этих матерчатых обоев была употреблена на убранство царских дворцов. Кантемиру, когда он устраивался в Лондоне, хотелось применить тот же обычай к отделке своего посольского помещения; но на первый запрос, обращенный к сестре, он получил малоудовлетворительный ответ. «Требуемых вами обоев, - писала она 5 апреля 1736 года, - нет в Москве ни куска, а караван (из Китая), как мне сообщают, придет не ранее, как через два с лишком года». Тем не менее, после поисков в московском гостином дворе, княжна нашла возможность выслать брату четыре куска вышитых красных и темно-синих обоев китайской работы, по четыре аршина каждый, ценою в триста рублей, но, отправляя их, сочла нужным сказать: «Я знаю, впрочем, что эти обои не будут вам годиться, тем более, что они разных цветов». По всему вероятно, так оно и оказалось; по крайней мере, после смерти князя Антиоха в его имуществе не нашлось таких обоев; весьма возможно, что еще

в Лондоне он перепродал их в другие руки. Когда Кантемир был переведен из Англии на дипломатический пост в Париж, он снова обратился к сестре с просьбой о высылке ему китайских обойных материй. «Прошу вас, - писал он ей 1 сентября 1740 года, - поискать в Москве китайских тканей тех цветов, каких оне обыкновенно бывають, то есть красного, желтого и павлиньего, вроде тех, что были у князя Никиты Трубецкого в спальне, или тех, что вы видели в передней у государыни в Москве и в Анненгофе. Если найдутся подобные ткани, то мне хотелось бы знать их ширину и стоимость аршина. Чем скорее ответите мне, тем более обяжете». На этот раз просьба князя Антиоха, по-видимому, была удовлетворена, и в его предсмертном завещании, составленном в Париже, действительно упоминаются «обои красные, зеленые и желтые камчатные», которые он оставил в наследство братьям. Кроме обойных материй, княжна Мария посылала Антиоху одеяло китайской работы из атласа, с вышитыми на нем деревьями и птицами. Наконец, ей случалось отправлять брату чай, до которого он был большой охотник.

Совсем иной характер имело содействие княжны Марии по доставке Антиоху Кантемиру русских мехов. Поручения о том он стал давать сестре со второго же года своего пребывания в Лондоне; его первые просьбы застали княжну Марию в Петербурге, где она проводила весну 1733 года; но в тамошнем гостином дворе не нашлось хороших мехов, и потому по возвращении в Москву княжна писала брату (25 октября): «Не гневайтесь, что я не послала вам синчапок⁴³ на корабле. Вышлю их со временем. Да не хотите ли горностаев? Могу доставить, так как их легче сыскать, чем синчапок». Князь согласился на это предложение, но княжна, вопреки собственному вызову, оказалась в затруднении выполнить его; только 8 августа 1734 года она могла известить брата, что отправила ему три меха: один лисий и две синчапки; об остальных же она сообщала: «Горностаев постараюсь найти, но не так скоро; они теперь попадаются редко, как вы знаете, в России никто не носит их с хвостами». Однако месяц спустя после этого письма добротные горностаи были найдены, и, посылая их, княжна писала брату (18 сентября): «Мех, по моему мнению, хорош, но я нашла его с трудом, после двухмесячных поисков». Княжна не означила на сей раз цены посылаемого меха, так как просила брата принять его в подарок от нее. Но впоследствии она стала высылать меха уже просто по заказам князя Антиоха и, разумеется, за деньги; так, летом 1735 года она отправила из Москвы сразу сто горностаевых шкур, а летом 1737 года - еще пятьдесят; последние требовались для Кантемирова приятеля, португальского посланника в Лондоне Азеведо; отправляя их, княжна извинялась, что не может доставить их в большем количестве, так как пожар, незадолго перед тем опустошивший Москву, истребил много пушного товара, и цены на него возросли. Для того же Азеведо князь Антиох поручал сестре покупать соболя меха и медвежьих шкуры; они были высланы в Лондон в 1736 году, причем четыре соболя, назначавшиеся для обшивки рукавов на шубу, обошлись в 68 рублей, а восемь медвежьих шкур стоили по 3 рубля 50 копеек каждая. Подобные указания, встречающиеся в письмах княжны Марии, не лишены значения для истории цен в России. Можно думать, что вообще из сбыта русских мехов в Англию предприимчи-

вая сестра русского посланника сделала небезвыгодную для себя операцию, тем более, что ей открылась возможность получать горностаев для отправки в Лондон из нижегородской вотчины Кантемиров; в то время этот дорогой пушной зверек еще водился в окрестностях Мурашкина, а в самом селе уже существовал скорняжный промысел, процветающий там и поныне⁴⁴.

Деловая смышленность княжны Марии делала ее способною к подобным чисто практическим занятиям; но в то же время ум ее требовал иной пищи, и среди своих хозяйственных забот она не утрачивала интересов отвлеченных. Княжна с детства любила чтение и в юности могла удовлетворять своей любознательности в отцовской библиотеке, под прямым руководством князя Димитрия. После его кончины младший брат княжны стал ее главным советником по части самообразования. В одном из своих писем к князю Антиоху (от 12 сентября 1734 года) она напомнила ему, как, еще живя в Москве, он переводил для нее отрывки из сочинения Иосифа Флавия «Об Иудейской войне», которое сам читал по-французски. При отъезде за границу брат оставил в ее распоряжении все свои книги, а сам еще на пути в Англию, в Гаге, сделал много книжных приобретений и таким образом положил начало новой своей библиотеке, которую затем продолжал пополнять в течение всей своей дипломатической службы⁴⁵. И из этого книжного запаса он по временам высылал кое-что своей сестре. С благодарностью принимая эти подарки, княжна в своих письмах к брату обыкновенно помещала перечни полученных книг. Эти-то перечни и знакомят нас до некоторой степени с тем кругом чтения, которым она пробавлялась в своем московском уединении.

Мы не знаем состава библиотеки старого Кантемира, но, судя по характеру его образования, имеем основание думать, что княжна Мария находила в ней преимущественно сочинения богословского содержания, например, творения отцов церкви, да разве еще важнейшие произведения древнеклассической литературы. Следы знакомства с теми и другими можно видеть в письмах дочери покойного господаря. Умственные интересы князя Антиоха, который закончил свое учение под руководством петербургских академиков, были и шире, и разнообразнее отцовских; он ближе стоял к умственному движению своего времени. Одним из вопросов, занимавших в ту пору передовые умы, было обсуждение сравнительного достоинства древних и новых писателей. Пока спор ограничивался одною сферой изящной словесности и, стало быть, не выходил из области литературной критики, еще можно было утверждать, что великими писателями классической древности уже достигнуты высшие грани словесного искусства, но как только прения были перенесены на научную почву, дело представилось в ином свете: обращено было внимание на великие открытия в области изучения природы, совершенные в новейшие времена и устремившие человеческую мысль в неведомые древним пределы, - и тогда стало очевидно, что человеческому сознанию предлежит еще бесконечный путь развития. Подобные основные вопросы просвещения не могли не занимать молодого Кантемира, и даже преклоняясь пред древними художниками слова, он не мог в то же время не следовать за новым учено-литературным движением. Такому настроению своего ума подчинял он и выбор книг, на которые обращал внимание сестры; он доставлял ей не только

древних авторов, но и произведения новой литературы, именно итальянской, так как из новых языков княжне Марии был доступен только итальянский. Должно однако сказать, что в этом последнем обстоятельстве заключались и свои невыгоды: в то время, как новое просветительное движение сосредоточивалось в английской и французской литературах, итальянская шла за ними позади, и этот характер умственной отсталости или, по крайней мере, несовременности не мог не отразиться до некоторой степени на подборе книг, которые попадали в руки княжны Марии.

«Когда нет ни хороших наставников, ни особенного прилежания, - писала княжна брату 29 июля 1739 года, - чтение должно соответствовать природным способностям». Не подлежит сомнению, что среди своего московского знакомства она не находила собеседников, с которыми могла бы обменяться мыслью по поводу прочитанного; но самое желание ее на сороковом году жизни думать о продолжении своего образования доказывает, как была упорна ее любознательность; если княжна упоминала вместе с тем о недостатке прилежания, то, конечно, из скромности или, вернее сказать, из литературного такта. В том же письме она просила брата выслать ей для чтения «что-нибудь по астрономии и геометрии, доступное ее пониманию». Очевидно, умную княжну занимали вопросы так называемой небесной механики, решение которых сделалось возможным после того, как Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Не известно, чем брат удовлетворил на тот раз желание сестры, но нельзя не припомнить, что лишь за два года до того, как она обращалась к нему с вышеуказанною просьбой, даровитый знакомец князя Антиоха граф Альгаротти издал под заглавием «*Newtonianismo per le donne*» сочинение, прямо посвященное популярному изложению Ньютонова учения; весьма возможно, что именно эту книгу Кантемир препроводил в Москву. По крайней мере, в письме от 26 марта 1744 года сестра уведомляла брата: «Я читаю трактат по космографии, который придется перечитывать много раз, прежде чем я пойму его вполне». Раньше чем выработались точные понятия о строении вселенной, наука обогатилась множеством сведений о самом земном шаре. Открытия Колумба и Васко де Гамы и кругосветное плавание Магеллана послужили началом для целого ряда новых изысканий в обоих полушариях, и интерес к исследованиям этого рода еще поддерживался в начале XVIII века со всею свежестью юношеской любознательности. Путешествия во вновь открываемые страны, богатые золотом и населенные необыкновенными людьми и животными, раскупались очень шибко; описания подвигов Кортеса и Пизарро в Америке и приключений португальских мореходов в Индийском океане читались с жадностью, и читатели не смущались жестокостью в обращении с туземцами, которая отличала эти экспедиции. Итальянцы, которые еще в средние века прославились как смелые путешественники в неведомые края, мало участвовали в этих позднейших географических изысканиях, но итальянская литература все же следила за ними и обогащалась описаниями новых стран, которые мало-помалу делались доступны европейцам. В числе книг, читанных княжной Марией, встречаются две, относящиеся до Восточной Индии: одну из них она называет «*L'India orientale, descrizione geografica edistorica*», а другую - «*Le istorie delle Indie*

orientali); трудно догадаться, какое именно сочинение следует разуметь под первым заглавием; что же касается второго, то, без сомнения, тут идет речь о труде иезуита Дж.-П. Маффен, изданном по латыни - «*Historiarum Indicarum libri XVI*» - в 1588 году и немедленно переведенном на итальянский язык; он был составлен по документам, хранившимся в испанских архивах, и в свое время пользовался большою известностью и уважением. Оригинальными описаниями кругосветных путешествий итальянская литература того времени была еще бедна; однако в конце XVII века одному образованному венецианцу З.-Фр. Джемели-Карери удалось объехать Турцию, Персию и Индостан, обогнуть Индо-Китайский полуостров, посетить Макао и Пекин, через Филиппинские острова проникнуть в Мексику и оттуда через Кубу возвратиться в Европу. В 1699-1700 годах он издал подробное описание своих странствований под заглавием «*Giro del mondo*» - сочинение несколько сухое по изложению, но замечательное по обилию собранных в нем фактов всякого рода. Впоследствии оно удостоилось похвал Александра Гумбольдта, а в свое время хотя и подвергалось критике, однако пользовалось большим успехом и выдержало несколько изданий. Одно из них князь Антиох переслал сестре, и 17 марта 1738 года она писала брату, что прочла пять томов «Путешествия вокруг света», в котором описаны нравы и обычаи разных народов. «В последней главе, - прибавляла она, - говорится о жителях Малакки, которые не только едят друг друга, но скушали и пятьдесят голландцев, вздумавших посетить их». В этих словах слышится как бы оттенок иронии - очень осторожной по обычаю княжны, которая любила повторять пословицу: «умный слышит с полслова». Но, читая эти строки, невольно думается: не хотела ли она намекнуть на беззастенчивость европейских колонизаторов, которые и в те времена, как ныне, просвещали дикие племена огнем и мечом и охотились за туземцами, как за дикими зверями.

Всего более, по-видимому, занимали княжну Марию сочинения исторического содержания. В той системе преподавания, по которой она обучалась, не было особого места для уроков истории, и сведения по этой части приходилось приобретать только чтением. Зато, благодаря указаниям брата, княжна могла вести свое историческое чтение в некоторой системе: он доставил ей несколько крупных сочинений по истории народов и государств древнего и нового мира и, кроме того, прислал для справок небольшую книжку общего характера. Еще до отъезда своего за границу Кантемир предпринял, «для пользы русского юношества» перевод «Всеобщей истории» Юстина, которого ценил именно за то, что этот автор «сокращенно описал многих земель положение и многих народов обычаи и дела от Нина, первого основателя самодержавств, до Августа Кесаря»⁴⁶. Без сомнения, и княжна Мария знала этот опыт всемирной истории и пользовалась им для знакомства с общим ходом событий в древнем мире. Но для изучения истории христианского периода еще не существовало подобной книги, и княжне приходилось довольствоваться плохим трудом венецианца Дольони (*Doglioni*), впервые изданным в начале XVII века и затем многократно перепечатывавшимся с дополнениями, под заглавием «*Compendio dell' istoria universale delli successi del mondo*»; но он содержал в себе лишь краткий хронологический перечень исторических

фактов, составленный без всякой критики и руководящей идеи, и если Кантемир счел его пригодным для сестры, то, очевидно, лишь за недостатком лучших пособий в том же роде.

В частности, по истории древнего мира князь Антиох предоставил сестре пользоваться непосредственными источниками, то есть древними авторами. Историческая критика в то время еще только зачиналась, и цельных, самостоятельных трудов по древней истории, написанных новыми писателями, почти не существовало. Известная попытка Роллена составить историю древнего мира была не более как простым, не всегда, впрочем, искусным пересказом древних авторов. Не без удивления замечаем мы, что в числе книг, присланных Кантемиром сестре, нет главных корифеев античной историографии; по всему вероятно, таких историков, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт и Плутарх, как Тит Ливий, Саллюстий, Юлий Цезарь и Тацит, княжна Мария читала еще в отцовской библиотеке. Зато брат доставил ей Корнелия Непота, Арриана, Аппиана и Иосифа Флавия. Выбор этих писателей объясняется довольно легко: изображая отдельные моменты из истории древнего мира, они взаимно дополняют друг друга. Корнелий Непот, свидетель упадка республиканских учреждений в Риме, но сам ревностный республиканец, в своем сочинении «О славных полководцах» с воодушевлением рассказывает о доблестях великих мужей Греции, чертами их жизни рисует идеал доброго гражданина и умного вождя и примером их старается возбудить в своих современниках охоту к подвигам на пользу отечества; это нравственное направление вместе с изящною простотою изложения доставило Корнелию Непоту особенно широкую известность в новые времена. Сочинение писателя II века Арриана Никомидийского «О походах Александра» не имеет такого морализующего значения, но уже по самому предмету своему составляет высокопоучительное чтение, ибо повествует о деятельности величайшего из предстателей греческой цивилизации, внесшего ее в глубь Азии и почти на всем пространстве древнего мира оставившего яркие следы в народной памяти; богатое фактами и не лишенное литературных достоинств, оно прекрасно воспроизводит поэтический образ македонского героя и еще в древности признавалось лучшим историческим трудом о славном царе. Понятно, что книги такого интереса и достоинства не могли не занять внимания такой любознательной читательницы, как княжна Мария. Менее увлекательным чтением были произведения Аррианова современника грека Аппиана, описавшего войны римлян в Испании, Африке, Сирии, Малой Азии и междуособия последних времен республики, но все же и они давали княжне обильный запас сведений. Наконец, что касается Иосифа Флавия, то, как мы уже знаем, она имела понятие об его сочинении «Об Иудейской войне» еще до отъезда брата за границу; получив затем от него экземпляр «Giosefo istorico»⁴⁷, она писала ему 12 сентября 1734 года: «Историк Иосиф Флавий очень мне нравится. Думаю, вы помните, что еще в бытность вашу в Москве я просила вас достать мне эту книгу; я предчувствовала, что она окажется занимательною; теперь принимаюсь за ее чтение прежде других книг». Еврей по происхождению, Иосиф Флавий является в своем труде сторонником римской завоевательной политики; его воззрения подвергались осуждению с национально-

еврейской точки зрения, но у христианских писателей первых веков Иосиф Флавий был в большом почете, и это, по всему вероятно, было известно княжне Марии; во всяком случае, история падения Иерусалима не могла не возбуждать в ней интереса; к тому же книга еврейского историка написана с талантом и содержит в себе эпизоды романического характера, как, например, рассказ о жене Ирода Великого Мариамне: трогательная судьба этой красавицы, невинно пострадавшей от ревнивых подозрений своего мужа, должна была вызвать живое сочувствие в сердце княжны Марии.

Таким образом благодаря содействию брата умная девушка получила ряд замечательных сочинений по истории древнего мира, которые действительно служили к обогащению ее познаний. Напротив того, хороших книг по истории новых времен было в ту эпоху еще очень, сравнительно, мало, и подбор их, сделанный Кантемиром для сестры, является ясным тому доказательством. Воспитанный в благоговейном уважении к древности, князь Антиох относился к средним векам с равнодушием, как к периоду темного варварства, который не заслуживает близкого изучения. О начальной истории государств новой Европы он не прислал сестре ни единой книги, и вообще между присланными только одна по своему содержанию прямо касалась средневекового периода, именно «*Istoria della perdita e ridaquista Spagna*», то есть история завоевания Пиринейского полуострова арабами и его освобождения от их владычества; что это была за книга - мы не знаем; заметим только, что под приведенным заглавием нельзя разуместь труд испанского иезуита Марианы, считавшийся в XVII веке за лучшее сочинение по истории его отечества. Содержание других книг по новой истории, полученных княжной Марией от брата, относится уже к XVI и XVII столетиям, то есть к тому времени, когда складывалась новая политическая система Европы, продолжавшая свое развитие и в XVIII веке. Очевидно, чтением этих книг князь Антиох желал ввести сестру в понимание современных политических отношений в Европе и главным образом тех пружин, которые дают движению событиям. Но тогдашняя литература представляла слишком мало к тому способов, и цель, поставленная Кантемиром, едва ли могла быть достигнута. Такие книги, как высланные им сестре «*Descrizione d'Italia*» Леандра Альберти или «*Istoria delle guerre di Ferdinando II e Ferdinando III*» графа Гвальдо-Приорато, конечно, не могли служить этому назначению; первое из этих сочинений - почтенный ученый труд, неоднократно перепечатывавшийся в XVI веке, но труд не столько исторический, сколько археологический, сборник местных известий, пригодный разве для справок, а никак не для чтения; что же касается сочинения графа Гвальдо, то и звание автора - историографа Австрийского дома, и самое появление книги в 1640 году, непосредственно вслед за описанными в ней событиями, указывают на ее официальный характер; искать в ней верного изображения событий бесполезно; это лишь реляция о военных действиях 1630 -1639 годов, а не их история. Вообще, из всего книжного запаса, полученного княжной Марией по новой истории, только одно сочинение заслуживает названия настоящего исторического труда, это «*Istoria d'Italia*» Франческо Гвиччардини. Читая ее, княжна могла познакомиться с одним из самых типичных произведений новой исторической литературы,

явившейся в XVI столетии на смену средневековому летописанию. Человек эпохи Возрождения, Гвиччиардини знает древних и склонен подражать им, но это не мешает ему оставаться итальянцем XVI века. Подобно своему образцу - Фукидиду, он, прежде чем сделаться историком, действовал на государственном поприще; это отзывается и на его труде: политические вопросы исключительно поглощают его внимание. Избрав предметом своего повествования небольшой период времени с первого похода французов за Альпы до смерти папы Климента VII (1494-1534 гг.), он умеет на сложные обстоятельства этой тревожной поры взглянуть как на одно целое и, несмотря на чрезвычайную раздробленность Италии, охватить своим умом судьбы всей страны; он ясно сознает, что именно бесперывные раздоры между многочисленными владетелями Италии обращают ее в добычу чужезмцев и приближают падение ее политической самостоятельности; он осуждает его виновников, их честолюбие, коварство и пренебрежение к общему благу; но о бедствиях, пороках и злодеяниях своего времени он повествует и рассуждает спокойно, бесстрастно и видит в них естественные, неизбежные проявления природы человека, для которого преследование личной выгоды составляет необходимую потребность. В этом-то равнодушии историка к добру и злу и сказывается самая характерная черта Гвиччиардини как человека своего времени: в нем, как и в друге его Маккиавелли, политик постоянно берет верх над моралистом. Холодная государственная мудрость Гвиччиардини высоко ценилась в свое время, и из его «Истории» извлекались сборники политических сентенций, воспитавших не одно поколение. Быть может, мягкой душе Кантемира и не вполне были сочувственны воззрения Гвиччиардини, тем не менее он склонялся пред их общепризнанным авторитетом; этим всего проще объясняется, почему он счел нужным дать «Историю Италии» в руки сестре. Княжна Мария, как мы знаем, хвалилась тем, что не читала Маккиавелли: но если в то же время она говорила, что «понимает политику», то следует думать, что именно уроки Гвиччиардини оказали на нее влияние в этом отношении. Конечно, как женщина, она стояла в стороне от государственных дел; но и в ее частной деятельности можно заметить следы эгоистического учения, которое проповедывал итальянский историк. Мы уже не раз видели, как искусно она умела обходить подводные камни в море придворных и светских отношений, как умела вовремя помолчать или кстати сказать свое слово и как постоянно и настойчиво преследовала свои личные и семейные выгоды.

Итак, итальянская литература служила для княжны Марии источником образования и умственного развития; там же почерпала она удовлетворение своим художественным потребностям - насколько они были ей присущи. Брат прислал ей, между прочим, сочинения того из итальянских писателей, который еще в начале XVI века, когда образованные люди старались щеголять изяществом своей латыни, сам, будучи отличным латинистом, выступил защитником родного языка как прямого проводника образования и естественного органа для поэтического творчества: мы разумеем знаменитого гуманиста Пьетро Бембо и его «Prose». При помощи этой книги, в которой в форме дружеских бесед изложены рассуждения автора об итальянском

языке, его грамматике и стилистике, княжна Мария могла не только усовершенствоваться в этом языке, но и расширить свои познания в итальянской словесности, между тем как князь Антиох содействовал тому же со своей стороны, препровождая сестре произведения разных итальянских поэтов.

Само собою разумеется, что художественные потребности были развиты у княжны Марии лишь в слабой степени; на поэзию она смотрела не более как на приятную забаву, или, скорее, как на полезное поучение; однако даже при таком взгляде у этой умной женщины обнаруживались свои определенные предпочтения в литературной сфере. Например, она читала так называемые пастушеские драмы - «Aminta» Т. Тассо и «Je Pastor fido» Б. Гварини, но в письмах своих не проронила ни слова в похвалу этих слащавых драматических идиллий, хотя, без сомнения, знала, каким успехом, какою славой они пользовались. Читала княжна и стихотворения итальянских лирических поэтов XVI и XVII веков⁴⁸, писанные большею частью в гораццианской манере, и, по-видимому, они ей нравились; по крайней мере, познакомившись с подражателями, она пожелала прочесть и самого Горация и выписала себе через брата собрание его сочинений. Совершенно чужда была княжне религиозная восторженность Тассо, и в письмах ее нет ни малейшего намека на знакомство ее с «Освобожденным Иерусалимом». Напротив того, из сочинений Ариосто она знала не только «Неистового Роланда», это ироническое прославление рыцарской доблести в ряде картин и образов то веселых и привлекательных, то комически-уродливых, - но и его «Сатиры», в которых автор является не строгим обличителем людских пороков, а лишь насмешливым живописцем человеческих слабостей. С «Роландом» впервые познакомил сестру брат Сергей, и она так заинтересовалась поэмой, что просила князя Антиоха прислать экземпляр ее.

Если вообще выбором книг для чтения княжна Мария была обязана главным образом младшему брату, то именно по чисто литературному отделу на встречу его указаниям шли и ее собственные симпатии. Всего яснее это видно из предпочтения, которое княжна оказывала Боккаччо; об его произведениях сохранилось несколько любопытных отзывов в ее письмах. С именем Боккаччо связывается обыкновенно воспоминание о «Декамероне» как о сборнике рассказов большею частью нескромного содержания. В данном случае эту мысль должно прежде всего оставить в стороне. Во-первых, княжна Мария читала не один «Декамерон», но и другие произведения этого писателя; во-вторых, ничто не дает повода думать, что в самом «Декамероне» она искала именно рассказов неприличного свойства, наконец, в-третьих, многое из того, что читателю нашего времени представляется у Боккаччо нарушающим скромность, не казалось таковым ни самому автору, ни его старинным читателям. Напротив того, автор «Декамерона» настаивает на поучительном смысле своих повестей, и, несомненно, княжна присоединялась к такому мнению. И в «Амето» встречаются рассказы откровенного содержания, но господствующая идея произведения устраняет всякое подзвучивание насчет того, что автор желал позабавить читателя своим цинизмом. Впрочем, сохранившиеся отзывы княжны Марии касаются главным образом двух произведений Боккаччо: «Амето» и «Фьяметта» и только отчасти относятся к «Декамерону».

«Амето» - поэма частью в прозе, частью в терциях, пастораль, разрешающаяся в аллегорию, основная идея которой есть прославление чистой любви. Пастух Амето изображен в начале поэмы как простой, неразвитой человек, которому незнакомы высшие духовные стремления; он встречается в роще нескольких нимф, которые рассказывают ему об испытанной ими любви; сам Амето сперва восхищается только их наружною красотой, но мало-помалу, прислушиваясь к их повестям о себе, начинает стыдиться своих вожделений и догадывается, что виды любви, описанные прекрасными рассказчицами, это ряд высоких добродетелей житейских и богословских. Сознание Амето просветляется, и ему становится понятным, что добродетель, изощренная житейскою любовью, поднимает человека к откровению любви небесной. Таким образом, поэма проникнута крайним идеализмом. Княжна Мария в своем отзыве отозвалась о ней с некоторою сдержанностью; в письме от 13 августа 1733 года она писала брату Антиоху: «Я читаю теперь книгу, в которой Боккаччо описывает, как Амето, находясь в роще, наткнулся на нимф, просветивших его ум поэзией. Но хотя садик около моего дома тоже напоминает рощу, мне до сих пор не удалось встретить в нем ни одной музы». Княжна выражается в этих строках не совсем точно: не только поэзией, а возвещенным в рассказах нимф откровением высшей добродетели просвещается Амето. Тем не менее, трудно допустить, чтобы читательница не поняла аллегории, проведенной автором. Вернее думать, что практический ум княжны не мирился с идеализмом Боккаччо: как в своем садике она не встретила ни одной нимфы-добродетели, так, видно, и на своем жизненном пути около себя она не нашла стимулов к подъему своего духа.

Если отзыв княжны Марии об «Амето» отличается оттенком пессимизма, притом довольно низменного свойства, то суждение о «Фьяметте» переходит в другую крайность, уже совершенно неожиданную у княжны, в сентиментальность. «Фьяметта» - небольшой роман в прозе, заключающий в себе любовные признания женщины: она была выдана замуж по расчету и потом полюбила некоторого юношу; пламенная страсть соединила их на время, а затем им пришлось расстаться; любовник уезжает с обещанием вернуться, но не возвращается, между тем как героиня, от лица которой ведется рассказ, испытывает и горе разлуки, и муки ревности, в то же время питая втайне надежду нового свидания. На этом неопределенном моменте во внутренней жизни героини и прерывается ход несложного романического действия, но Фьяметта заключает свои признания еще одну, отчасти лирическую, главой, в которой сравнивает свои сердечные муки с горем, испытанным некогда другими страдальцами любви, и заявляет, что за нею остается преимущество самых жестоких страданий. Прочтя этот роман, княжна нашла его занимательным, но осталась недовольна его окончанием, так как оно - говорила она - содержит в себе «много клевет на женщин». Княжна почувствовала потребность заступиться за них. «По моему мнению, - писала она брату (в том же письме, где читается отзыв об «Амето»), - когда Боккаччо писал это сочинение, он или забыл, что его мать тоже была женщина, или причислил ее к лику святых. Его упреки не совсем справедливы. Тем не менее, я отчасти одобряю его за то, что он учит читателя сознавать свои проступки и воздерживаться от

того, что никому не должно быть прощаемо». В изображении душевных состояний своей героини Боккаччо обнаружил много психологической наблюдательности и художественного мастерства, что и дало позднейшей критике право считать «Фьяметту» родоначальницей психологического романа. Но на княжну Марию эта правдивость описаний произвела своеобразное впечатление: она не умела оценить его по достоинству, потому что встретила в литературе только условность и искусственность; поэтому-то психологическую правду поэтического изображения она называет клеветой и сама, в свою очередь, впадает в сентиментальную морализацию, лишь бы защитить свою точку зрения.

Что касается «Декамерона», то о нем в письмах княжны не сохранилось сколько-нибудь цельного мнения. Только об одной из его новелл (день 2-й, новелла V) упоминает она вскользь в письме к брату от 10 июля 1737 года в следующих словах: «Из книги Боккаччо советую вам прочесть историю некоего Андреуччио, как он пришел куда-то для покупки лошадей и как избавился от опасности посредством перстня, взятого из гробницы архиепископа. Вы нахохочетесь вдвойне». Дело идет об одной из самых забавных повестей Боккаччо, взятой, быть может, с действительно случившегося происшествия; но она имеет интерес исключительно бытовой и смехотворный, и отзыв о ней не может дать понятия о том, как вообще судила княжна о столь разнообразном по содержанию сборнике, каким представляется «Декамерон».

В заключение обзора книг, читанных княжной Марией, следует заметить, что при помощи переводов на итальянский язык она имела случай познакомиться и с несколькими произведениями, не принадлежащими к итальянской литературе. Так, еще в отцовской библиотеке она нашла перевод Фенелонова «Телемака», а князь Антиох выслал ей переводы комедии Стиля «The conscious lowers» («Искренние любовники») и Мильтонова «Потерянного рая»; последний был сделан итальянским литератором Паоло Ролли, проживавшим в Лондоне, где Кантемир имел случай с ним сблизиться. Но отзывы об этих произведениях английской поэзии не встречается в письмах княжны; что же касается «Телемака», то о нем она писала брату (в письме от 10 июля 1737 года) следующее: «Это весьма поучительная книга для тех, кто читает со смыслом; странно только, что автор не любит войны, которая существует среди смертных от начала веков». И в этом суждении княжна остается верна себе: поучительность книги в ее глазах всегда была важнее, чем ее литературное достоинство. Ум княжны был трезв до сухости, и красоты поэзии встречали только слабый отзыв в ее душе. Как бы то ни было, любовь к чтению составляет одну из характерных черт в нравственной физиономии княжны Марии, и благодаря этой любви она сделалась, вероятно, самую образованною женщиной в России своего времени.

Княжна Мария высоко чтит память своего отца и, оставшись после его смерти старшею представительницею его потомства, признавала себя обязанною блюсти общие семейные интересы и достоинство рода Кантемиров. Мы уже видели, как деятельно хлопотала она об имущественном обеспечении семьи. Едва ли не еще более усердия проявляла она к устройству же-

нитьбы своих братьев. Она твердо держалась убеждения, что на брак следует смотреть исключительно с точки зрения выгод и приличий; по ее мнению, невесты должны были принести молодым Кантемирам хорошее приданое и - что еще важнее - хорошие связи. Поэтому она в свое время благопримствовала браку князя Константина с дочерью сильного в ту пору вельможи, князя Д.М. Голицына, а затем, когда последний впал в немилость, крепко досадовала на себя за вмешательство в это дело. При императрице Анне возвысились родственные государыне Салтыковы: тогда княжна вздумала приискать из этого рода невесту для брата Матвея. Но князь Матвей был человек беспутный, и, как нарочно, около того времени, когда княжна наметила ему в невесты тридцатипятилетнюю сестру новгородского губернатора П.И. Салтыкова Авдотью Ивановну, он произвел новое буйство, повергшее княжну Марию в полное сокрушение. Огорчение свое она высказала в письме к брату Антиоху от 18 января 1733 года: «Брат водил знакомство с «Харайкой» (так княжна называла вдову какого-то чиновника Неронова) и ротмистром Дубасовым. Однажды он был у нее вместе с Сережей; подпив, они поссорились с Дубасовым из-за этой презренной женщины; наши слуги жестоко избili ротмистра, какого-то подпоручика, жившего в той же квартире, и даже его жену. Представьте себе, что ожидало наших братьев по военному артикулу. Однако Бог смиловался над нами, и они отделались дешево. Но я так тогда горевала, что не дай Бог кому-либо, даже врагу... Я так расхворалась, что еле могла двигаться; однако ездила к княгине Марье за Москву-реку в ужасные морозы, и не один, а три раза. Она переговорила с Семеном Андреевичем, и он - дай Бог ему здоровья - все уладил, так что никакого дела не поднялось... Месяц спустя я заплатила поручику двести рублей, а с Дубасовым братья помирились. Слуг наших высекли батожем за то, что они принимали главное участие в баталии». Нужно объяснить, кто были лица, помогшие княжне Марии выпутать братьев из грозившей им беды. Княгиня Марья - мать предполагаемой невесты Матвея Кантемира, бывшая во втором браке за князем И.С. Куракиным, а Семен Андреевич - тоже родственник невесты, граф Салтыков, тогдашний московский генерал-губернатор. Дубасов и его товарищ, поручик Спешнев, уже успели подать ему челобитье «в бою их ночным временем князь Матвеем да князь Сергием Кантемировыми», но предупрежденный княгинею Куракиной московский градоначальник так направил следствие, что сами буйаны были выгорожены, а виновными оказались только действовавшие по их приказу их же крепостные люди, которые одни и подверглись наказанию. В таком виде С.А. Салтыков донес об этом происшествии императрице, которая положила резолюцию: «Понеже они в той споре помирились, того ради оное дело оставить и больше не следовать»⁴⁹. Решение совершенно в духе того времени, когда в подобных делах знатный человек всегда имел возможность выйти сух из воды, а платился за него только простолюдин. И умная княжна Мария, как видно, была не выше таких воззрений. Не менее характерно то, что родственники невесты сами старались замять проступок жениха; тем не менее, женитьба князя Матвея на А.И. Салтыковой, несмотря на все старания княжны Марии, все-таки не состоялась, и 18 апреля 1733 года княжна писала брату Антиоху: «Мне не

удалось устроить брак Матвея, хоть я и старалась услужить ему. Даровому коню в зубы не смотрят, а он все отговаривался тем, что приданое незначительно и невеста не молода. Я с трудом отделалась от ее родственников: вы знаете, что это за люди. Я дала себе зарок не искать более для него невесты; пусть делает, как хочет. Боюсь только, чтобы в конце концов он не женился на Харайке. Меня эта неудача очень опечалила, так как я дала слово брату невесты устроить это дело». Год спустя однако князь Матвей уже по собственному выбору женился на княжне Агр. Як. Лобановой-Ростовской, и княжна Мария была очень тому рада.

Князь Сергей причинял сестре горе другого рода: он вовсе не хотел вступать в брак и возился с любовницами. Кроме того, сестре приходилось платить его долги и тревожиться за него, когда он находился в походах. Он желал выслужиться и в 1735 году прикомандировался волонтером в корпус, отправленный на Рейн под командой генерала Лесси; в военные действия он не попал, но, будучи в Германии, сильно нуждался в деньгах и писал сестре, что хлеб ценится у них на вес золота, а квартиры дороги, как серебро, не говоря уже о порциях и вине. Благоразумная сестра не замедлила ответить ему приличным наставлением: «Хлеб придает бодрости, а вино веселит душу, но без хлеба ни порции, ни вино ничего не стоят. Видно, и в Германии живут не все Иосифы или Танталы, но есть и подобные нам Козьмы и Дамианы». Однако, вместе с наставлением сестра послала брату и денег. Позже князь Сергей участвовал в походах Миниха против турок, между прочим был при осаде Очакова, и княжне Марии приходилось тревожиться за жизнь брата по неимению о нем известий, но в конце концов он возвратился с войны цел и невредим, да еще с пленною турчанкой. Пострадать этому беспокойному человеку пришлось только от пьяных ямщиков, которые избili его в Тосне на пути в Петербург в 1740 году. Впрочем, такие происшествия с братьями были, по-видимому, не в диво княжне, и об этом последнем случае она даже не сообщала князю Антиоху.

Неудачный брак князя Константина и несостоявшаяся попытка женить князя Матвея на Салтыковой не охладили матримониального усердия княжны Марии; она только перенесла его на своего младшего любимого брата. Было уже упомянуто, что еще до отъезда князя Антиоха за границу она желала повенчать его с княжной В.А. Черкасской. На этот раз сестрины соображения о выгодах совпадали с сердечным расположением самих молодых людей. Но Антиоху пришлось оставить Москву и Россию почти внезапно, и притом в полной неизвестности, на долго ли он уезжает. Правда, во второй половине 1732 года это обстоятельство выяснилось: он был облечен в звание чрезвычайного посланника и полномочного министра при Сент-Джемском дворе. Тем не менее, сестра не теряла надежды на скорое его возвращение в Россию и на возможность осуществить столь желанный для нее брак; поэтому в письмах своих к молодому дипломату она постоянно возвращалась к этому предмету.

Княжне Марии тем легче было сообщать Антиоху известия о семействе Черкасских, что по отъезде двора из Москвы в январе 1732 года один князь Алексей Михайлович последовал за ним в Петербург, между тем как его жена

и дочь остались на жительство в древней столице. Княгиня Марья Юрьевна Черкасская оправдывала перед государыней свое пребывание в Москве постоянными болезнями, а княжне Кантемировой говорила о дороговизне жизни в Петербурге, где все стараются перещеголять друг друга, иные стремятся стать выше ее, и ей нельзя играть первую роль в обществе; этими последними словами она, очевидно, намекала на совместничество своей двоюродной сестры, вдовы господаря княгини Анастасии Ивановны, с которою была не в ладах. На самом деле причина, почему княгиня Марья Юрьевна не переселилась вслед за мужем в Петербург, была иная: она заключалась в нерасположении русской знати к Петровскому «парадизу», который стал теперь сушим раем для всяких немцев. Это давно наболеевшее чувство оставалось в полной силе во все царствование императрицы Анны. «Русские только и мечтают о житье в Москве и считают себя чужими в Петербурге», - писал в одной из своих депеш 1740 года французский посол маркиз де ла Шетарди, незадолго перед тем прибывший в Россию⁵⁰. «Из русских дворян нет ни одного, который не желал бы видеть Петербург на дне морском, а завоеванные (Петром Великим) области пошедшими к черту, лишь бы иметь возможность возвратиться в Москву, где, вблизи своих имений, они могла бы жить с большею роскошью и с меньшими издержками», - замечал со своей стороны английский резидент Финч в 1741 году⁵¹. Короче сказать, и теперь чувствовалось и втихомолку говорилось то же, что открыто выражалось за несколько лет пред тем, при воцарении Петра II. Чувство это еще более усиливалось теперь под впечатлением тех отношений, в какие стало к русской знати наполненное немцами правительство времен Анны. В феврале 1740 года французскому послу пришлось присутствовать при известной свадьбе князя М.А. Голицына в ледяном доме, и это дикое празднество побудило утонченного дипломата к размышлениям такого рода: «Эта забава вызвана не столько желанием тешииться, сколько несчастною для дворян политикою, которой всегда следовал здешний двор... Посрамление князя Голицына неуместно, так как этим самым презрены службы его предков и тех его родственников, которые теперь состоят на службе. Подобными действиями время от времени напоминают знатным людям этого государства, что их происхождение, достоинство, звания и награды, которыми их удостоивает государь, никоим образом не охраняют их от малейшей прихоти их властителя, а он, чтобы заставить любить, слушаться и бояться себя, может повергать своих подданных в ничтожество, которое никогда прежде не было им известно»⁵². Тягость такого порядка вещей сознавалась даже в малоразвитом русском обществе того времени, и кто только мог, старался держаться подальше от опасности: в Москве все-таки жилось полегче и посвободнее, чем на берегах Невы.

Но пренебрежение правительства к родовитым людям вызывало не только пассивный отпор с их стороны; на многих, в особенности на тех, кого увлекало честолюбие или грызла жажда прибытка, систематическое унижение действовало развращающим образом. Тот же француз-наблюдатель писал: «Знатные только по имени, они - рабы в действительности и так свыклись с рабством, что не чувствуют своего положения»⁵³. Таковыми в особенности оказывались люди бесцветные, слабохарактерные, пожалуй, честные

настолько, чтобы хоть внутри себя таить недовольство, но совершенно неспособные к протесту и потому впадавшие в уступчивость и угодливость перед грубою силой пришлых иноземцев. К числу таких именно людей принадлежал князь А.М. Черкасский, и его жена, конечно, должна была следовать его примеру. Чтобы покупать себе тот относительный покой, каким она пользовалась в Москве, ей приходилось угождать первой статс-даме императрицы, супруге «всесильного» обер-камергера. Вот, например, что писала княгиня графине Бирон 25 октября 1732 года: «Сиятельная графиня, моя милостивая государыня! Желая ведать о благополучном здравии вашего сиятельства, приняла смелость вас, милостивая государыня, сим покорнейшим утрудить писанием. Что же закоснела несколько времени утрудить ваше сиятельство моим покорным писанием, то истинно от моей болезни. И уже всякими способами доктор меня пользуется и на малое время боль в боку прерывает, но по несколько времени опять по-прежнему приходит, как бывала; хотя доктор и обещает некоторой способ дать, но я уже безнадежна от такой застарелой болезни. При сем вам, моей милостивой государыне, посылаю башмаки, шитые по гродитуру алому, другие ткани; изволь носить на здравие в знак того, чтоб мне в отлучении быть уверенной, что я всегда в вашей милости пребываю. Вашего сиятельства нижайшая и покорная служница княгиня Марья Черкасская». К этому же письму приписывала и дочь княгини: «При сем я вашему сиятельству отдаю мой нижайший поклон и принимаю смелость послать вашему сиятельству туфли, тканые серебром, и прошу принять и носить на здоровье, и не прогневаться, что такая безделица. Надеючись на вашу к себе милость, нижайше прошу, милостивая государыня, не оставить меня в своей милости, в чем надежна остаюсь вашего сиятельства нижайшая служница княжна Варвара Черкасская». Послание заключалось новою припискою, опять от матери: «Прошу, моя матушка, отписать, по каким цветам прикажете вышить башмаки, что я себе за великое счастье приму, чем бы могла вам услужить». В другом письме, от 30 октября 1732 года, княгиня Марья Юрьевна благодарила жену обер-камергера «за неизреченные его сиятельства, вашего графа, также и за ваши, государыни моей, милости... а паче за предстательство ваше у ее императорского величества»⁵⁴. Предстательство это понадобилось вот зачем: «Княгиня Марья Юрьевна просила, дабы ей позволить жить в Головинских палатах того ради, что к ним близко живет доктор, и для ее пользования ездить туда ему способнее». Докладывал эту просьбу императрице Анне Бирон, и она, согласно его представлению, предписала С.А. Салтыкову 10 февраля 1732 года: «Велите оные палаты очистить и ей (княгине Черкасской) объявить, чтоб переехала»⁵⁵. Вообще Салтыков, которого сын был женат на сестре княгини Марьи Юрьевны, неоднократно служил посредником в сношениях государыни с княгиней и княжней Черкасскими; через него она пересылала им поклоны, поздравления и выражения благодарности за их письма; через него же было сообщено княжне Варваре, что императрица жалует ей калмычку для услуг⁵⁶. Анна интересовалась даже - конечно, по-своему - занятиями княжны Черкасской; однажды в 1738 году приехала в Петербург жена управителя дворцового села Дединова, простая женщина; государыня спрашивала ее: «Скажи-тко, стреляют ли дамы в Москве?».

«Видела я, государыня, - отвечала та, - князь Алексей Михайлович учит княжну стрелять из окна, а поставлена мишень на заборе». «Попадает ли она?» «Иное, матушка, попадает, а иное кривенько». «А птиц стреляла ли?» «Видела, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрелила в крыло, и голубь ходил на кривобок, а в другой раз уже пристрелила»⁵⁷. Из всех подобных мелочей можно заключать, что жена и дочь тяжеловесного кабинет-министра пользовались большим расположением императрицы; но все это внимание приобреталось и поддерживалось не иначе, как лестью и послугами со стороны Черкасских пред могущественным фаворитом оберкамергером и его женой.

Между княжной Марией и княгиней Черкасскою истинной близости не было; княжна сознавала свое умственное превосходство над нею и иногда высказывала о ней довольно строгие суждения. В 1733 году, по возвращении из Петербурга, княжна писала брату: «В четверг княгиня Черкасская пригласила меня к себе и прислала за мною карету, так как мои лошади еще в деревне... Она была очень польщена приветом, который государыня велела мне передать ей, и мне сдается, что она нарочно собрала при мне порядочное количество гостей, чтобы все слышали, что я скажу ей от имени государыни. Я угодила княгине тем, что в присутствии всех передала приветствие. Когда вышел Семен Андреевич, она и ему объявила о том же, и, верно, целый месяц будет твердить об этой монаршей милости. Говорят, что женщины тщеславны; княгиня превосходит всех в этом отношении». В 1730-1731 годах, когда впервые возникла мысль о браке между Антиохом Кантемиром и княжной Варварой, ее мать отнеслась к этому проекту холодно; ревнивая сестра опасалась, что то же повторится и теперь. Недовольная матерью, она, напротив того, питала искреннее расположение к дочери-«тигрице»: часто хвалила ее в письмах к брату и, между прочим, в том письме, из которого сейчас приведен отрывок, говорила о ней: «Мой разговор с тигрицей имел характер как бы письма ее к вам. Зная, что вы любите ее как достойную девушку, я сама привязалась к ней и молю Бога, чтоб она, моя теперешняя приятельница, сделалась в будущем моею невесткой». Однако, в бытность свою в Петербурге княжна Мария не решилась просить у самого Черкасского руки его дочери для брата и могла лишь убедиться в том, что у отца нет ей никакого жениха на примете. Он даже находил, что дочери еще нужно продолжать свое образование. «Дай Бог, - писала сестра брату из Петербурга 20 марта 1733 года, чтобы дочь черепахи не засиделась в девицах: время летит и не возвращается. Но немцев вам нечего бояться, так как Миних в опале... Если явится какой-нибудь иноземец, черепаха, пожалуй, спятит с ума, а пока он в здравом рассудке». По-видимому, у Кантемира возникло опасение, как бы дочь богача-князя не стали снова прочить за жениха вроде графа Левенвольде, например, за только что приехавшего из-за границы сына фельдмаршала Миниха; но князь Антиох не знал, что сам Миних был в то время не в ладах с Бироном, следовательно, не мог рассчитывать на особенное внимание к себе со стороны государыни⁵⁸. На это-то и намекали слова сестры.

Не решаясь вступать в непосредственные переговоры с родителями тигрицы, княжна предпочитала действовать чрез посредников и желала заставить

верными справками прежде, чем самой предпринять решительный шаг. Но попытки, сделанные ею в этом смысле в Петербурге, оказались безуспешными. Между тем месяцы проходили за месяцами, а дело сватовства не двигалось вперед. В начале 1734 года князь Антиох указал сестре надежному, по его мнению, помощника в лице жившего в Москве барона С.Г. Строганова; но княжне этот выбор был не совсем по душе, и 10 июня того же года она писала брату: «До сих пор я не находила удобной минуты переговорить со Строгановым; постараюсь или его прислать к княгине за решительным ответом, или прииду другого посредника для этого дела. Очень стремлюсь осуществить ваши желания, и если не найду подходящего человека, сама объяснюсь с матерью, хотя вполне убеждена, что она с презрением назовет меня свахой; если же она позволит себе сказать что-нибудь обидное про вас, я не стерплю». До таких крайностей дело, однако, не дошло, ибо княжна воздержалась от прямого объяснения с княгиней Черкасскою, быть может, опасаясь полного разрыва. Мало того: ее давнее предубеждение против Марьи Юрьевны стало смягчаться. Этому повороту обстоятельство содействовал врач Севаст, живший у княжны Кантемировой и лечивший у Черкасских. Известия по вопросу о сватовстве, приносимые им из Головинского дворца, имели вообще ободрительный характер: из его слов княжна Мария могла выводить заключение, что со стороны матери нельзя ожидать сопротивления. Кроме того, до княжны Марии дошел слух, будто бы тигрица говорит: «Я выйду за князя Кантемира, и ни мать, ни отец не удержат меня от этого». Все это укрепляло сестру дипломата в уверенности, что ее надежды и желания действительно близятся к осуществлению. 15 июля 1734 года она написала брату следующее: «Не могу настаивать на том, чтобы вы просились в отпуск в Россию прежде, чем будете награждены достойным образом за вашу службу. Но если бы вы приехали, тигрица вышла бы за вас». «Ее мать, - продолжала княжна в веселом тоне, - посылает вам поклон и велит сказать, что вы слишком просеивы, не написали ей ни строки с самого отъезда, а сама она не станет вам писать первая, хоть вы и министр». В следующем письме, от 8 августа, сестра опять сообщала брату утешительные известия: «Если судить по любви, которую оказывают мне Черкасские, оне почти согласны на предложение; напишите только матери несколько любезностей в отдельном письме». Но в том же письме княжны Марии заключались и другие строки, тревожного свойства: «Мать, однако, не будет в состоянии ничего сделать, если сам черепаха не даст своего согласия».

Действительно, в середине 1734 года брак князя Антиоха с княжной Варварой мог считаться в Москве совсем налаженным. Княгиня Марья Юрьевна окончательно склонилась в его пользу - если не из особенного расположения к Кантемиру, то уступая желанию дочери и принимая в расчет, что она была на возрасте: красивой тигрице шел уже двадцать четвертый год. Княжна Мария была того убеждения, что если бы брак дочери зависел только от матери, «тигрица давно была бы выдана за какого-нибудь льва или, лучше сказать, «золотого осла». Но произнести последнее слово в этом деле предстояло не матери, а отцу. По сведениям, которые имела княжна Мария, и князь Алексей Михайлович питал к ее брату несомненное расположение; сам человек

довольно просвещенный, приятель Феофана Прокоповича и В.Н. Татищева, Черкасский не мог не отдавать справедливости блестящим дарованиям и обширному образованию молодого дипломата; оценив его еще юношей, он сохранял к нему добрые отношения в течение его заграничной службы. Но осторожный кабинет-министр был не только медлитель - по характеру своему он был человек мнительный, и остановиться на каком-либо определенном решении всегда составляло для него мучительно трудную задачу. Так оказывалось и в настоящем случае. Зная и без формального предложения намерения князя Антиоха, Черкасский взвешивал выгоды и невыгоды предполагаемого брачного союза, обдумывал, как бы не возбудить против себя неудовольствия при дворе неосторожным решением, и - не высказывался. Это упорное молчание сфинкса стало преградой, преодолеть которую не могло ничто.

В таком неопределенном положении дело протянулось еще два года. Княжна Мария пережила их в беспрерывном волнении, тем более, что рядом с неразъясненным брачным вопросом с 1736 года поднялся опять процесс о Кантемировском наследстве. Княгиня и княжна Черкасские тоже оставались в тревожной неизвестности, и только сам нареченный жених ожидал ответа князя-черепахи относительно спокойно. Великая сила времени уже успела сделать над ним свое беспощадное дело: продолжительное отдаление от Москвы, заботы дипломатической службы, заграничная жизнь с ее разнообразными интересами, новые знакомства и привязанности, наконец, постоянная хворость Кантемира - все это охладило его прежний юношеский пыл и дало новое направление его желаниям.

Между тем, княжна Мария не переставала звать брата в Россию. В начале 1736 года она с особенною уверенностью ожидала его возвращения и уже писала ему, что выедет в Петербург к нему на встречу. Но из переписки нашего дипломата, насколько она известна, вовсе не видно, чтоб он возбуждал в это время вопрос о своем отозвании из Лондона. Быть может, тут работало только воображение любящей сестры, но в письме от 1 марта 1736 года она выражала брату удивление, почему князь Черкасский не старается о скорейшем вызове его из Англии, «тогда как это входит в его личные интересы». Весьма вероятно, однако, что именно по этой причине чересчур осмотрительный сановник воздержался бы от подобных стараний. В том же письме княжна еще раз повторяла брату, что уверена в согласии княгини Черкасской на брак и даже брала ее под свою защиту: «Не думайте, чтоб она была дурная или тщеславная женщина; если она не собралась написать вам в течение полутора года, то лишь потому, что стыдится написать хотя бы две строчки». Литературная известность Кантемира, очевидно, внушала страх нелитературной барыне.

Единственное объяснение, какое можно дать возродившимся у княжны Марии надеждам на возвращение князя Антиоха в Россию в 1736 году, заключается в том, что в это время шла война между Россией и Турцией, принятая с целью загладить неудачи Прутского похода Петра Великого, и что при успешном исходе этой борьбы родина Кантемиров, Молдавия, могла отойти под покровительство России; в таком случае - надеялась княжна - ее

младший брат будет назначен правителем этой области. В семье Кантемиров твердо помнили обещание, данное Петром покойному господарю в таком смысле⁵⁹. Несомненно, что князь Антиох, верный своим родовым традициям, сочувствовал возгоревшейся войне и желал поражения угнетателям своей родной земли. Действительно, первый крупный успех русских войск - взятие крепости Азова (20 июля 1736 года), которую Петр принужден был возвратить туркам по Прутскому договору, - вызвал патриотическое воодушевление в дипломате-стихотворце, и он написал по этому случаю «похвальную песнь», которую в исходе того же года отослал в Петербург к князю Черкасскому с просьбою представить государыне⁶⁰. Тем не менее, едва ли князь Антиох простирали свои надежды и мечты так же далеко, как его сестра. Как бы то ни было, 29 июля 1736 года она написала ему следующие строки, по которым можно судить о ее тогдашнем возбужденном настроении: «Мы прожили только половину нашей жизни; что будет дальше, зависит от воли и милосердия Господня. Может быть, когда-нибудь мы увидим наше прежнее отечество и мирно доживем свой век, каждый как бы ему хотелось. Но мне кажется, что тот, кто становится владыкою целой страны, должен принять на себя все тяготы правления. Таким образом, если вам будет суждено сделаться господарем нашей родины, вы должны будете проститься с уединенною жизнью философа». От этих прозрачных намеков на злобу дня, льстивших ее честолюбию, княжна Мария ловко переходила к выводу, который касался излюбленной темы ее бесед с братом, - к его женитьбе. «Не думаю, - продолжала она, - чтобы жениться значило навязать себе камень на шею: сужу по первому человеку и множеству других. Нужно только, чтобы жена была добрая, а не походила бы на Ксантиппу, жену философа Сократа, которая вместо ответа облила его с головы до ног. Мужчины дурно отзываются о женщинах, а женщины - о мужчинах. Мало ли у нас прекрасных девушек? Надобно только, чтобы по возвращении в Россию вы нашли себе подругу по сердцу, а совсем отказываться от брака - совершенно безрассудно. Тигрица больше всех годится вам в жены и - надеюсь - подождет вас».

Ясно, что эта филиппика была ответом на какое-то письмо князя Антиоха, излагавшее соображения, против которых сестра сочла нужным протестовать. Но такого письма не сохранилось, и мы можем только догадываться о его содержании. Надо думать, что Кантемир выражал в нем равнодушие к своим прежним брачным планам и вообще высказывал намеренье остаться холостяком, так как супружество кажется ему несовместимым с склонностью его к созерцательной жизни. Таким «философом» сестра еще не знала князя Антиоха, и действительно, он не был таков шесть лет тому назад, когда влюбленным юношей покидал Россию. Сестре было известно, что в Лондоне у брата появилась какая-то приятельница, но на эту связь, которой Антиох от нее не скрывал, она смотрела очень снисходительно, в полной уверенности, что она будет легко разорвана, как только Кантемир подымется в обратный путь. Но княжна не подозревала, что может измениться самый образ мыслей брата, а именно это-то и случилось в той обстановке, в которую бросила его судьба. Кантемир не был склонен искать богатства или почестей, и даже когда вступал на дипломатическое поприще, меньше думал

о блестящей будущности, открывавшейся пред ним, чем о возможности продолжать за границей свое образование. Он ревностно исполнял свои посольские обязанности, а в часы досуга искал общества просвещенных людей, много читал, знакомился с произведениями искусства и размышлял. Плодом этих размышлений у него выработалось известное мирозерцание, которое он и выразил в своей VI сатире - «Об истинном блаженстве». Она была написана только в начале 1738 года, но, разумеется, высказанные в ней мысли уже не были тогда для автора свежою новостью.

Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен,

В тишине знает прожить, от суетных волен
Мыслей, что мучат других, и топчет надежду
Стезю добродетели к концу неизбежну.
Малый свой дом, на своем построенный поле,
Кое дает нужное умеренной воле,
Не скудный, не лишний корм и средню забаву,
Где б с другом с другим я мог, по моему нраву
Выбранным, в лишни часы прогнать скуки бремя,
Где б, от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины,
Исследуя всех вещей действия и причины,
Учась знать образцом других, что полезно,
Что вредно в нравах, что в них гнусно иль любезно:
Желания все мои крайни составляет...

Добродетель лучшая есть наша украса;

Тишина ума под ней, и своя мне воля
Всего драгоценнее. Кому богатств доля
Пала и славы, тех трех благ может лишиться,
Хотя бы крайней гибели и мог ущититься.

Вот главные мысли этого стихотворения, конечно, не особенно новые и оригинальные, много раз высказывавшиеся другими поэтами и не поэтами, но чрезвычайно характерные для Кантемира; под пером этого мирного и нечестолюбивого человека они имеют всю цену искренности и душевности: в своем частном быту, в интимной жизни он - как видно из рассказа его друга аббата Гуаско - действительно старался по возможности приблизиться к идеалу, начертанному в приведенных стихах. Понятно, что при таком стремлении он должен был задавать себе вопрос: может ли он сохранить верность своему идеалу, если расстанется с холостою жизнью, в которой умел достигнуть счастья хоть до некоторой степени, и вступит в брак? И в тех исключительных обстоятельствах, в каких он находился, давно разобщенный со средой, куда вернула бы его женитьба, он почувствовал сомнение и стал склоняться к ответу отрицательному. Тот же друг-биограф сообщает, что впоследствии Кантемир сам ему признавался, как его смущала мысль вступить в родство с одним из важнейших сановников государства; по мнению князя Антиоха, брак такого рода не согласовался бы с тою тишиною жизни и ума, которая составляла для него потребность, и неизбежно вовлек бы его в

государственные дела, тогда как он желал вполне предаться развитию наук и искусства в своем отечестве⁶¹.

Само собою разумеется, что княжна Мария не разделяла подобных воззрений брата и даже не была в состоянии стать на братнину точку зрения. При всем своем уме и образовании она в житейских делах все-таки руководилась исключительно так называемыми практическими соображениями. Возражения князя Антиоха против ее брачных затей она объясняла, конечно, каким-нибудь случайным, минутным его настроением, которое нельзя принимать в деловые расчеты. Поэтому и после своей филиппики она продолжала твердить брату о возможности женитьбы на княжне Черкасской. Князь Антиох большею частью отмалчивался на ее настояния или советовал ей отказаться от дальнейших попыток добиться окончательного ответа от Черкасских; к прежнему предмету своих горячих желаний он стал теперь почти равнодушен. Но сестра не хотела слушать увещаний брата. Весною 1738 года князь Алексей Михайлович приехал в Москву; увидевшись с ним и объясняясь по делам наследства, княжна Мария не воспользовалась однако случаем посвятить брата, и только в конце того же года возобновила брачные переговоры, причем повела их опять-таки не сама, а через какое-то третье лицо. Ясного ответа опять не последовало. Когда узнал о том князь Антиох, у него зародилось опасение, как бы поведение сестры относительно Черкасских не получило характера навязчивости; не известно, высказал ли он ей свое неудовольствие, или же она сама догадалась о том, только в начале 1739 года, в письмах своих к брату, она несколько раз принималась объяснять свое поведение. «Что касается тигрицы, я вижу, что сделала ошибку», - сознавалась она в письме от 18 января, а в следующем, от 12 февраля, старалась оправдать себя, и притом довольно неловко: «Как Бог свят скажу вам: никакого предложения я не делала и никакого дурного ответа не получала. Виновата лишь тем, что, имея удобный случай и время, я не представила предложения, как и вы мне пишете. Я очень недовольна своим промахом; но я полагаю тогда, что князь может сам исполнить свое намерение (то есть дать свое согласие) и без моего вмешательства. Дай Бог, чтобы он как можно скорее надумлился и исполнил бы ваше желание». Но, очевидно, дело не слаживалось, а расстроивалось: ожидая, что сам медлитель пойдет навстречу ее желаниям, княжна запуталась в тонкостях своей политики и своими руками разрушила то, что так долго и усердно готовила. Она, видимо, старилась и утрачивала ту живость и чуткость ума, которые были в ней так привлекательны в молодые годы. С этих пор - судя по сохранившейся переписке - ее участие в брачном проекте Кантемира стало только пассивным и молчаливым, и сам лишь князь Антиох в своих письмах вспоминал иногда о тигрице.

Между тем изменилось служебное положение Кантемира, да и в России совершился ряд событий, оказавших влияние на его судьбу. Еще в апреле 1738 года последовало его назначение чрезвычайным посланником при Версальском дворе, и в сентябре он прибыл в Париж, но оказался вынужденным сохранять здесь инкогнито и долго не имел возможности представить свои верительные грамоты Людовику XV, так как оставался не выясненным вопросом о том, в каком звании - посланника или посла - будет назначен пред-

ставитель Франции к русскому двору. В Петербурге находили, что Кантемир поспешил выехать из Англии, и были недовольны его пребыванием в Париже «без официального характера». Как видно из письма княжны Марии к брату от 4 декабря 1738 года, слух о том дошел и до нее через княгиню Черкасскую, и нет сомнения, что этот дипломатический промах князя Антиоха, в сущности довольно ничтожный, был принят также в соображение робким медлителем, князем-черепахой, когда он обдумывал многотрудный вопрос: благоразумно ли будет отдать дочь за Кантемира. На самом деле, однако, это обстоятельство не имело дурных последствий для дипломата-писателя, и в 1739 году он даже был возведен в звание посла.

Еще до назначения к Версальскому двору Кантемир имел понятие о Париже, так как еще в 1736 году ездил туда лечить свои больные глаза. В эту первую поездку Париж показался ему скучным и мрачным, а парижское общество - слишком пустым. Так писал он тогда и сестре, и своим лондонским приятелям. «Единственная выгода, вынесенная мною из этой поездки, заключается в том, что я разочаровался в высокомо представлении, какое имел до сих пор об этом городе и его обитателях», - говорил Кантемир в письме к Замбони, моденскому резиденту в Лондоне, от 18 августа 1736 года. Не изменились впечатления князя Антиоха и два года спустя, когда он совсем переселился в столицу Франции. «После шести дней путешествия и десятичасового плавания по морю при удивительно благоприятном ветре, - писал он в сентябре 1738 года другому итальянскому дипломату, жившему в Лондоне, кавалеру Озорио, - я наконец прибыл в центр удовольствий, но не нахожу их здесь и, вероятно, долго не найду, так как расстался с друзьями»⁶². Эта фраза несколько походит на комплимент: приятные и полезные знакомства Кантемир вскоре сумел приобрести и в Париже; тем не менее, смысл сказанного оставался в сущности верным; даже после полугодового пребывания в Париже наш дипломат не мог свыкнуться с тамошнюю жизнью и не находил себе полного удовлетворения в ее условиях; 5 апреля 1740 года он писал сестре: «Свет так устроен, что в нем нигде не встретишь полного благополучия: то, чего мы желаем всего более, сделавшись нашим достоянием, причиняет нам неудовольствие. Мне всегда хотелось пожить когда-нибудь в Париже; теперь я там и не дождусь часа, когда буду в состоянии выбраться оттуда». А между тем Кантемиру очень нравилась его дипломатическая служба, и по крайней мере в то время он не имел ни желания, ни даже возможности покинуть ее. «По правде сказать, - признавался он сестре в другом письме (от 1 сентября), - жизнь посла самая приятная, какую только можно вести; поэтому я не расстался бы с нею, если бы только не желал видиться с вами и с братьями, и если бы не находился постоянно в денежных затруднениях, так как жалованье мое недостаточно, да и высылается оно очень туго. Впрочем, и этому можно будет помочь со временем. Я уже привык не огорчаться тем, что может быть изменено: у меня теперь своя прекрасная философия, избавляющая меня от многих забот». В этих словах ясно слышится голос автора сатиры «Об истинном блаженстве», и в ней можно прочесть такую сентенцию:

Мудрая малым прожить природа нас учит

В довольстве, коль лакомство разум наш не мучит.

Любопытно, что в том же письме от 5 апреля, в котором Кантемир говорит о своем желании оставить столицу Франции, он касается также старого вопроса - о женитьбе. Упомянув о своем разочаровании от Парижа, который когда-то манил его к себе, он прибавляет: «Пожалуй, то же самое случилось бы с тигрицей, если б она стала моею женой; поэтому я не особенно досаду на препятствия, воздвигаемые черепахой». Итак, даже после семилетних бесплодных переговоров Кантемир еще не вполне отступался от брака с княжной Черкасской, но теперь он говорил об этом уже без всякого увлечения. Со своей стороны сестра писала брату, что, по ее мнению, нерешительность князя-черепахи более всего вредит ему самому, и князь Антиох соглашался с таким заключением: «Время старит тигрицу, а черепаху глубже погружает в расстройство и долги». Кантемиры почему-то полагали, что выдача дочери замуж может поправить финансовое положение Черкасских, которое действительно было не блестящим, несмотря на их огромное богатство. Несколько месяцев спустя князь Антиох счел нужным еще раз возвратиться к брачному вопросу в своей переписке; по-видимому, он был на это вызван упреком сестры, которая напомнила ему прежние его рассуждения о приятностях одинокой созерцательной жизни. «Что касается жены, - писал Кантемир 7 ноября, - я не думаю, чтобы брак не согласовался с философией, напротив того, полагаю, что философ должен быть женатым, дабы плотские похоти не смущали его, - и потому я предпочел бы не быть одиноким. Но как это нелегко осуществить, то пусть так и будет. Нет человеческого желания, которое нельзя было бы побороть, коль скоро того требует разум». В частности, о княжне Черкасской и особенно об ее матери Кантемир отзывался на этот раз со строгостью, какой не замечалось у него прежде: «О тигрице больше не думаю; мне донельзя надоели постоянные праздные толки о ней, особенно когда вижу, что ее мать ждет кого-нибудь из сынов Юпитера, чтобы выбрать себе зятя, достойного ее непомерного тщеславия. Жалею только бедную девушку, что она так печально проводит свои лучшие годы. Молодость, как вы говорите, не возвращается, а ее молодость почти миновала. Пройдет еще несколько лет, и она станет старою девою, которая всегда найдет себе мужа, но он пожелает жениться не на ней, а на ее богатстве. Это, впрочем, не наше дело; мне досадно, что вы, прогадав удобное время, находитесь теперь в затруднительном положении». На бесплодные старания сестры князь Антиох стал наконец смотреть не без иронии.

17 октября 1740 года скончалась в Петербурге императрица Анна. Последовавшее затем регентство герцога Курляндского дало Кантемиру случай доказать свою политическую проницательность и в то же время окончательно уронило в его глаза авторитет князя Черкасского, которого он привык уважать с молодых лет. Кантемир всегда пользовался вниманием Бирона, но не имел случая узнать его близко; живя с 1732 года за границей, он не был личным, непосредственным свидетелем того порядка вещей, который водворился в России в период Биронова могущества и заклеимлен в народной памяти его именем. Княжна Мария, в понятной осторожности, воздерживалась сообщать брату печальные подробности о русских делах; других надежных корреспондентов у него не было, и все известия из России, особенно о ее вну-

треннем положении, доходили до него только случайным путем молвы или через иностранные газеты и кое-какие памфлеты в роде «Lettres Moscovites» графа Локателли, против которых, впрочем, Кантемир должен был напечатать возражение⁶³. Тем не менее, он хорошо понимал, что за время была бироновщина, и когда в Париже получено было известие о предсмертном манифесте императрицы Анны, которым герцог Курляндский назначался регентом Российской империи, Кантемир сообразил, что его управление не будет долго терпимо. Поэтому свое поздравительное письмо Бирону князь Антиох послал не прямо в его руки, а в пакете на имя одного из своих петербургских друзей, с просьбой представить приветствие по назначению, если регентство еще существует, - в противном же случае предать письмо огню. Расчет Кантемира оказался верным: когда его поздравление достигло Петербурга, Бирон был уже арестован⁶³, и 10 ноября 1740 года новый манифест от имени императора-младенца возвестил, что правительницей государства назначена мать Иоанна Антоновича, Анна Леопольдовна, принявшая титул великой княгини.

Кантемир долго не знал подробностей о всех этих событиях. После уведомления о кончине императрицы и о назначении регентства он получил только известие о новом перевороте, о возведении Миниха в должность первого министра, а Черкасского - в звание великого канцлера и о наградах важнейшим лицам, вошедшим в состав нового правительства. Княжна Мария также послала брату список этих новых назначений, но он ей отвечал 15 января 1741 года: «Присланный вами список лиц, получивших высшие должности, я уже имел несколько времени тому назад, но из него не могу понять, кто будет занимать вторые места возле первых. Догадываюсь, что принц Бевернский, графы Миних и Остерман и князь Черкасский будут самыми влиятельными, но мне хотелось бы также знать, кто будет около них». Князь Черкасский также писал Кантемиру вскоре после низвержения Бирона, но извещал только о немедленном препровождении не досланных ему денег, да просил о заказе в Париже каких-то лент, конечно, для жены или дочери; в другом письме Черкасский давал Кантемиру обещание похлопотать о вызове его в Россию. Однако эти письма подействовали на нашего дипломата ободрительно; обрадованный поданною ему надеждой покинуть Париж и возвратиться, хоть на время, в отечество, он высказал сестре (в письме от 15 января) предположение, что «черепаша теперь скорее согласится уступить тигрицу, да и матушка сама будет меньше противиться. Я и ее не оставляю без внимания, - прибавлял он, - и постоянно пишу ей, хотя ответов не получаю». По первым сведениям о перевороте 9-10 ноября князь Антиох, по-видимому, заключал, что князь Алексей Михайлович принял деятельное участие в низвержении регента; новое повышение Черкасского давало повод к такой догадке. Но вскоре Кантемир узнал совсем иное: не немцы, а русские члены кабинета помогли Бирону возвыситься; Черкасский с А.П. Бестужевым-Рюминым первые гласно высказали желание видеть его на регентстве в случае кончины императрицы Анны. Известие о таком недостойном поступке привело Кантемира в негодование. «Не могу понять, - писал он сестре 12 марта, - как это черепаша пустился летать вместе с Икаром. Такому благоразумному че-

ловеку не следовало бы забывать свой долг пред царствующим домом». С Икаром, который, по античному преданию, вздумал подняться к солнцу на восковых крыльях, а оно их растопило, Кантемир сравнивал Бестужева потому, что последний, как фаворит Бирона, тотчас по его падении полатился за приверженность к нему, был отставлен из кабинет-министров и подвергся аресту и ссылке; но от «благоразумного человека» Кантемир, очевидно, не ожидал такого унижения пред немецким проходимцем. Обращаясь затем к своим личным связям с Черкасским, князь Антиох в том же письме замечал: «Если черепаха спятил с ума, то благодарю Бога, что Он охранил меня от его семейства; придется жалеть о нем, как об утраченном благоприятеле, так как я - враг всем, кто не служит нашему государю верой и правдой. Третьего дня я получил от черепахи письмо, из чего заключаю, что он еще не попал в ловушку. Никогда в жизни не писал он мне столько писем, как в нынешнее время; несмотря на то, я отвечаю ему коротко, ибо сказанное слово - серебро, а не сказанное - золото». Теперь Кантемиру стало ясно, что князь-черепаха способен заботиться только о своей выгоде, а затем готов плыть по течению, и честный дипломат потерял всякое доверие к канцлеру, которого не мог уважать.

Князю Антиоху трудно было ладить с двуличною политикой Версальского двора, и это являлось одною из причин, почему он желал своего отозвания из Парижа; но еще более хотел он возвратиться в Россию ради устройства своих домашних хозяйственных дел: Кантемирам-кадетам грозил новый процесс.

Всегда внимательная к материальному благосостоянию своей семьи, княжна Мария в конце 1740 года уведомила князя Антиоха, что их брат Константин, обладатель Кантемировского майората, задумал продать все имения, входившие в его состав; князь Константин был бездетен, и в случае его смерти братья и сестра имели право ему наследовать, между тем как капитал, полученный от продажи майората, обладатель последнего мог завещать своей жене, той самой «Медее», которую так недолюбливала княжна Мария. В интересах Кантемиров-кадетов было остановить эту продажу, но привести это в исполнение было возможно только силою высшей власти. Чтобы направить дело на такой путь, княжна Мария намеревалась съездить в начале 1741 года в Петербург. Князь Антиох находил эту поездку не бесполезною, но, судя по прежним примерам, не слишком верил в успех ходатайств сестры и предпочитал взять их на себя. Он начал с того, что написал ряд просительных писем к петербургским сановникам, а затем сам надеялся получить разрешение на приезд в Петербург, в чем - как мы уже видели - обещал ему поддержку Черкасский. Но поездка княжны Марии не состоялась: ей как-то трудно было двинуться из Москвы; на письма же свои князь Антиох не получал ответов. Черкасский также, по своему обыкновению, не исполнил обещания. В Петербурге признавали присутствие русского посла в Париже необходимым в виду дипломатических осложнений вместо дозволения приехать в Россию, Кантемира постарались удовлетворить наградой: ему был пожалован чин тайного советника и дано двадцать тысяч рублей в уплату долгов, в которые он вошел на устройство в Париже празднества по случаю объявления Анны

Леопольдовны правительницей. Впрочем, несколько времени спустя князь Константин сам отказался от предположенной им продажи имений, и самое дело о Кантемировском маиорате приняло несколько иной оборот. Неустойчивость тогдашнего правительства и частые перемены в его личном составе должны были оказывать несомненное влияние на ход подобных дел.

Едва минул год со дня низвержения Бирона, как в Петербурге совершился новый переворот, возведший на русский престол дочь Петра Великого (25 ноября 1741 года). С воцарением Елисаветы Петровны долго накопившее негодование русских против господства иноземцев нашло себе наконец удовлетворение: немного разбирали, кто виноват, кто прав, за кем, рядом с преступлениями, есть и действительные заслуги; в чаду победы радовались только, что немцы, занимавшие важнейшие должности в государстве, подвергнуты теперь беспощадному суду и суровому наказанию; мало сожалели и о тех, впрочем, очень немногих русских, которые пострадали вместе с иноземцами за свою приверженность к павшему правительству. Иностранным дипломатам, свидетелям глухого недовольства русских против бироновщины, казалось, что когда оно наконец прорвется, то совсем оттолкнет Россию от Западной Европы и снова погрузит ее в старую московскую косность. Этого не случилось: правительство Елисаветы Петровны заявляло, что желает восстановить истинное Петровское предание и намерено соблюдать выгоды и достоинство России в сфере внешней политики, а во внутреннем управлении давать ход русским людям без предпочтения иноземцев, но и пользуясь последними в случае надобности. Общество охотно приняло такую программу, и его сочувствием обеспечилась прочность и устойчивость правительства.

Для семьи Кантемиров новая перемена представляла свои выгоды и невыгоды. Дети одного из даровитейших сотрудников великого государя могли рассчитывать на расположение его дочери. Княжна Мария была известна Елисавете Петровне с давних пор и даже в тяжелое для цесаревны Аннинское царствование пользовалась ее вниманием; но князь Антиох находился по своей службе в слишком близкой связи с сановниками того времени, попавшими теперь в опалу или под суд; это обстоятельство могло оказать неблагоприятное влияние на положение самого видного из представителей семьи покойного господаря. Новое правительство, естественно, должно было вызвать к деятельности новых людей, но по обстоятельствам не могло пренебречь и кое-кем из прежних государственных деятелей: давно привыкший ко всяким переменам и равнодушно их переносивший старик Черкасский сохранил за собою важное, но в его руках невлиятельное звание великого канцлера; рядом с ним возвысились теперь его свояк князь Н.Ю. Трубецкой, занимавший должность генерал-прокурора, и А.П. Бестужев-Рюмин, возвращенный из ссылки и назначенный вице-канцлером. Но на содействие князя-черепахи Кантемир, наученный многими опытами, не хотел более опираться, а на благорасположение хитрого Бестужева не имел основания рассчитывать; что же касается Трубецкого, то в молодости князь Антиох считал его своим другом, переписывался с ним из-за границы, посвящал ему стихи и верил в его «тихие, честные нравы и чистую совесть»⁶⁵; но придворная жизнь давно обратила этого умного и образованного честолюбца в хо-

лодного эгоиста, и Кантемир, хотя не знал о такой перемене, начинал думать, что забыт своим старым приятелем. Таким образом, благоразумие указывало нашему дипломату на необходимость пробрести новые связи в Петербурге и, главное, найти себе благорасположенных людей среди нового двора. «С нетерпением, - писал князь Антиох сестре 4 января 1742 года, - жду от вас сведений о новом составе нашего двора и министерства, чтобы знать, как себя держать и к кому обращаться, в особенности для устройства нашего общего дела. Я по-прежнему думаю, что вы поступили бы весьма хорошо, если бы съездили в Петербург, так как вы знаете расположение к вам ее императорского величества, которым можно бы воспользоваться. Но, судя по слухам, ее величество собирается прибыть в Москву для коронования. В таком случае, ваша поездка была бы излишнею». Действительно, в Москве трудно было знать подробности новых придворных отношений. Княжна Мария это хорошо понимала и сама находила, что ей следует представиться новой государыне. Но не успела она собраться в путь, как стало известно, что в конце зимы двор переедет из Петербурга в Москву. Княжна решила ожидать его прибытия. В течение февраля месяца совершилось это переселение, а 28-го числа и сама государыня торжественно вступила в древнюю столицу.

С приездом петербуржцев княжне Марии открылась возможность собрать те сведения, которых требовал от нее брат. Всего легче могла она это сделать при помощи своих родственников Трубецких, которые стояли тогда к государыне очень близко. Еще при правительнице Анне лучшим другом цесаревны Елисаветы считалась вдова князя Дмитрия Кантемира Анастасия Ивановна, вышедшая потом за принца Гессен-Гомбургского; на ее отца, князя И.Ю. Трубецкого, и на других ее родных, как на самых надежных своих сторонников, указывала цесаревна маркизу Шетарди задолго до переворота 25 ноября. В самых событиях этой достопамятной ночи Трубецкие не принимали прямого участия, но как только переворот совершился, на них возлагаются самые доверенные поручения государыни и сыпятся награды: побочный сын Ивана Юрьевича И.И. Бецкий служит посредником в сношениях воцарившейся Елисаветы с французским послом и затем ведет протоколы следственной комиссии над Остерманом, Минихом и др.; князь Никита Юрьевич, племянник князя Ивана, постоянно призывается государыней на совет, а его, Никиты, сыну князю Петру поручается известить иностранных дипломатов, пребывающих в Петербурге, о последовавшей перемене правительства; самой принцессе Анастасии пожалован орден св. Екатерины, ее мужу принцу Людвигу-Вильгельму и старшим из Трубецких даны новые должности, звания и почетные награды⁶⁶. В близких отношениях к Трубецким находился один из главных участников переворота 25 ноября, доверенный лейб-медик Елисаветы И.-Г. Лесток. К этому-то любезному и влиятельному при дворе человеку княжна Мария и обратилась за покровительством и в то же время указала на него князю Антиоху, который не замедлил вступить с ним в переписку⁶⁷. «Лестока я называю графом, - писал князь сестре 1 октября 1742 года, - потому что газеты дали ему этот титул; на будущее время беру его назад. Прошу вас поблагодарить его за настоящие и обещанные хлопоты».

Княжна Мария искала покровителей для успешного проведения своих просьб. Они касались, разумеется, имущественных дел. Выше было упомянуто о намерении Константина Кантемира продать свой маиорат и о желании Кантемиров-кадетов остановить эту продажу. К этому делу и относилась первая просьба княжны; отказ самого князя Константина от продажи сделал ее излишнею. Но княжна не успокоилась; изобретательность ее в ходатайствах была неистощима; ввиду коронации Елисаветы ей вздумалось снова возбудить вопрос, все еще остававшийся не вполне решенным, о додате Кантемирам-кадетам крестьянских дворов, пожалованных им императрицей Анной; по этому делу княжна подала челобитную, которая, впрочем, залежалась у кабинет-секретаря И.А. Черкасова и, как следовало ожидать, не получила движения. Кроме Лестока, княжна Мария нашла доступ к другому близкому к императрице человеку, вновь пожалованному камергеру Михаилу Илларионовичу Воронцову, о чем также уведомила брата. Князь Антиох уже имел случай сноситься с ним официально по своим посольским обязанностям, посредничество сестры упростило характер этих сношений, а мягкая натура Воронцова еще более тому способствовала; с половины 1742 года между ним и Кантемиром установилась деятельная переписка, которою дипломат искусно пользовался, чтобы излагать своему влиятельному корреспонденту разные свои нужды и затруднения. Князю Антиоху хотелось выяснить, может ли он рассчитывать остаться в Париже или будет отозван, может ли надеяться на получение ордена св. Андрея, подобно маркизу Шетарди, может ли получить дозволение съездить на минеральные воды и т. п. Воронцов по возможности удовлетворял просьбы посла, только не мог доставить ему ордена. Со своей стороны и Кантемир исполнял кое-какие поручения Воронцова в Париже⁶⁸.

Торжество коронации императрицы Елисаветы происходило 25 апреля 1742 года, а празднества по этому случаю продолжались до 7 июня. В качестве фрейлины княжна Мария должна была присутствовать на многих из них, особенно на приеме 26 апреля, когда принадлежавшие ко двору особы женского пола приносили поздравления государыне, восседавшей на троне в аудиенц-зале потешного двора. Кроме того, еще до коронационных торжеств княжна Мария имела случай представиться государыне, причем подала свою неуместную челобитную о додате крестьянских дворов. В интимном женском кругу императрицы княжна также позаботилась приобрести кое-какие знакомства, которые находила полезными; в особенности чувствовала она себя обязанною перед М. Андр. Румянцовою, женою известного генерала и матерью задунайского героя, и перед доверенною камерюнгферой императрицы, итальянкой Иоанной⁶⁹. О знакомстве с ними княжна тоже сочла нужным написать брату; князь Антиох понял намек и догадался, что этих лиц нужно отблагодарить подарками: камерюнгфере он прислал золотую табакерку, а другую такую же табакерку, только «еще красивее», предназначил Румянцовой вместе с парижскими духами, о присылке которых просила эта дама. Наконец, в числе лиц, о знакомстве с которыми княжна Мария сообщала брату, нужно упомянуть еще генерал-майора Ф.С. Вишневого; он был близкий человек к фавориту Елисаветы А.Г. Разумовскому, которого когда-то

и пристроил ко двору цесаревны⁷⁰. Этот Вишневский передал княжне Марии какой-то лестный отзыв о Кантемире, сделанный в его присутствии государыней. По этому поводу князь Антиох писал сестре (4 ноября 1742 года): «Весьма благодарен, что вы пишете мне о разговоре, переданном вам г. Вишневским, так как все мои желания состоят в том, чтобы заслужить благоволение всемилоостивейшей государыни. Сведения, подобные этому, прошу вас сообщать мне поточнее; я буду вам очень за них обязан и прошу вас не переставать писать мне о них. Поклонитесь от меня г. Вишневскому, которому я чрезвычайно благодарен». Очевидно, князь Антиох не всегда бывал доволен характером известий, которые сообщала ему сестра, и едва ли не подозревал, что она придает им свое личное освещение. Догадка эта подтверждается письмом Константина Кантемира к Антиоху (от 3 мая 1743 года); он тоже писал брату о петербургских придворных отношениях и дал о них гораздо более ясное понятие, чем княжна Мария, в следующих словах: «Не знаю, что написать вам о придворных лицах, кто из них пользуется большим влиянием, так как их счастье, по-видимому, переменчиво. Теперь первенствует Алексей Григорьевич Разумовский, за ним следует Воронцов: оба они - самые влиятельные лица. На их стороне, как кажется, находится князь Никита Юрьевич Трубецкой, который, надо полагать, обдeldывает делишки чрез посредство сената. Лесток, видимо, немного стушевался, равно как и Шувалов... Вишневский никакой роли не играет, а лишь старается кого-нибудь провести и получить за то подарок».

Среди новых лиц, которые получили значение при дворе, князь Черкасский оставался какою-то бледною тенью прошлого; и в прежнее время он не умел приобрести авторитета, а теперь находили, что он утратил и то слабое значение, каким пользовался прежде. Расстался с ним и князь Антиох, но, надобно сказать к чести последнего, расстался по своим личным причинам, а не потому, что Черкасский потерял всякое значение. Даже напоминания о тигрице, которые изредка позволяла себе сестра, уже не производили впечатления на прежнего поклонника красавицы. «Черепаха всегда останется черепахой, - писал князь Антиох 1 октября 1742 года, - и я ничего от него не ожидаю; тигрицу уступаю кому угодно; по правде сказать, мне теперь все равно». То же самое повторял он и в следующем письме от 4 ноября того же года: «Если мое возвращение нужно только для того, чтобы гоняться за тигрицей, то, уверяю вас, - это будет напрасным: я уже совершенно не в состоянии жениться... Было бы хорошо сообщить о том черепахе, а то я буду сочтен за врага, если он когда-нибудь вспомнит снова обо мне; вот почему я и встретиться с ним желал бы не раньше, как через год. Говоря проще, я рассчитываю провести жизнь одиноким, чтобы не сделаться хвостом какой-нибудь кометы, и прожить свой век мирно, вдали от бурь и зависти». Прочитав эти строки, княжна Мария наконец поняла, что решение брата - совершенно бесповоротное, и что на всех блестящих проектах, так долго ее занимавших и волновавших, остается только поставить крест; на обороте братнина письма она собственноручно отметила: «пишет, что отказывается от тигрицы, и велит сообщить о том черепахе». Но содержание письма уже не могло быть передано старому медлителю: князь Черкасский скончался в Москве в тот

самый день, когда князь Антиох писал в Париже вышеприведенные строки. Шесть месяцев спустя, в апреле 1743 года, княжна Варвара Алексеевна была обменена с камергером графом Петром Борисовичем Шереметевым.

Кантемир чувствовал себя не в состоянии жениться, потому что его здоровье было совершенно расстроено. Крепостью его он никогда не отличался, а с 1740 года он стал хворать почти непрерывно; неоднократно предпринимал он поездки в Ахен, в Пломбиер, но минеральные воды не помогали ему, и вообще болезни его не поддавались никакому лечению. Слабость его постоянно увеличивалась, и он жаловался, что у него не хватает сил даже на переезд из Парижа в Версаль. Путешествие в Россию казалось ему неодолимою трудностью, а между тем ему все-таки хотелось возвратиться в отечество, но не с тем, чтобы продолжать службу и «стремиться выше, ближе к солнцу, где восковые крылья таят, и откуда легко полететь вниз головою на дно морское», а единственно для того, чтоб устроить, наконец, свои хозяйственные дела и провести остаток жизни в покое.

Хозяйственные дела семейства Кантемиров действительно нуждались в упорядочении. Детям покойного господаря словно на роду было написано вести бесконечные тяжбы, которые возникали у них непрерывно одна за другою. Княжна Мария полагала, что она только отстаивала законные права семьи, когда, по своей деятельной натуре, давала ход всем подобным делам, а между тем, руководимая какими-то приказными искусниками, она все более и более втягивалась в приказную волокиту и наконец, под старость, совсем наполнила этим занятием праздность своего существования. Так как в 1742 году, после празднеств коронавания, двор зажился в Москве, то князь Антиох советовал сестре воспользоваться этим обстоятельством для личного ходатайства по накопившимся в ее руках делам. Но княжна не успела или не сумела сделать это до самого декабря, когда двор выехал в Петербург. Поэтому весной 1743 года ей самой пришлось отправиться туда же, тем более, что к числу Кантемировских тяжб прибавились в это время еще две новые. На крестьянских дворах, пожалованных Кантемирам-кадетам, числилась значительная недоимка, накопившаяся еще до этого пожалования, да притом со многих дворов население сбегало; поэтому в марте 1743 года Кантемиры-кадеты подали в Сенат прошение о сложении недоимки. Полного удовлетворения они не получили; но все же уплата денег была отсрочена впредь до издания генерального указа, который признан был необходимым ввиду поступления в Сенат многих прошений, подобных Кантемировскому.

Это был едва ли не единственный результат хлопот княжны Марии в бытность ее в Петербурге в 1743 году. Пред наступлением осени она вернулась в Москву, в самый разгар другой тяжбы, в которую она теперь и погрузилась. Тяжба эта касалась рокового вопроса о Кантемировском маиорате. Отказавшись от намерения продать его, князь Константин вздумал ходатайствовать о выдаче ему подтвердительной грамоты на обладание отцовским наследством. Князь Антиох писал сестре, что, по его мнению, «ради домашнего мира и душевного спокойствия» и наконец «во избежание лишнего скандала» не следовало бы мешать брату в его неуместном ходатайстве; но княжна Мария, а за нею и князь Сергей с Матвеем были иного мнения и находили,

что действия князя Константина нельзя оставлять без протеста с их стороны. Уступая их желанию, князь Антиох должен был подать прошение на высочайшее имя, с заявлением своих прав на маиорат, сам же намеревался, вступив во владение отцовским наследством, разделить его между всеми своими братьями и сестрой. Прошение князя Антиоха было подано императрице через М.И. Воронцова; государыня предложила разделить имение покойного господя на две равные части и одну из них оставить за Константином Кантемиром, а другую предоставить братьям-кадетам и сестре. Князь Антиох готов был согласиться на такое окончание тяжбы, но княжна Мария, посоветовавшись «с искуснейшими в делах приказных», нашла нужным возразить против данного совета. Как ни казалось дипломату неудобным это противоречие, он, чтобы не обидеть сестры, вынужден был изменить свое решение и, скрепя сердце, снова писал о том Воронцову. В этих переговорах прошла вся вторая половина 1743 года. Между тем болезнь, давно мучившая Кантемира, развилась до такой степени, что он увидел невозможность продолжать свою дипломатическую службу; он уже просил сестру подготовить ему помещение в Москве и присмотреть для покупки подмосковную, но прежде, чем вернуться в Россию, он намеревался укрепить свои силы, проведя несколько месяцев в теплом итальянском климате.

Очевидно, надежда поправить свое здоровье еще не покидала Кантемира; размеры своей болезни он заботливо скрывал от сестры, и она еще не подозревала ничего об его слабости, когда в начале января 1744 года писала ему, что намеревается продать свои земли брату Сергею, а себе оставит лишь небольшой клочек, чтобы построить тут монастырь и постричься в нем. Раздосадованный этим известием, больной отвечал сестре письмом на русском языке, в котором сперва делал распоряжения на случай своего прибытия из Италии в Москву, а затем говорил: «О том вас прилежно прошу, чтоб мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении вашем; я чернецов весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтоб вы вступили в такой гнусной чин, или буде то противно моей воли учините, то я в век уже больше вас не увижу. Я желаю, чтоб по приезде моем в отечестве вы прожили всю жизнь со мною и в доме моем были хозяйкою, чтоб собирали и потчивали гостей, одним словом, чтоб были мне увеселением и спомощницей». Сестра поспешала успокоить брата. «Когда вы вернетесь в Москву, - отвечала она на братнин выговор, - я готова хозяйничать в вашем доме и принимать ваших гостей, но от своего намерения все-таки не отказываюсь». Эти строки были уже последними, которые больному суждено было получить от сестры - в начале февраля 1744 года; в конце того же месяца он отправил ей коротенькое письмо с уведомлением, что ему становится лучше с улучшением погоды в Париже; но тут же стояли и другие зловещие строки: «Это еще более убеждает меня, что только теплый климат может меня вылечить, и я более, чем когда-либо, вижу необходимость ехать в Италию». Только из этих строк княжна Мария догадалась об опасности, в которой находился брат. Пользуясь пребыванием двора в Москве, она поспешила во дворец, чтоб узнать, состоялось ли увольнение брата в Италию, и уведомила, что сама туда придет за ним ухаживать. «Если я долее останусь в неизвестности относительно вас, - писала

она Антиоху 12 апреля, - то непременно заболела и умру прежде времени: я и без того расстроила себе здоровье от постоянных тревог и волнений... Не странно ли, что я не боюсь такого дальнего пути, тогда как меня пугает поездка в Петербург? Да, но поездка в Петербург связана для меня с разными неприятностями, а собираясь в Италию, я готова пренебречь всякими неудобствами в надежде на свидание с дорогим братом». Надежда оказалась однако напрасною: когда княжна Мария писала вышеприведенные строки, князя Антиоха уже не было в живых: он скончался в Париже еще 31 марта; вскрытие его тела показало, что причиной его смерти была водянка в груди. До княжны Марии известие о кончине любимого брата дошло не ранее, как в исходе апреля 1744 года.

Смерть князя Антиоха была жестоким ударом для сестры. Как ни изменился с годами ее характер, сделавшись более тяжелым, более властным, но любовь ее к брату осталась все такую же пламенною, как в раннюю пору ее жизни, в то время, когда ей пришлось заменить ему преждевременно скончавшуюся мать и впервые окружить его юность своими попечениями. Еще с тех пор умная сестра стала гордиться блестящими дарованиями своего любимца, а впоследствии с такою же ревнивою гордостью продолжала смотреть на его общественные успехи. Когда брат стал взрослым, сестра нашла в нем себе друга, и притом единственного, так как ни свойства ее характера, ни еще более обстоятельства ее жизни не располагали ее к короткости с чужими людьми, а в остальных своих братьях она слишком хорошо знала недостатки их натуры и видела очень мало достоинств. Не выйдя замуж, она не узнала и семейного счастья; таким образом даже в свои зрелые годы княжна Мария только на одном Антиохе могла сосредоточить свои привязанности, и только ему одному могла поверять свои радости и свое горе. Если к сказанному прибавить, что со смертью князя Антиоха княжна Мария лишилась единственного человека, который умел питать ее умственные интересы, то следует признать, что с этою утратой она теряла почти все, что еще скрашивало ее одинокую жизнь. Княжна Мария пережила брата на тринадцать лет, но от этого периода ее существования осталось так мало памятников и живых следов, что явным образом со смертью любимого брата оскудело самое содержание ее жизни.

В первое время по кончине Антиоха Кантемира княжна Мария была погружена в заботы о перевезении его тела в Россию и об исполнении завещания, которое он написал недели за три до своей смерти. Перевезти тело князя Антиоха оказалось делом дорогим и сложным. Братья пытались уклониться от расходов и хлопот по этому предмету, но княжна Мария выразила готовность принять все траты на себя. Впоследствии однако некоторую часть расходов приняли на себя и князя Матвей и Сергей. Тело князя Антиоха было доставлено в Петербург морем только в сентябре 1745 года и затем, перевезенное в Москву, было предано земле в нижней церкви Никольского Греческого монастыря, рядом с могилой отца. По воле покойного погребение было совершено ночью, без всяких церемоний. Княжна пожелала почтить память любимого брата добрым делом: зная, что в Париже находилась в нужде одна

молодая особа, с которою князь Антиох находился в близких отношениях, княжна послала ей от себя денежное вспомоществование.

Приведение в исполнение завещания князя Антиоха обошлось не без значительных затруднений. Назначенные наследниками князя Матвей, Сергей и княжна Мария вступали друг с другом в споры, которые приходилось разрешать тяжёбым порядком. Сестре, по воле завещателя, предстояло получить принадлежавшие ему серебряные сервизы, оцененные в 9000 руб. По привозе этих вещей в Петербург они были сданы на хранение князя Константина Кантемира, который не соглашался отдавать их сестре. Князь Константин умер в январе 1747 года, но и после того, в течение нескольких лет, она не могла вступить в обладание своим наследством. Между тем в московском доме княжны Марии произошел пожар, почти вплоть истребивший его. У нее не было средств выстроиться вновь; поэтому она обратилась к М.И. Воронцову с просьбой содействовать выдаче ей сервизов, которые она намеревалась продать, а деньги употребить на постройку. Удовлетворение этой просьбы последовало не ранее 1752 года. Таким образом, при всем уменьи княжны Марии жить расчетливо и хозяйственно, денежные затруднения преследовали ее до поздних лет ее жизни и вызывали ее на новые тяжбы. По всему вероятно, это и было причиною, почему она не исполнила обета, данного ею еще в молодости, принять монашество.

С 1743 года княжна уже не ездила в Петербург; во уважение к ее болезненности фрейлинское звание было с нее сложено; княжна постоянно жила в Москве и только летние месяцы проводила в своей подмосковной Марьине.

В августе 1757 года княжна Мария решила составить завещание. Первым его пунктом было выставлено желание, чтобы в Марьине был построен женский монастырь; этим распоряжением княжна как бы желала исправить то, что не исполнила данного ею обета; точно определен был штат монастыря и назначены средства на его сооружение и содержание. Если же на основание монастыря не последовало бы разрешения, то часть определенной на него суммы назначалась на раздачу бедным, а остальные деньги, равно как все движимое и недвижимое имущество, предоставлялись братьям и другим родственникам. Похоронить свое тело княжна завещала в том же Марьине, и с тою же простотою, как погребено было тело князя Антиоха. Княжна уже хворала в то время, когда писала эти строки, а месяц спустя после того, 9 сентября 1757 года, ее не стало, и немедленно затем началось нарушение ее предсмертных распоряжений: тело ее было предано земле не в ее любимом Марьине, а в том же Никольском Греческом монастыре, который служил уже усыпальницей для ее отца и матери, брата и сестры. Не состоялось также и основание женской обители в Марьине; наследники не настаивали на исполнении этого пункта завещания, потому что сопровождавшая его оговорка давала им возможность уклониться от того. В жизни своей княжне Марии суждено было испытать немало разочарований, и ряд их заключился только несоблюдением ее предсмертной воли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Походный журнал 1711 года. С. 49; Сборник Имп. Русск. Историч. Общества. Т. XLIX. С. 114.

2. *Histoire de l'empire Ottoman, par Demetrius Cantemir, prince de Moldavie. Traduite par m. de Joncquières. Pans. MDCCXLIII. T. 1. Pp. 114 et 115.*

3. Слово это было произнесено малолетним сыном князя Димитрия Щербаном 14 марта на греческом языке и тогда же напечатано в переводе на русский и латинский.

4. Это описание Кантемирова дома заимствовано из дневника Берхгольца, но он, очевидно, по недоразумению, называет его построенным «на китайский манер».

5. Сведения о Кондоиди см. в сочинении И.А. Чистовича о Феофане Прокоровиче, в письме М. Схенда Фанербекка под заглавием «*Praesens Russiae litterariae status*» (в *Acta physico-medica Academiae Caesariae Leopoldino-Carolinae, 1727*) и в V. P. Kohlii, *Introductio in historiam literariam Slavorum. Altonaviae 1729. P. 26.*

6. Об Ильинском см. Пекарского «Наука и литература при Петре». Т. I. С. 233 и 236; Материалы для истории Императорской Академии наук (записка Г.-Ф. Миллера). Т. VI. С. 103; Сочинения Тредьяковского. Т. I. С. 777 (издание Смирдина).

7. Время означенных свиданий Кантемира с царем определяется точным указанием «Истории о роде Кантемиров» на место, где они происходили, то есть на Москву. По возвращении из-за границы Петр впервые отправился туда 15 декабря 1717 года, а прибыл обратно в Петербург 23 марта 1718 года; затем он не ездил в Москву до конца 1721 года, когда Кантемир уже прочно основался в Петербурге.

8. *Das veränderte Russland. Frankfurt. 1744. I-er Th. S. 334.*

9. В первые именно годы своего пребывания в России Димитрий Кантемир написал самые крупные из своих сочинений, между прочим «Историю Османского государства».

10. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Басевича. Перевод И. Аммона. М., 1866. С. 103 и 104.

11. Сборник Имп. Русск. Историч. Общества. Т. XL. С. 369-371.

12. *Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople, par le marquis de Bonnac. Publié avec un précis de ses negotiations à la Porte Ottomane par Ch. Schefer. Paris. MDCCCXCVI. P. 121.*

13. Записки о России при Петре Великом. С. 104.

14. Современные известия об отношениях Петра к княжне Марии Кантемировой находятся в депешах де Кампредона (Сборник Имп. Русск. Историч. Общества. Т. XLIX. С. 114 и 352) и в записке царского дипломатического агента (Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, 13. XI); позднейшие - в *Anecdotes Шепера (Londres. 1792). Т. IV* и в *Memoires du prince Pierre Dolgorouki. Génève. 1867*. Ср. также Архив князя Куракина. Т. I. С. 93 и Сказания о роде князей Трубецких. С. 183.

15. Ныне Клецкая станица, близ Дона, в Усть-Медведицком округе.
16. В завещании князя Димитрия эти драгоценности оценены в 30 000 р., но в завещании, сделанном княжной Марией в 1725 году (см. о нем ниже), прямо указана ошибочность этой оценки, и она понижена до 10 000 р.
17. Московский архив министерства юстиции, дела юстиц-коллегии, вязка № 2491. Д. 24. Сообщением этого документа, а равно и некоторых других, упоминаемых ниже, мы обязаны директору означенного архива Д.Я. Самоквасову, за что считаем долгом выразить ему нашу искреннюю признательность.
18. Слова секретаря прусского посольства И.-Г. Фокеродта в *E. Hertmanns Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands*. Leipzig, 1872. С. 98.
19. Сочинения князя А.Д. Кантемира. Издание И.А. Ефремова. Т. II. С. 344-349.
20. В генеалогических трудах князя Н.Н. Голицына брак этот отнесен неверно к 1724 году; точная дата его указана в книге Н. Н. Бантыша-Каменского о роде князей Кантемиров.
21. Сборник Имп. Русск. Историч. Общества. Т. XCIV. С. 600-607; Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. С. 230-232.
22. 25 февраля 1728 года князь И.Ю. Трубецкой был возведен в звание генерал-фельдмаршала, хотя его военные заслуги были очень незначительны.
23. Ныне в Княгининском уезде Нижегородской губернии.
24. А.И. Салтыкова родилась в 1697 году.
25. Она родилась в 1711 году.
26. Жизнь графа Б.П. Шереметева. Российское сочинение (Ф.Г. Миллера). Спб., 1808. С. 197. Княжна В.А. Черкасская никогда и впоследствии не получила фрейлинского звания.
27. Сатира IV по второй редакции, стихи 151-162.
28. А.И. Терещенко в своем «Опыте обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России» (Т. II. С. 302), сообщает, что к княжне В.А. Черкасской и к ее матери относятся несколько злых намеков в VII сатире Кантемира. Не знаем, насколько это справедливо; но во всяком случае указание Терещенка не может быть поставлено в связь с приведенными в тексте нашей статьи словами из письма княжны Марии: VII сатира написана в 1739 году, на шесть лет позже письма. Княжна Мария намекает на какие-нибудь ранние произведения брата - если не на его любовные песни, то, может быть, на сатиру II, первая редакция которой относится к началу 1731 года и имеет название «На зависть и гордость дворян злонравных». Некоторые намеки этой сатиры могли бы относиться к тщеславному князю И.Ю. Трубецкому, родному дяде княгини М. Ю. Черкасской и двоюродному деду ее дочери.
29. Сборник Имп. Р. Истор. Общества. Т. LXVI. С. 253 и 313, ср. С.М. Соловьева «История России». Т. XIX (М., 1869). С. 330.
30. Сборник Имп. Р. Истор. Общества. Т. LXVI. С. 398.
31. *Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie*. Londres. MDCCL. P. CXXX.

32. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Стб. 215; Памятники новой русской истории. Т. I. С. 194-306; Русский Архив. 1871. С. 035-070.

33. Русский Архив. 1896. Ч. I. С. 100; Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания графа Эрнста Миниха. СПб., 1891. С. 30.

34. Записки артиллерии майора М.В. Данилова. М., 1842. С. 64.

35. Подлинник этого письма хранится в государственном архиве. Копия с него, вместе с другими, доставлена профессором Варшавского университета В.Н. Александренком во II отделение Академии наук, которое печатает ныне переписку князя А.Д. Кантемира. Из того же сборника извлечены еще некоторые приводимые ниже данные, относящиеся к излагаемому делу.

36. Княжна намекает на известную восточную сказку, один из вариантов которой был переведен М.А. Гамазовым и напечатан в «Записках Восточн. Отделения Имп. Русск. Археолог. Общества». Т. V; только по этому варианту срок выучки осла не тридцатилетний, а пятилетний. Содержание сказки видно из разговора некоего Мехмеда со своею женой; приводим этот разговор, составляющий заключение сказки:

«Мне этого осла халиф отдал в науку.

Взялся в пять лет я научить

Осла царева говорить!»

- «Спасибо за услугу! -

Жена кричит забавнику супругу.

- Ты спятил, кажется, с ума!..»

Мехмед в ответ: «Мне, царь и то сказал,

Что, если я солгал,

И говорить осла заставить не сумею,

То с головой проститься я имею.

Но ты подумай только об одном,

Что в пять-то эти лет все может стать вверх дном:

Иль окачурюсь я, ослов учитель,

Иль дуду даст сам повелитель,

Иль околеет ученик;

А между тем... ведь срок велик:

Пусть думают, что я ослов учу и школо, -

На царском-то осле я покатаюсь вволю!»

37. Очевидно, княжна, принимая искателя ее руки, надела на себя драгоценности, завещанные ей отцом.

38. На реке Кинели, в нынешней Самарской губернии, которая в первой половине XVIII века была еще пустынною местностью, без всякого почти русского населения.

39. Сведения о Ф.В. Наумове см. в Русском Архиве 1885 года. Кн. I. С. 383 и Кн. II. С. 230, 232 и 289; в Русской Старине 1874 г. Т. IX. С. 185, и 1878 г. Т. XXIII. С. 743; в Сборнике Имп. Русск. Истор. Общества. Тт. 55, 56, 63, 69, 79, 84 и 94; в Памятниках нов. русск. истории. Т. II. Отд. 2. С. 209; в сочинении Д.А. Корсакова: Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 234 и в

сочинении П.Н. Петрова: История С.-Петербурга. С. 350. По возвращении в Петербург в 1738 году Наумов сделался верным слугой новых сановников; в 1739 году состоял членом комиссии, судившей князей Долгоруких, а в 1740 году участвовал в расследовании дела Волынского; при правительнице Анне Леопольдовне он был назначен генерал-полицмейстером и снова сенатором, а умер в 1760 году. Женат он был на дочери сенатора Михаила Михайловича Самарина; из его детей от этого брака достигла совершеннолетия только одна дочь Анна, бывшая за князем Андреем Михайловичем Белосельским-Белозерским; она унаследовала от отца богатую Киясовскую вотчину в Коломенском уезде, о которой см. записки А.Т. Болотова. Т. II. Ст. 363 и след.

40. Получив отказ от княжны Марии, Ф.В. Наумов не оставил, однако, мысли о браке: в 1740 году он уже был женат, и вторая его жена, Мария Николаевна, поминается в числе участниц в погребальной процессии императрицы Анны (Внутренний быт Русского государства 1740-1741 годов. Кн. I. С. 476). Детей от второго брака Ф.В. Наумова не известно.

41. *Opere del conte Algarotti*. Т. V. In Livorno. MDCCLXIV. Pp. 67, 74 -78.

42. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. II. С. 111-118.

43. Синчапкой княжна Мария называет беличий мех; это обруселая форма слова синджаб, общего языком арабскому, персидскому и турецкому и означающего белку, беличью шкурку, беличий мех.

44. Русский Архив 1875 г. Т. I. С. 116-120; Нижегородский Сборник, издаваемый А.С. Гацисским. Т. IX. С. 227-288.

45. После смерти Антиоха Кантемира в Париже в 1744 году была составлена опись его библиотеки, и в ней оказалось 847 сочинений и до 1000 томов; опись эта напечатана в брошюре проф. В.Н. Александренка: К биографии князя А.Д. Кантемира. Варшава, 1896 (отдельный оттиск из Записок Императорского Варшавского университета).

46. Кантемир довел сей перевод до окончания, но труд его остался неизданным; ныне рукопись этого перевода принадлежит В.Г. Дружинину, который напечатал ее описание и Кантемирово предисловие к Юстину в своей статье «Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира» (Журнал Министерства Народного Просвещения 1887 г. № 12).

47. По всему вероятно, все эти древние авторы были высланы княжне братом в итальянских переводах.

48. В XVII и XVIII веках неоднократно издавались сборники произведений итальянских лириков, обыкновенно носившие заглавие: «*Rime de'piu illustri poeti italiani*». Один из таких сборников был в руках княжны Марии, как видно из ее писем.

49. Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны С.А. Салтыкову 1732-1742 годов. Чтения в Моск. Общ. истории и древн. росс. 1878. Кн. I. С. 97 и 98.

50. Сборник Имп. Русск. Истор. Общества. Т. 86. С. 573.

51. Там же. Т. 91. С. 107 и 108.

52. Сборник Импер. Русск. Истор. Общества. Т. 86. С. 226 и 227.

53. Там же. С. 337.

54. Исторические бумаги XVIII века. Русская Беседа. 1860. Кн. II. Отд. 2. С. 187 и 188.
55. Чтения в Моск. Обществе истории и древностей Росс. 1878. Кн. 1. С. 6.
56. Там же. С. 62, 77, 102, 107, 109 и 110.
57. Сборник II отдел. Имп. Акад. Наук. Т. IX. Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. С. 135.
58. Об этой размолвке Миниха с Бироном, виновником которой был Левенвольде, см. записки Миниха-сына: Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891. С. 32-35.
59. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL. Pp. LXVI et LXVII.
60. Об этом, доселе не найденном стихотворении Кантемира, упоминается в переписке его с Черкасским, относящейся к декабрю 1736 - январю 1737 г. и сообщенной в Академию Наук профессором В. Н. Александренком.
61. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL. Pp. LXXX et LXXXI.
62. Письма Кантемира к Замбони и Озорио известны нам из сообщений, присланных в Академию Наук профессором В. Н. Александренком.
63. См. статью проф. В.Н. Александренка «Переписка барона М. А. Корфа с князем М.А. Оболенским по поводу "Московских писем"» в Журнале Министерства Народного Просвещения 1892 г. № 2.
64. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Pp. LXIX et LXX.
65. Сочинения Кантемира. Т. I. С. 321. Заметим, кстати, что и Трубецкой в молодости «не худые стихи составлял», как свидетельствует Кантемир в примечаниях к своей VII сатире (Там же. С. 160).
66. Сборник Имп. Рус. Истор. Общества. Т. 96. С. 348, 633-637, 648-657, 669 и 677.
67. Письма Кантемира к Лестоку известны нам из сообщений профессора В.Н. Александренка в Академию Наук.
68. Письма Кантемира к М.И. Воронцову напечатаны в I томе «Архива князя Воронцова».
69. Об этой Иоанне см.: Heblig. Russische Günstlige. Pp. 213 и 249.
70. О Вишневском см. в труде А.А. Васильчикова «Семейство Разумовских». Т. I. С. 3 и 4.

Источник: Майков Л. Княжна Мария Кантемирова // Русская старина, 1897. Т. 89. № 1. С. 49-69; № 3. С. 401-417; Т. 90. № 6. С. 425-451; Т. 91. № 8. С. 225-253.

Леонид Николаевич Майков (28 марта (9 апреля) 1839, Санкт-Петербург - 7 (19) апреля 1900, Санкт-Петербург) - видный исследователь истории русской литературы, действительный член Петербургской Академии наук.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОЛДАВИИ

1684 г. января 1

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛДАВСКОГО ДУХОВЕНСТВА И БОЯРСТВА К ЦАРЯМ ИВАНУ И ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧАМ С ПРОСЬБОЙ О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ В ОСВОБОЖДЕНИИ МОЛДАВИИ ОТ ТУРЕЦКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Благочестивейшим, тишайшим, самодержавнейшим, пресветлым и в Христа Бога благоверным государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчичем, и дедичем, и наследникам и обладателям, богом венчанным и богом хранимым, молим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да подаст светлому вы царствию многолетний живот, здравие телесное с душевным спасением, благоденствие и благопоспешение, и на вся враги видимыя и на невидимыя светлое одоление и победу, и да покорит Господь Бог под ноги вашего пресветлаго и святаго царства враги креста Христова. О пресветлые и превеликие святии царие! Да избавит и нас крепкая ваша святая царская десница от враг наших, нас убогих, нас уничиженных, от гордых варваров убоженных и порабощенных смиренных христиан, рабов вашего превеликаго и пресветлаго царства и святаго скипетра, присно от востока сияющаго и всю поднебесную освещающаго, да осеет и нам убогим о Христе. Аминь.

Мы, смиреннии рабы святаго вы царства, вси обывателие Молдавския земли, святителие, бояри и вси купно всякаго возраста и сана, руще спрятавше, колена преклонше, низко челом бьем и единогласно вопием от всего сердца и от всея души, слезы непрестанныя от очей наших проливаем, вопль испущаем, воздух раздирающе, святых монастырей священноинноцы и иноцы и священницы, старцы с юнотами, плачем, молимся: да избавите нас от находящих на нас бед, приближающимся нам уже к конечной погибели от безбожных турков и татаров, иже начаша подати яд свой варварский и готови опустошити землю нашу ненависти ради и зависти, видяше свою поганскую силу ослабленную и умаленную от слуг Христовых, в начале же от немецкаго воинства и польскаго. Того ради и мы, смиреннии раби вашего превеликаго и светлаго, и святаго царства, видячи гнев Божий на агаряни, на проклятии турки и татары, к тому отречаемся их не обладати над нами, послахом с молением к нашему доброму государю Стефану Петру воеводе, иже бысть отстранен от столицы молдавской и от отчизны своей до Польской земли. Того ради по молению нашему сотворил и прииде от странничества от Польской земли до своего престола молдавскаго, яко отчич и дедич земли нашей и престола Молдавии, и ныне на престоле есть господарь и обладатель престолу молдавскому и всей Молдавии. И видящи агарянов, готовых на опустошение земли нашей и на погубление наше, советова нам милостивой государь Стефан Петр воевода со архиереями и с верными бояры, с нами, рабы великаго и пресветлаго, и святаго вы царства, и посла преосвя-

щеннаго отца нашего Досифея митрополита молдавскаго и вернаго боярина Лупула каманаря общим советом, молимся вашему превеликому, и светлому, и святому царству: умилосердитесь и избавите нас от враг наших, пославши войска против агарянов, ускорите да не погибнем. От иные бо страны ниоткуда надежды о избавлении, токмо на святое вы царство; и милость Божия присно буди с великим и светлым, и святым вы царством, да не оскудеет царь от рода вашего и вождь от бедру вашу о Христе. Аминь.

Писася року Божяго 1684 в Ясех, месяца генваря 1 дня.

Смиранный Досифей митрополит Сучавский, Иоанн епископ Романский, Сава епископ Родоуцкий, Митрофан епископ Гужский, Ракович великий логофет, Гавриил Костакий великий дворник, Ионашко Бокша дворник, Феодосий Дубов великий спатор, Илия Моцок медельничар, Савин медельничар, Иона Раковизь погарник, Жора ключарь, Гинкуль стольник, Донич ключарь, Иван спафарий, Феодор Накул, Василий Прежескул, Иван Исарь, вистарник Крусаний, вистарник Стефан Шолдан, Федор Иордакий великий истарник, и все господарство наше великие и малые, нижайшие рабы царствия вашего, все в подданство предаемся¹.

Источник: Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 3. № 11. Л. 1-2 об. (копия). Опул.: Полн. собр. законов Российской империи. Т. 2. № 1324. С. 957-958; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV - начале XVIII в. Документы и материалы в 3 т. Т. 3: 1673-1711. М., 1970. № 24. С. 77-78.

1711 г. апреля 13

«ДИПЛОМ И ПУНКТЫ» ПЕТРА I МОЛДАВСКОМУ ГОСПОДАРЮ ДИМИТРИЮ КАНТЕМИРУ

Божию милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем чрез сие всем, кому о том ведати надлежит, что понеже салтан турской, препомня свое обещание и присягою утвержденные мирные договоры тридесятилетнего покоя, которые от него прошлого 1710-го году с нами возобновлены и грамотою его с клятвою утвержены, нарушил, и без всякой данной ему от нас причины, противно мирному содержанию, и посла нашего, варварски обругав и ограбя, в жесткое заключение посадить повелел, и, чрез впадение хана крымского с Крымскою и Нагайскою и Буджацкою ордами в земли наши, войну против нас уже действительно начал, того ради мы, великий государь, наше царское величество, призвав вышшаго на помощь, уповая на правость оружия своего, против оногo також войну объявили и войскам нашим в земли Турския под собственным приводом персоны нашае вступать повелели, уповая, что всевышний нам на сего вероломнаго и наследнаго, не токмо нашего, но и всего христианства, неприятеля победу подаст и от злаго его намереннаго на нас гибелнаго замыслу не токмо избавит, но оружием нашим христианским и инья многия, под игом его варварским стенияция христианские народы свободить соизволит, в чем мы, яко христи-

анский благочестивый монарх, трудиться, не щадя и здоровья своего, к славе имени Господня готовы есмы. И понеже, видя то приближение войск наших, яснейший государь и принц Волоские земли Димитрий Кантемир, яко благочестивый христианин и поборатель по Христе Иисусе, разсудил за благо в сем звании Иисуса Христа, спасителя нашего, обще с нами трудиться и за освобождение славного народа волоского, под правительством его сущаго, купно и иных народов христианских, под игом варварским страждущих, не щадя також живота и благосостояния своего положити, нам чрез письма свои склонность свою объявил, желая того ради со всею землею и народом волоским быть под протекциею нашего величества. Того ради мы, то его христианское усердие усмотрев, приемлем его принцыпа под защищение наше милостивейше и соизволяем на предложенные от него пункты нижеписанным образом, а имянно.

1

Имеет помянутый яснейший принц волоский со всеми вельможи, шляхтою и всякого чина людьми славного народа волоского и со всеми городами и местами земли тоя быти с сего времени под защищением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно. И учинить ему, по получении сего нашего диплома, нам, великому государю, сперва секретно присягу, и для уверения написав оную, подписав рукою своею и припечатав печатью княжею, купно с разными сему пунктами, за подписью ж руки своей, прислать к нашему царскому величеству с верным и надежным человеком, как наискорее, по последней мере к последним числам месяца мая², еже у нас до вступления войск наших в Волоскую землю в выщем секрете содержится будет. А между тем показывать ему нам, великому государю нашему царскому величеству, всякую удобьвозможную верную службу в корреспонденции и в протчем, елико может, тайно.

2

Когда же наше главное войско в Волоскую землю вступит, тогда объявит ся ему, яснейшему принцу, явно, яко подданному нашему князю, и присовокупится со всем войском своим к войску нашему, на которое войско мы в то время ис казны нашей и денежную помощь учинить обещаем. И действовать обще с войски нашими, по указом нашим, против врага креста Господня и союзников и единомышленников его, елико Всемогущий помощи подаст. Також и всякими советами по искусству своему в тамошних поведаниях нам вспомогать и быть под нашею протекциею и в подданстве у нашего царского величества и наследников наших ему и наследником его вечно.

3

Против того обещаем мы, великий государь, наше царское величество, за себя и наследников наших росийского престола, что мы ни из Мультианской земли, ни из иной чуждой фамилии волоским государем учинить не можем власти имети, но, наипаче за сию его показанную к нам верность яснейшего князя Димитрия Кантемира, его и фамилии его мужеска роду наследники при том правительстве и княжестве Волоской земли непременно содержать с титулом княжеским, изымая токмо в таком случае, ежели б кто из

оных отменил веру святых восточных церкви или отступил от верности нашего царского величества.

4

Однако ж ежели б кому такому недостойному, что Бог да отвратит, по нашему, царского величества, указу учинилась отставка (или по узаконению святой церкви отцев и гражданским правам какое наказание)*, то да имеет наследствовать сын оного, однако ж ежели оной добрая верности обретен будет. Ежели же о верности его сомнение б было, то имеет другой достойной, верный и беспорочный из той же Кантемирской фамилии того княжества наследствовать достоинство, и не имеет никаким образом княжеское достоинство до окончания их фамилии проходить, но и во чреве сущаго младенца под управлением опекунов из волоского народа, по нашему, царского величества, соизволению избранных, ожидать, пока наследник родится.

5

Аще бы кому княжество Волоское прежним владетелем от нас и обещанно было, то обещание сим отставляется.

6

По древнему волоскому обыкновению, вся правительства власть будет при князе волоском.

7

Князь во всех и всяких волоских боярях власть по прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их.

8

Князь по древнему обыкновению всеми волоскими городами, аки собственными местностями, всегда владеть может и во всех доходах княжества сего никакой убавки и ущерба да не имел бы.

9

Велможы и все княжества Волоского подданные, без всякой отговорки и предлога, повелению князю должны да будут покаряться (как прежде сего всегда обыкновенно было), кроме изъятия изображенного в третьем пункте, в котором случае ему послушания отдавати должны не будут.

10

Всякое право и суд при князе да будет, и без княжеского диплома ничто подвержено или оставлено от нашего царского величества не будет.

11

Княжество Волоского земли, по древнему волоскому определению, праву князю подлежати имут, которое описуется рекою Днестром, Каменцем, Бендерем, всем Буджацким краем, Дунаем, мультянскою и седмиградскою границею и польскими рубежами, по разграничению со оными учиненными.

12

Крепости княжества Волоского, и города, и иныя какия ни будь укрепленные места княжеским гарнизоном или с соизволения княжеского от нашего царского величества по потребности содержаны и осажаны быти имуть.

* Здесь и далее скобки рукописи.

13

Естли когда между нашим царским величеством и салтаном турским мир сочинится может, то княжество Волоское обороны и защиты нашего царского величества никогда лишено да не будет, а наипаче домогаться между главными пунктами волоскими, чтоб княжество Волоское к нашему царскому величеству надлежати должно было.

14

Ежели неприятель (что Всемогущий Бог да отвратит) усилится и Волоское владетельство в поганском владении останется, то он, яснейший принц волоский, в таком случае имеет наше соизволение в наше государство прибежище свое иметь, и во оном ис казны нашего царского величества повсягдно толико расходу иметь будет, колико князю довольно быть может, також и наследники его нашего царского величества жалованья вечно не будут лишены.

15

Владение и палаты, которые он в Цареграде имеет, а для нашего царского величества там оставляет, равныя и подобныя тем от нашего царского величества в Москве пожалованы ему будут.

16

Обязуемся, что мы и нашего царского величества наследники сии пакты свято сохранить и ненарушимо подтвердить и вечно содержать должны были имут.

17

Сей диплом и пункты действо и силу свою тогда иметь будет, егда по изображению во оном яснейший князь Дмитрий Кантемир нам, яко же выше реченно, пред Святейшею Троицею клятвы в верности, и что указам нашим всегда повиноватися и верныя и чистыя службы показывати имать, учинит, и оную присягу и пункты, подписав рукою своею, к нашему царскому величеству пришлет и по оным исполнить неотменно потщится, и по вступлении войск наших и всех велмож, и шляхту, войско, и весь народ волоской к присяге в верности нам приведет и с войски нашими соединится, за что взаимно мы, великий государь наше царское величество, оного со всем народом волоским от всех неприятелей оборонять и никогда оставить обещаем.

Во утвержение сего дан сей наш императорский диплом, за приписанием руки и припечатанием государственных печати нашея, в Луцку, апреля 13 дня 1711-го году.

ПЕТР.

Граф Головкин.

Источник: РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 3. № 19. Л. 1-4 (копия). Опубл.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. II. Вып. 1. М., 1962. № 4385. С. 173-177; Исторические связи народов СССР и Румынии... Т. 3. М., 1970. № 113. С. 323-327.

1711 г. июня 16

**ПИСЬМО ПЕТРА I МОЛДАВСКОМУ ГОСПОДАРИЮ ДИМИТРИЮ
КАНТЕМИРУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ВОЕННУЮ ПОМОЩЬ И О
ПЛАНАХ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ**

Светлейший князь.

Светлости и любезности вашей в 8 день июня к нам данное писание пред двумя днями добре нам вручено, и понеже вам тогда на оное ответствовать разными делами забавны и препяты были, то государственному канцлеру нашему графу Головкину оное учинить повелели. Ныне же оставить невосхотели есмы любезность вашу, о милостивой нашей склонности и благом к вам намерении обнадежити и объявити, коль приятна нам была оная ведомость, что любезность ваша, как скоро генерал наш фелдмаршал граф Шереметев с знатною частию кавалерии нашей в подданную вам правинцию вшел, обещание, которое вы по постановленному договору нам учинили, презрядно исполнил: себдя, оружие свое и войска к нам присоединил³. Мы истинно оное приятным сердцем признаваем, и не токмо оное во всяком случае делом самим признаем, но и в том пребудем, что любезность ваша оные надежды не лишитея, которую себе из сего в протекцию нашу отдания восприяти уповаете, но чаемой плод и ползу с потомством своим совершенно получать и иметь со всею землею своею будете.

Что же принадлежит в войске нашем, и от любезности вашей прилежно желаем, чтоб не токмо помянутого нашему фельдмаршалу во учинении действ против неприятеля и в других случаях мудрыми своими советами вспомогать, но и о пропитании войска нашего, как того, что там, так и с нами идущаго главного, попечения иметь. И естли потребного хлеба ни из земель неприятельских и ни за денги и належашую плату получить невозможно, то при оскудении хлеба войску довольно волами и овцами между тем, покамест отгинуды при вступлении в неприятельскую землю промыслить возможем, вспомочь и удоволство учинить подщитесь, и тем самим как любезность ваша нас попремногу обяжет, так и оное всякое милостью наградить подшимся. Мы, как можем, поспешаем со всею нашею Главною армиею в случение к вам. И ныне уже две дивизии пошли от Днестра, и утре и мы чрез Днестр перейдем и пойдем в марш свой⁴.

Пребываем при сем милостию нашею к вам склонный.

ПЕТР.

Из обозу от Сороки, июня 16-го дня 1711.

Источник: РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г.. № 4. Л. 12-12 об. (копия). Опубл.: Письма и бумаги. Т. 11 Вып. 1. № 4521. С. 291-292; Исторические связи народов СССР и Румынии... Т. 3. № 115. С. 336-337.

ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПРИ РЕКЕ ПРУТ, 12 ИЮЛЯ 1711 Г.

Божиею милостию Пресветлейшаго и Державнейшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича, Всероссийскаго Самодержца и проч. и проч. и проч. Мы нижеименованные полномочные, объявляем чрез сие, что мы по указу Нашего Всемилостивейшаго Царя и Государя и по данной полной мочи постановили: Пресветлейшаго и Державнейшаго Великаго Государя Салтана Ахмета Хана с Сиятельнейшим Великим Визирем Магмет Пашею по учинившейся между обоими Государствами ссоре, последующий договор о вечном мире.

I. Понеже прежней мир у Его Царскаго Величества с Его Салтановым Величеством разорвался, и оба войска между собою в бой вступили, и потом не допуская крайняго разлития крови человеческой, требовано паки мир учинить, на которой соглашеность, чтоб вечной мир учинить на семь, дабы Турком завоеванные их города отдать, а новопостроенные разорить, и с обеих сторон пусты да будут; вся же артиллерия, аммуниция и прочие введено в сторону Царскаго Величества да будет; только пушки обретающияся в Каменном Затоне уступить в сторону Турецкую.

II. В Польския дела с обеих сторон не мешаться, також и их подданных ни чем присвоять, ни их, ни земель их.

III. Купцам, как Царскаго Величества подданным в Турское Государство, так и Салтанова Величества подданным в Российское Государство, приезжать и отъезжать и торговать свободу иметь.

IV. Понеже Король Свейской под защищение Его Салтанова Величества пришел, того ради Его Царское Величество, для любви Его Салтанова Величества. Онаго свободно и безопасно до Его земель пропустить соизволяет, и ежели между Ими соглашеность и соизволено быть может, то с ним и мир учинить.

V. Дабы впредь на обе стороны, как Российским, так и Турским подданным никаких обид и убытков ни от кого учинено по сим пактам не было.

VI. По сим пактам все прежние неприятельские поступки забвению да предадутся, и по разменении сих пактов (о котором размении мы полную мочь имеем) войска оба без помешательства друг другу да отойдут, и ни от кого в пути друг другу досады имети да не будут.

VII. Турские невольники, сколько оных в Государстве Его Царскаго Величества и здесь в обозе обретаются, свободнены быть имеют; против того ж и в стороне Салтанова Величества, все после разорвания прежняго мира, Российские подданные пленные освобождены будут. Во утверждение, мы сей трактат собственными руками подписали и печатъми припечатали, и со Его Сиятельством Великим Визирем разменились.

ЗАПИСЬ ТУРЕЦКОЙ СТОРОНЫ

Вина истиннаго писания нашего есть сия. Понеже Бог есть создатель всего мира, в помощь войск мусульманских (которых конец есть всегда побе-

дитель) при бреге реки Прута, Царь Московский от великаго притеснения и смертоносных баталии понеже обезсилел, благостию милостиваго и благаго Бога, молил чтобы помириться, и нарицаемой Царь с Своей стороны просил мира. И мир и согласие в сей образ учинился: город Азов, как был когда взят со всеми его первыми вещьми и со всем припасом, отдать назад, Великому Царствию; и Таган и Каменку и на реке Самаре новый город весьма разорить, пушки и пушечной (гранатной) двор, который есть в Каменке, все цело отдать же Великому Царствию. И отсель впредь в именуемых местах, со обеих сторон больше впредь города не строить, и Поляков и Черкас и Запорожцев (Барабашидес) (Подкалес), которые суть в их подданстве, и казаков, которых Хан Крымской Сиятельнейший Девлет-Гирей Хан, имеет в своем покорении, со стороны Царской чтобы никако их не замать. И якоже было и начало от всех тех мест да отымет руку Свою; и от ныне и впредь (опричь купецких людей, которые похотят сухим путем приезжать и отъезжать) под именем посла от стороны Его ни кто б в Цареграде не жил; и сколько полоняников мусульманских, ныне и прежде взято отдать назад Великому Царствию, и Король Шведской, который припал под протекцию и милость Великаго Царствия, отныне и впредь именуемый король Шведской, еже бы итти Ему в Свое место безопасно и без всякаго препятствия от страны Царя никако да не возбраняется, а ежели найдется какой образ и посредство между Ими учинить любовь (мир), и отныне и впредь от страны Великаго Царствия Московским, и от Их страны к подданным и местам области Великаго Царствия никаким образом никакой доуки не быть бы, ниже какому безчинию. Чего ради учинилися сии статьи и союзы, а на преступление (претечение) за границу, которое учинили, дающему Богу, пойдем в Цареград, будем молить милость Пресветлейшаго Милостивейшаго Величайшаго Государя Нашего и Царя нашего, чтобы не смотрел но по образу как сказяхом в вышшей статьи и договор да совяжутся, и дадутся с обеих сторон секурита; и понеже мы имеем всю Наместническую власть, написахом сию кабалу и дахом в руки их, и все статьи, которыя пишутся в кабале их, и да окончатся от страны именованнаго Царя аманаты, которые взяхом и от обеих стран дающе и берегуще Московския войски их прямо во свояси хотяще, да пойдут, хотя от стран войск мусульманских, хотя от тайфан (народов) Татарских и иных, ниже како либо препятия и заманья да не имеют. И вышесказуемая вещи егда дадутся, тогда от обеих стран дающе и берегуще ахтинамедес, (подтвержательныя грамоты) от страны Царя в том подлог разчинении и за аманат взяты и в Дворе Высочайшаго Царствия посланы. Царев Советник, верующий в Мессию, честнейший Барон Канцлер Петр Шафиров и сын сына Шереметева сына Бориса Генерала Михаил (которых последняя да будут добры) исполнив службу свою без всякаго замотчания, ради отъезда во свояси от страны Великаго Царствия воспримут повольность и власть; и сего ради сия zde тако написавшася.

Лета 1123 Чемизиула-Кар в 7 день.

ИМЕННЫЙ УКАЗ, ДАННЫЙ СЕНАТУ, 15 ИЮЛЯ 1711 ГОДА.

Господа Сенат! Хотя Я николи б хотел к вам писать о такой материи, о которой ныне принужден есмь, однакож понеже так Воля Божия благоволила (и грехи Христианские не допустили). Ибо Мы в 8 день сего месяца, с Турками сошлись, и с самого того дни, даже до 10 числа полудень, в превеликом огне неточию дни но и ночи были, и правда, никогда как и почал служить в такой дисперации не были (понеже не имели конницы и провианту), однакож Господь Бог так Наших людей ободрил, что хотя неприятели вщце 100 000 числом Нас превосходили, но однакож всегда отбиты были, так что принуждены сами закопаться и апрошами яко фортецию Наши единья только рогатки добывать, и потом когда оным зело надокучил Наш трактамент, а Нам вышереченное, то в вышереченной день учинено штильштанд и потом сгодились и на совершенной мир, на котором положено все города у Турков взятые отдать, а новопостроенные разорить: и тако тот смертный пир сим кончался.

И потом Мы взяли Свой марш до Живатца (Польское место).

P.S. Сие дело есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однакож чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью Нам есть.

Источник: Договоры России с Востоком политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 11-15.

ТРАКТАТ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В БУХАРЕСТЕ 16 МАЯ 1812 ГОДА

Во имя Господа всемогущего!

Его Императорское Величество всепресветлейший и державнейший великий государь император и самодержец Всероссийский, и Его Величество всепресветлейший и державнейший великий государь император Оттоманский, имея искреннее взаимное желание, дабы продолжающаяся настоящая между обоюдными державами война прекращена, мир же, дружба и доброе согласие прочным образом восстановлены были, рассудили за благо сие праведное и спасительное дело препоручить старанию и руководству главных уполномоченных к тому, и именно: от Его Императорского Величества самодержца Всероссийского, сиятельногошего графа Голицына-Кутузова, генерала от инфантерии, главнокомандующего армией, всех российских орденов, большого креста императорско-австрийского ордена Марии Терезии кавалера и командора державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, а от Его Величества императора Оттоманского, сиятельногошего и высокопревосходительного господина Верховного визиря Блистательной Порты Оттоманской Агмед-паши, с тем, чтоб для постановления, заключения и подписания мирного договора избраны, назначены и подлежащей полной доверенностью от обеих сторон снабжены были достойные особы; вследствие чего от

стороны Российской императорской избраны, назначены и уполномочены превосходительные и высокопочтенные господа: Андрей Италинский, Его Императорского Величества тайный советник, и проч., Иван Сабанеев, от армии Его Императорского Величества генерал-лейтенант, начальник Генералштаба Дунайской большой армии, и проч., и Иосиф Фонтон, Его Императорского Величества действительный статский советник, и проч.; со стороны же Блистательной Порты Оттоманской превосходительные и высокопочтенные господа: Эссеид Саид Магоммед Халиб-эфенди, действительный кегай-бей Блистательной Порты Оттоманской; Муфти-заде Ибрагим Селим-эфенди, кази-аскир Анадольский, действительный судья армии Оттоманской, и Абдул Гамид-эфенди, действительный еничерилери киатиби, которые, собравшись в городе Бухаресте, по размене своих полномочий, постановили нижеследующие статьи:

Ст. I. Вражда и несогласие, существовавшие досель между обеими высокими империями, прекращаются отныне впредь сим трактатом, как на суше, так и на воде, и да будет на веки мир, дружба и доброе согласие между Его Императорским Величеством самодержцем и падишахом Всероссийским и Его Величеством императором и падишахом Оттоманским, их наследниками и преемниками престолов и обоюдными их империями.

Обе Высокодоговаривающиеся Стороны приложат неусыпное старание об отвращении всего, что могло бы причинить вражду между обоюдными подданными; они исполнят в точности все, сим мирным трактатом постановленное, и будут строго наблюдать, чтобы впредь ни с той, ни с другой стороны, ни явным, ни тайным образом не было поступаемо вопреки настоящему трактату.

Ст. II. Обе Высокие Договаривающиеся Стороны, восстанавливая, таким образом, между собой искреннюю дружбу, соизволяют на амнистию и общее прощение всем тем из их подданных, кои, в продолжении оконченной теперь войны, участвовали в военных действиях, или каким бы то ни было образом, вопреки интересам их государей и государств. Вследствие сей им дарованной амнистии никто из них не будет впредь обижаем или притесняем за прошедшие их поступки, но всяк, возвратившийся в свое жилище, будет пользоваться имением, коим он прежде владел, под защитой и покровительством законов, наравне с другими.

Ст. III. Все трактаты, конвенции, акты и постановления, учиненные и заключенные в разные времена между Российским Императорским двором и Блистательной Портой Оттоманской, во всем совершенно подтверждаются как сим трактатом так и предыдущими, выключая токмо те статьи, кои по временам были подвержены переменам; и обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязываются соблюдать их свято и ненарушимо.

Ст. IV. Первой статьею предварительных пунктов, наперед уже подписанных, постановлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря, будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее. Небольшие острова, кои до войны не были обитаемы, и начиная напротив Измаила до помянутого устья Килийского находятся ближе к левому

берегу, имеющему принадлежать России, не будут обладаемы ни единой из обеих держав, и на оных впредь никаких не делать укреплений, ни строений, но островки сии останутся пусты, и обоюдные подданные могут туда приезжать единственно для рыболовли и рубки леса. Стороны двух больших островов, лежащих напротив Измаила и Килии, также пустыми и незаселенными останутся пространством на час расстояния, начиная с самого ближайшего пункта помянутого левого берега дунайского; пространство сие будет означено знаками, а жилища до войны бывшие, равно и старая Килия, останутся за сей порубежной чертой. Вследствие вышепомянутой статьи, Блистательная Порта Оттоманская уступает и отдает Российскому Императорскому двору земли, лежащие по левому берегу Прута, с крепостями, местечками, селениями и жилищами, тамо находящимися, середина же реки Прута будет границей между обеими высокими империями.

Купеческие корабли обоих Дворов могут, как и прежде, въезжать в помянутое устье Килийское, а равно и по всему течению реки Дуная. А что касается до военных кораблей Российского Императорского двора, то оные могут там ходить с Килийского устья до соединения реки Прута с Дунаем.

Ст. V. Его Величество император и падишах Всероссийский отдает и возвращает Блистательной Порте Оттоманской землю Молдавскую, лежащую на правом берегу реки Прута, а также Большую и Малую Валахию, с крепостями, в таком состоянии, как они теперь находятся, с городами, местечками, селениями, жилищами и со всем тем, что в сих провинциях ни заключается, купно с островами дунайскими, выключая вышесказанные в четвертой статье сего трактата.

Акты и постановления касательно привилегий Молдавии и Валахии, кои существовали и соблюдаемы были до сей войны, подтверждаются на таком основании, как постановлено в пятой статье предварительных пунктов. Изображенные в четвертой статье Яского трактата условия будут в точности исполнены, и которые гласят тако: не требовать никакого платежа за старые счета, ни податей за все военное время, напротив того жителей сих обеих провинций уволить от всяких налогов впредь на два года, считая со дня размена ратификаций; и дать срок жителям сих провинций, желающим оттуда переселиться в другие места. Само по себе разумеется, что сей срок будет продолжен на четыре месяца, и что Блистательная Порта согласится подати Молдавии сообразить по соразмерности теперешней ее земли.

Ст. VI. Кроме границы реки Прута, границы со стороны Азии и других мест восстанавливаются совершенно так, как оные были прежде до войны, и как постановлено в третьей статье предварительных пунктов. Вследствие чего Российский Императорский двор отдает и возвращает Блистательной Порте Оттоманской, в таком состоянии, в каком теперь находятся крепости и замки, внутри сей границы лежащие и оружием его завоеванные, купно с городами, местечками, селениями, жилищами и со всем тем, что сия земля в себе содержит.

Ст. VII. Магометанские жители уступленных земель Российскому Императорскому двору, которые могли бы в оных находиться по причине войны, и природные жители других мест, оставшиеся в продолжение войны в сих

же уступленных землях, могут, буде пожелают, перейти в области Блистательной Порты с их семействами и именем и там навсегда остаться под ее властью; в чем им не токмо ни малейшего не будет чинимо препятствие, но и позволено им продать свое имение кому пожелают из тамошних подданных и вырученные за то деньги перевести в земли оттоманские. Таковое же позволение дается и природным жителям помянутых уступленных земель, имеющим тамо свои владения и находящимся теперь в областях Блистательной Порты.

На сей конец дается тем и другим восемнадцать месяцев сроку, начиная со дня размена ратификаций сего трактата, для распоряжения их вышепомянутых дел. Равным образом и татары орды Едиссанской, перешедшие в продолжение сей войны из Бессарабии в Россию, могут, буде пожелают, возвратиться в области оттоманские, но с тем, что Блистательная Порта будет тогда обязана заплатить Российскому Императорскому двору за издержки, кои могли быть употреблены на перевоз и обзаведение сих татар.

Напротив того, христиане, имеющие владения в землях, Российскому двору уступленных, а также и те, кои, будучи уроженцы сих самих земель, находятся теперь в других местах оттоманских, могут, буде пожелают, перейти и поселиться в помянутых уступленных землях, с их семействами и имуществом; в чем им не будет чинимо никакого препятствия, и им позволяется продать имение всякого рода, каким они владеют в областях Блистательной Порты, жителям тех же мест оттоманских, и вырученные за то деньги перевести в области Российской империи, им также дается на сей конец восемнадцать месяцев сроку, считая со дня размена ратификаций настоящего мирного трактата.

Ст. VIII. Сообразно тому, что постановлено четвертой статьей предварительных пунктов, хотя и нет никакого сомнения, что Блистательная Порта по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского, как издревле подданного сей державе и дань ей платящего, однако ж, взирая на участие, какое сербы принимали в действиях сей войны, признано за приличное постановить нарочные условия о их безопасности. Вследствие чего Блистательная Порта дарует сербам прощение и общую амнистию, и они никоим образом не могут быть беспокоиваемы за прошедшие их деяния. Крепости, какие могли они построить по случаю войны в землях ими обитаемых, и коих там совсем не было прежде, будут, так как оные для будущего времени бесполезны, разрушены, и Блистательная Порта вступит во владение по-прежнему всеми крепостями, паланками и другими укрепленными местами всегда существующими, с артиллерией, военными припасами и другими предметами и военными снадобьями, и она там учредит гарнизоны по своему благоусмотрению. Но дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких притеснений, в противность прав подданным принадлежащих, то Блистательная Порта, движимая чувством милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам, по их просьбам, те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и дает им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних

дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она распорядит, наконец, всеми сими предметами обще с народом сербским.

Ст. IX. Все военнопленные, как мужеского так и женского пола, какого бы они народа и состояния ни были, находящиеся в обеих империях, должны, вскоре по размене ратификаций сего мирного трактата, возвращены и выданы быть без малейшего выкупа или платежа, выключая однако христиан, принявших по собственной их воле веру магометанскую в областях Блистательной Порты, и магометан, также по совершенному их желанию принявших веру христианскую в областях империи Российской.

Таким же образом поступаемо будет и с теми российскими подданными, кои по подписании сего мирного трактата попались бы по какому-нибудь случаю в плен, и которые могут находиться в областях, Блистательной Порте принадлежащих. Российский двор обещает со своей стороны поступать в том равномерно со всеми подданными Блистательной Порты.

За суммы, употребленные обеими Высокими Договаривающимися Сторонами на содержание пленных, не требовать никакого платежа. Сверх того, каждая из обеих сторон снабдит сих пленных всем тем, что им будет нужно на проезд до границы, где они обоюдными комиссарами разменены будут.

Ст. X. Все дела и требования обоюдных подданных, отложенные по причине войны, не будут оставлены, но опять рассмотрены и решены, в силу законов, по заключении мира. Долги, какие обоюдные подданные могут иметь одни на других, а равно и долги на казне, имеют быть немедленно и сполна заплачены.

Ст. XI. По заключении мирного трактата между обеими высокими империями, и по размене ратификаций обоих государей, войска сухопутные и флотилия Российского Императорского двора выйдут из пределов империи Оттоманской. Но как нужно сообразить сей выход с состоянием мест и их обстоятельств, то обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласились назначить трехмесячный срок, считая со дня размена ратификаций, для окончательного выхода, как со стороны Молдавии и Валахии, так и со стороны Азии. Вследствие того, со дня размена ратификаций до истечения помянутого срока, сухопутные войска Российского Императорского двора совсем выйдут как со стороны европейской, так и со стороны азиатской, из всех земель, возвращенных Блистательной Порте Оттоманской сим трактатом; флотилия и все военные суда также оставят воды Блистательной Порты Оттоманской.

Пока войска российские будут находиться в землях и крепостях, имеющих возвращены быть Блистательной Порте Оттоманской сообразно настоящему мирному трактату, до истечения срока для выхода войск положенного, до тех пор управление и порядок вещей останутся в таком состоянии, в каком они теперь существуют, под властью Российского Императорского двора, и Блистательная Порта Оттоманская никоим образом не будет в то мешаться до истечения срока, назначенного для выхода всех войск, которые будут снабжать себя всеми съестными припасами и другими нужными предметами до последнего дня их выхода, таким образом, как они себя тем поныне снабжали.

Ст. XII. Когда министр или поверенный в делах Российского Императорского двора, пребывающий в Константинополе, представит записку для ис-

требования, по силе статьи VII Ясского трактата, удовлетворения за убытки, причиненные подданным и купцам Российского Императорского двора корсарами правительств Алжирского, Тунисского и Трипольского или для учинения протестов по предметам, относящимся к постановлениям торгового трактата, подтвержденного, и кои причинили бы споры и жалобы; в таком случае Блистательная Порты Оттоманская обратит внимание свое на исполнение того, что предписывают трактаты, и чтобы помянутые предметы были исследованы и решены, без всякого упущения предписаний и публикаций на таковой конец издаваемых. Российский Императорский двор будет тоже самое наблюдать в рассуждении подданных Блистательной Порты сообразно торговым постановлениям.

Ст. XIII. По заключении сего мирного трактата Российский Императорский двор соглашается на то, чтобы Блистательная Порты Оттоманская, по сходству богослужения с персианами, употребила добрые услуги свои, дабы война между Двором Российским и Персидской державой была кончена, и между ими восстановлен мир по взаимному их согласию.

Ст. XIV. По размене ратификаций сего мирного трактата главноуполномоченными обеих империй будут отправлены взаимно и без отлагательства повеления ко всем начальникам войск, как сухопутных, так и морских, о прекращении неприятельских действий; воспоследовавшие же после подписания настоящего трактата имеют быть почтены как бы неслучившимися, и не причинят никакой перемены в постановлениях, изображенных в сем трактате. Равным образом и все то, что в сие междovреме было бы завоевано той или другой из Высоких Договаривающихся Сторон будет возвращено немедленно.

Ст. XV. По подписании сего мирного трактата обоюдными полномочными, главноуполномоченный Его Величества императора Всероссийского и Верховный визирь Блистательной Порты Оттоманской подтвердят оный, и акты тому будут разменены теми же полномочиями в десять дней после подписания сего трактата, и скорее, буде можно.

Ст. XVI. Настоящий трактат вечного мира со стороны Его Величества императора и падишаха Всероссийского и со стороны Его Величества императора и падишаха Оттоманского имеет быть утвержден и ратификован торжественными ратификациями за подписаниями собственноручными Их Величеств, которые разменены быть должны обоюдными полномочными в том же месте, где и самый сей мирный трактат заключен, в четыре недели, или буде можно и скорее, считая со дня заключения сего трактата.

Настоящий мирный акт, содержащий в себе шестнадцать статей, и который будет совершен разменом взаимных ратификаций в постановленный срок, по силе наших полномочий подписан, печатями нашими утвержден и разменен на другой подобный, подписанный вышеупомянутыми полномочными Блистательной Порты Оттоманской и утвержден их печатями.

Учинено в Бухаресте, мая 16-го дня 1812 года.

Источник: Договоры России с Востоком политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 49-58.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Молдавское посольство было задержано в Киеве, а обращение вместе с другими документами было отослано в Посольский приказ. В расспросных речах 3 марта 1684 г. в Киевской приказной избе митрополит Сучавский Досифей говорил о желании молдавских и валашских правителей перейти в подданство России (Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. № 1324. С. 958-959). Из Киева посольство было отпущено обратно в Молдавию, куда было обещано послать разъяснения по вопросу о возможном принятии Молдавией русского подданства. В опубликованном в ПСЗ тексте некоторые термины переданы ошибочно. В публикации дана принятая в настоящее время транскрипция, что специально не оговаривается.

2. На основании письма Петра I от 7 мая 1711 г. В.В. Долгорукому и Б.П. Шереметеву (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. № 4436) историки пришли к выводу, что, кроме публикуемого текста, подписанного Петром I и Г.И. Головкиным, должен быть экземпляр, подписанный Д. Кантемиром, который, по-видимому, не сохранился (Исторические связи народов СССР и Румынии... Т. 3. С. 378-379).

3. 1 июня 1711 г. Г.И. Кропотов с 3 тыс. драгун и Апостол Кигеч во главе полка молдаван (около 500 человек) были у Прута. В Загаранче их встретил Д. Кантемир (Исторические связи народов СССР... Т. 3. С. 380). Молдавский господарь издал специальный манифест, призывавший народ к вооруженному восстанию против турок (РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1711 г. № 3. Л. 1 и др.). Через 15 дней после манифеста на военной службе уже состояли 17 полковников и 170 ротмистров со своими подразделениями, в которых должно было быть по 100 человек, но они еще не были полностью сформированы (Там же. С. 380). Об участии молдавских отрядов в военных действиях русских войск см.: *Кириченко Н.П.* К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. 1958. Т. 8. С. 15-28.

6 июня 1711 г. Д. Кантемир встречал в Цуцоре Б.П. Шереметева (Исторические связи народов СССР... Т. 3. С. 380). О встрече молдавских и русских войск Петр I сообщал в письмах от 8 и 15 июня 1711 г. Ф.М. Апраксину и датскому королю Фредерику IV (Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 1. № 4504, 4518).

4. Петр I прибыл к Пруту 24 июня 1711 г. и, отправив войска в Цуцору на соединение с Б.П. Шереметевым, переправился через Прут в Яссы, где был торжественно принят Д. Кантемиром, молдавским боярством, духовенством и всем молдавским народом (Исторические связи народов СССР... Т. 3. С. 381 и др.).

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

Petr Shornikov

From Confederation - to Autonomy as part of Russia. The Pruth Campaign of the Russian Army and the Evolution of the Moldavian Ethno-State Project

1. Nekulche I. O samje de kuvinte. Letopisekul Cjerij Moldovej. Kishinjeu: Kartja Moldovenjaskje, 1969. P. 234.

2. Iorga N. Basarabia noastră; Arbure Z. Liberarea Basarabiei; Boga L. Lupta pentru limba romaneacă și ideea unirii. Chișinău, 1993. R. 120.

3. Grazhul' V.S. Tajny galantnogo veka: Shpionazh pri Petre I i Ekaterine II. M.: Gejaiterum, 1997. S.23-27; Nekulche I. Op. chit. P. 237, 238; Podrobnее sm.: Shornikov P. Uchastie Dmitrija Kantemira v tajnoj vojne protiv Osmanskoj imperii. // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. redaktor S.G. Suljak. 2008. № 1-2 (11-12). S. 39-41.

4. Bessarabija na perekrestke evropejskoj diplomatii. Avtory i sostaviteli: Vinogradov V.N., Erewenko M.D., Semenova L.E., Pokivajlova T.A. Dokumenty i materialy. M., 1996. S. 91-95.

5. Nekulche I. Op. chit. P. 246.

6. Ibid.

7. Istoricheskoe znachenie prisoedinenija Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ja k Rossii. Kishinev: Shtiinca, 1987. S. 36.

8. Mohov N.A. Moldavija jepohi feodalizma (Ot drevnejshih vremen do nachala XIX veka). Kishinev: Kartja Moldovenjaskje, 1964. S. 354.

9. Bessarabija na perekrestke evropejskoj diplomatii. S. 117,118.

10. Tam zhe.

11. Costin N. Scrieri. In doua volume. Vol. I. Chișinău. 1990. P. 384, 385; Jacimirskij A.I. Rumynskie rasskazy i legendy o Petre Velikom // Istoricheskij vestnik. 1903. № 5-6. S. 551.

12. Nekulche I. Op. chit., P.261.

13. Ibid. P. 257-268; Grazhul' V.S. Ukaz. soch., S.33.

14. Nekulche I. Op. chit. P. 251, 265, 271, 258, 259, 261.

15. Ibid. P. 376.

16. Ibid. PP. 257-270.

17. Russo A. Opere. Kishinjeu, 1967. P. 133, 134, 135; Bessarabija na perekrestke evropejskoj diplomatii. Avtory i sostaviteli: Vinogradov V.N., Erewenko M.D., Semenova L.E., Pokivajlova T.A. Dokumenty i materialy. M., 1996. S. 54-59; Mohov N.A. Moldavija jepohi feodalizma. Kishinev, 1964. S. 368, 369.

18. Kogjelnichanu M. Opere alese. Kishinjeu, 1966. P. 254.

19. Cit. po: Popovich K. Eminesku. Vjaca shi opera. Kishinjeu: Shtiinca, 1974. P. 310.

20. Stamati K. Opere alese. Kishinjeu. Kartja Moldovenjaskje. 1953. P. 259, 260.
21. Asaki G. Istoricheskie novelly. Kishinev: Kartja Moldovenjaskje, 1988. S.105
22. Podrobnnee sm.: Shornikov P.M. Moldavskaja samobytnost'. Tiraspol': Izd-vo PGU, 2007. S. 130-148.

Aleksandr Masan

«To the town Cherniavets on the 23rd day of this September» (About the Russo-Swede-Cossack Skirmish in Chernovtsy in 1709 and its International Ramifications)

1. Inaldzhik Galil'. Osmans'ka imperija: Klasichna doba 1300-1600. Kiiv, 1998. S. 51.
2. Voltaire. Leben Carls XII. Königs von Schweden. Nach der dritten und letzten Auflage aus dem Französischen übersetzt; mit nötigen Anmerkungen, Nachrichten und Urkunden versehen. Stockholm, 1733. S. 229-230.
3. Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. Malmö, 1948. Bd. 9. S. 90-91.
4. Nordberg G.A. Leben Karls des Zwölften, Königs in Schweden. Hamburg, 1746. Bd. 2. S. 172.
5. Krupnic'kij Boris. Get'man Pilip Orlik (1672-1742). Ogljad jogo politichnoī dijāl'nosti. Varshava, 1938. S. 25.
6. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. M., 1950. T. 9. Vyp. 1. № 3278.
7. Tam zhe. № 3386.
8. Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei de la Dabija-vodă pînă la a doua donnie a lui Constantin Mavrocordat (1661-1743) // Ureche G., Costin M., Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei...: Cronici / Îngr. textelor, glosar și indici de T. Celac. Chișinău, 1990. P. 364.
9. Masan O.M. Bukovina jak ob'ekt mizhnarodnih vidnosin z davnih chasiv do 1774 r. // Bukovina v konteksti evropejs'kih mizhnarodnih vidnosin. (Z davnih chasiv do seredini XX st.) / V.M. Botushans'kij, S.M. Gakman, Ju.I. Makar ta in. Chernivci, 2005. S. 122, 151-152.
10. Vlasova L.V. Moldavsko-pol'skie politicheskie svjazi v poslednej chetverti XVII – nachale XVIII v. Kishinev, 1980. S.127.
11. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii: dokumenty i materialy v 3-h t. M., 1970. T. 3. № 36.
12. Vlasova L.V. Moldavsko-pol'skie politicheskie svjazi. S. 131.
13. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 51.
14. Tam zhe. № 79.
15. Tam zhe. S. 377, prim. 161. Sm. takzhe: Masan O. Bukovinci v armijah inozemnih derzhav naprikinci XVII – na pochatku XVIII st. // Pitannja istorii Ukraïni: Zbir. nauk. statej. Chernivci, 2003. T. 6. S. 197-203.
16. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 109; Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knjazhestva (poslednjaja chetvert' XIV – nachalo XIX v.) / Otv. red. D.M. Dragnev. Kishinev, 1987. S. 241.

17. Krman D. Podorozhnij wodennik // Zhovten'. 1988. № 3. S. 91.
18. Tam zhe. S. 102-103.
19. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 108.
20. An extended commentary.
21. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 108.
22. Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.
23. Wickenhauser Franz Adolf. Bochetin, oder Geschichte der Stadt Cernăuz und ihrer Umgegend. Wien, 1874. 1. Heft. S. 46-47.
24. Friedrich von Miege. Topographische Beschreibung der Bukowina mit militärischen Anmerkungen / Hrsg. von Johann Polek. Czernowitz, 1897 (karta).
25. Werenka Daniel. Urkundliche Nachrichten über die Städte «Cecina» und «Tschernowitz» und deren Besitzverhältnisse im Jahre 1782. (Mit einem noch nicht veröffentlichten Plane) // XXXIII. Jahres-Bericht der gr.-or. Ober-Realschule in Czernowitz. Czernowitz, 1897. S. 31.
26. O nem sm.: Masan O. Cecins'ka derzhava. (Z istorii davn'oi chernivec'koï okolici) // Bukovins'kij zhurnal. Chernivci, 2007. Ch. 1. S. 47-59.
27. Kaindl Raimund Friedrich. Geschichte von Czernowitz von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Czernowitz, 1908. S. 179.
28. An extended commentary.
29. Kaindl Raimund Friedrich. Geschichte von Czernowitz. S. 169, 173.
30. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 108.
31. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. № 3452.
32. Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. S. 90-91.
33. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii. № 107.
34. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. № 3452.
35. Neculce Ion. Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.
36. Gyllenkrok Aksel // Encyklopedi och Konversationslexikon. S. 91.
37. Neculce Ion. Letopisețul Țării Moldovei. P. 365.
38. Ibid. P. 366.
39. Ibid.
40. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo knjazhestva. S. 241.
41. Turcija nakanune i posle Poltavskoj bitvy. (Glazami avstrijskogo diplomata). M., 1977. № 12.
42. Tam zhe. S. 96, prim. 53.
43. Tam zhe. № 13.
44. Voltaire. Op. cit. S. 230.
45. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo knjazhestva. S. 243.
46. An extended commentary.
47. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo knjazhestva. S. 246.
48. Subtel'nij O. Mazepinci. Ukraïns'kij separatizm na pochatku XVIII st. K., 1994. S. 77-82.
49. An extended commentary.
50. Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei. P. 400.
51. Ibid.
52. Ibid. P. 408-409.
53. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. M., 1964. T. 11. Vyp. 2. S. 577.

54. Neculce I. Letopiseșul Țării Moldovei. P. 411-412.
55. Sm.: Masan O. Hotins'kij zamok – viznachna pam'jatka seredn'ovichnoi moldovs'koï arhitekturi // Suceava: Anuarul complexului muzeal Bucovina. XXXI-XXXII-XXXIII. 2004-2005-2006. Suceava, 2007. P. 355-360; Husar A. Dincolo de ruine cetăți medievale. Iași, 2003. P. 74, 91, 181-182.
56. Neculce I. Letopiseșul Țării Moldovei. P. 422; Masan O. Bukovinci v armijah inozemnih derzhav naprikinci XVII – na pochatku XVIII st. // Pitannja istorii Ukraïni: Zbir. nauk. statej. Chernivci, 2003. T. 6. S. 197-203.

Sergei Suljak

The Russian Imperial Idea from Ivan the Third to Peter the Great: a View from the South-West Region of the Russian World

1. Dugin A.G. Proekt «Imperija» // Politika. № 34 (589) ot 15.09.2008 g. (<http://www.profile.ru/items/?item=27000> (data prosmotra: 01.06.2011)).
2. Ključevskij V.O. Sochinenija. T. I. Kurs rusckoj istorii. Ch. 1. M.; Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, 1956. S. 32-34.
3. Ključevskij V.O. Sochinenija. T. II. Kurs rusckoj istorii. Ch. 2. M.; Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, 1957. S. 10-14.
4. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. V. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1993. S. 208, 206.
5. Shmurlo E.F. Kurs rusckoj istorii. Vozniknovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva. SPb.: Izdatel'stvo «Aletejja», 2000. S. 206.
6. Solov'ev S.M. Sochinenija. Kn. II. Istorija Rossii s drevnejših vremen. T. III-IV. M.: Mysl', 1988. T. IV. S. 403.
7. Moskovskij paterik. Drevnejšie svjatye Moskovskoj zemli. M.; Cerkovno-naučnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija», 2003. S. 109.
8. Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istorija Rusckoj cerkvi. Kn. 3. Istorija rusckoj cerkvi v period postepenno go perehoda ee k samostojatel'nosti (1240-1589). T. IV. M.; Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrja, 1995. S. 26.
9. Shmurlo E.F. Kurs rusckoj istorii. Vozniknovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva. S. 208.
10. Solov'ev S.M. Sochinenija. Kn. III. Istorija Rossii s drevnejših vremen. T. V-VI. M.: Mysl', 1989. T. V. S. 141.
11. Ključevskij V.O. Sochinenija. T. II. Kurs rusckoj istorii. Ch. 2. S. 23.
12. Shmurlo E.F. Kurs rusckoj istorii. Vozniknovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva. S. 198-199; Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. V. S. 71).
13. Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii. Očerki jetnicheskoj istorii. SPb.: OOO Izdatel'skij dom «Kristall», 2002. S. 170; PSRL. T. 26. Vologodsko-Permskaja letopis'. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. S. 135-137; Ilovajskij D.I. Sobirатели Rusi. M.: Izdatel'stvo «Astrel'», S. 167-168; Skrynnikov R.G. Svjatiteli i vlasti. L.; Lenizdat, 1990. S. 74.

14. Suljak S.G. Oskolki Svjatoj Rusi. Očerki jetnicheskoj istorii rusnakov Moldavii. Kishinev: Izdatel'skij dom «Tat'jana», 2004. S. 56, 74.
15. Solov'ev S.M. Sochinenija. Kniga II. Istorija Rossii s drevnejših vremen. S. 641.
16. Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istorija Russkoj cerkvi. Kn. 5. Period razdelenija ruskoj cerkvi na dve mitropolii. M.; Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrja, 1996. T. IX. S. 28-32.
17. Tam zhe. S.39.
18. Russev N.D. Russkij mir i russkaja derzhavnost'. Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. redaktor S.G. Suljak. 2009. № 1 (15). S. 149-150.
19. Ključevskij V.O. Sochinenija. T. II. Kurs ruskoj istorii. Ch. 2. S. 122-124.
20. Vernadskij G.V. Istorija Rossii. Rossija v srednie veka. Tver'; M.: Izdatel'stvo «Lean», izdatel'stvo «Agaf», 2001. S. 21.
21. Vernadskij G.V. Istorija Rossii. Rossija v srednie veka. S. 107-112.
22. Platonov S.F. Polnyj kurs lekcij po ruskoj istorii. SPb.: Izdatel'skij dom «Litera», 2002. S. 165-166.
23. Vernadskij G.V. Istorija Rossii. Moskovskoe carstvo. Ch. 1. S. 20.
24. Shmurlo E.F. Kurs ruskoj istorii. Rus' i Litva. SPb.: Izdatel'stvo «Aletejja», 2000. S. 9.
25. Vernadskij G.V. Istorija Rossii. Moskovskoe carstvo. Ch. 1. S. 20-21.
26. Tam zhe. Ch. 1. S. 22.
27. Panarin A.S. Pravoslavnaja civilizacija v global'nom mire. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2003. S. 242.
28. Sinicina N.V. Tretij Rim. Istoki i jevoljucija ruskoj srednevekovoj koncepcii (XV-XVI vv. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 1998. S. 243.
29. Narochnickaja N.A. Rossija i russkie v mirovoj istorii. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2005. S. 122.
30. Bezobrazov P. Vizantijskij car' na moskovskom prestole // Istoricheskij vestnik. Maj. 1889. T. XXXVI. S. 306, 320.
31. Miljukov P.N. Očerki po istorii ruskoj kul'tury. Ch. 3. Nacionalizm i obwstvennoe mnenie. Vyp. 1. SPb., 1901. S. 36.
32. Ključevskij V.O. Kurs ruskoj istorii. Ch. 2. Sochinenija. T. II. S. 196.
33. Zimin A.A. I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Očerki po istorii ruskoj obwstvenno-politicheskoj mysli serediny XVI veka. M., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. S. 339-405; Sochinenija I. Peresvetova. Podgotovil tekst A.A. Zimin. M.; L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1956.
34. Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istorija Russkoj cerkvi. Kn. 6. Period samostojatel'nosti Russkoj cerkvi (1589-1881). Patriarshestvo v Rossii (1589-1720). M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1996. T. X. S. 35-40.
35. Savva V. Moskovskie cari i vizantijskie vasil'evsy. K voprosu o vlijanii Vizantii na obrazovanie carskoj vlasti moskovskih gosudarej. Har'kov, 1901. S. 385-386.
36. Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej. Dokumenty i materialy v treh tomah. T. II. 1648-1651 gody. M., 1954. S. 499-500; Makarij Bulgakov, mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istorija Russkoj cerkvi. Kn. 7. Period samostojatel'nosti Russkoj

cerkvi (1589-1881). M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyra, 1996. S. 27, 440-441, 34; Suljak S.G. Missija mitropolita Gedeona: neosuwestvlennyj geopoliticheskij proekt // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. redaktor S.G. Suljak. 2006. № 2 (4). S. 19-29.

37. Savva V. Moskovskie cari i vizantijskie vasilevsy. S. 398.

38. Tam zhe. S. 400.

39. Jenglund Peter. Poltava: Rasskaz o gibeli odnoj armii. http://militera.lib.ru/h/englund_p/29.html (data prosmotra: 01.06.2011).

40. Karpovich M.M. Imperskaja Rossija (1801-1917) // Vernadskij G.V. Istorija Rossii. Moskovskoe carstvo. Ch. 2. Tver'; M.: Izdatel'stvo «Lean», izdatel'stvo «Agraf», 2001. S. 292.

41. Ključevskij V.O. Sochinenija. T. V. Kurs russkoj istorii. Ch. 5. M.: Izdatel'stvo social'no-jekonomičeskij literatury, 1958. S. 39-40.

42. Vernadskij G.V. Nachertanie russkoj istorii. SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 2000. S. 259.

Aleksandr Ogui

The Pruth Campaign of Peter I and the Peculiarities of Monetary Circulation in Moldavia and Bucovina

1. Istorija Moldavii. T. 1. S drevnejših vremen do Velikoj Oktjabr'skoj socialističeskij revolucii / Red. A.D. Udal'cov, L.V. Cherepnin. Kishinev: Shkoala sovetikje, 1951; Istorija Moldavskoj SSR v dvuh tomah. T. 1. S drevnih vremen do Velikoj Otechestvennoj vojny / Red. L.V. Cherepnin, Ja.S. Grosul, Ju.G. Ivanov, M.A. Mohov i dr. Kishinev: Kartja Moldovenjaskje, 1960; Istorija Moldavskoj SSR s drevnejših vremen do nashih dnei / Red.V.I. Caranov, S.Ja. Aftenjuk, D.M. Dragnev i dr. Kishinev: Shtiinca, 1982; Istorija Moldavskoj SSR. T. 1: Pervobytno-obwestvennyj stroj; Obrazovanie Moldavskogo gosudarstva / Red. V.L. Janin, L.L. Polevoj, V.A. Dergachev i dr. Kishinev: Kartja Moldovenjaskje, 1987; Istoria românilor. Academia Română. Vol. IV: De la universalitatea creștină către Europa «Patriilor» / acad. Ștefănescu, C. Mureșanu, prof. T. Teoteoi (red.). București: Ed. Enciclopedică, 2001.

2. Oguj O.D. Monetno-lichil'ni najmenuvannja na Bukovini ta v Moldovi v kinci XIV - pershij tretini XIX st.: Problema polinominacij v adaptivnih terminologičnih sistemah. Chernivci: Ruta, 1997, S.93; Masan O. Pershi pohodi rosijs'kih vijs'k na Bukovinu (Z istorii mizhnarodnogo stanoviva kraju na pochatku XVIII st.) // Pitannja istorii Ukraïni: Zb.nauk.st. T. 3. Chernivci: Žoloti litavri, 1999. S. 244-253.

3. Masan O. Pershi pohodi rosijs'kih vijs'k na Bukovinu. S. 245-246.

4. Grabovec'kij V. Galichina: problemi seredn'ovičnoi i novoi istorii: Monografija. Iv.-Frankivs'k: Plaj, 2004. S.71.

5. Masan O. Pershi pohodi rosijs'kih vijs'k na Bukovinu. S. 248-252; Masan O.M. Bukovina jak ob'ekt mizhnarodnih vidnosin z davnih chasiv do 1774 r. // Bukovina v konteksti evropejs'kih mizhnarodnih vidnosin (z davnih chasiv do seredini XX st.). Chernivci: Ruta, 2005. S. 124-130.

6. Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei («... de la Dabija-vodă pînă la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat») // Letopisețul Țării Moldovei. Chișinău: Hyperion, 1990. R. 251-473 (dal'she: NI LTM. R. 365).

7. Jacenjuk G. Borot'ba za skarb get'mana Ivana Mazepi // Pitannja istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. T. 7. Chernivci: Zelena Bukovina, 2004. S. 28.

8. Masan O. Pershi pohodi rosij's'kih vijs'k na Bukovinu. S. 248-252; Masan O.M. Bukovina jak ob'ekt mizhnarodnih vidnosin. S. 124-130.

9. Zhurkovs'kij V. Istorija Bukovini (Geschichte der Bukowina) // Bukovina. Zagal'ne kraeznavstvo. Perevidannja vid. 1899 r. Chernivci: Zelena Bukovina, 2004. S. 379; Russev E. Dmitrij Kantemir – pobornik svobody i nezavisimosti Otchizny // Nasledie Dmitrija Kantemira i sovremenost' / Sost. H. Korbu, L. Chobanu. Kishinev: Kartja Moldovenjaskje, 1976. S. 33-37.

10. Zapiski brigadira Moro de Braze (kasajuwiesja Tureckogo pohoda 1711 goda) // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah. T. 8: Avtobiograficheskaja i istoricheskaja proza. M.: Nauka, AN SSSR, 1965. S. 416 (dalee: ZBMB).

11. Po: Russev E. Dmitrij Kantemir. S. 50.

12. Voennye kampanii obespechivali mestnyh ohotnikov dopolnitel'nymi dohodami.

13. Istorija Moldavii. T.1. 1951. S. 253.

14. ZBMB. S. 466, 470.

15. NI LTM. R. 400.

16. Krman D. Podorozhnyj wodennik (Itinerarium 1708-1709) / Per. iz slov. O. ta G. Bulahi. K.: Prosvita; Vid. im. O.Teligi. 1999. S. 131 (dalee: K PW. S.131).

17. An extended commentary.

18. Masan O.M. Bukovina jak ob'ekt mizhnarodnih vidnosin. S. 131.

19. Sm.: Pamuk S. A monetary history of the Ottoman Empire. Cambridge: Univ. Press, 2000. R. 100.

20. NI LTM. R. 412.

21. Oguj O.D. Monetni znahidki na Bukovini: sistemno-kvantitativne zistavlennja. Ch.: Ruta, 2008.

22. ZBMB. S.473.

23. Po: Russev E. Dmitrij Kantemir. S. 43.

24. Kogălnicheanu M. (publ.) Letopisețul Țării Moldovei. Op.1.1. Iași,1845. P. 116.

25. Sm.: Kahnt H., Knorr B. Alte Maße, Münzen und Gewichte. Ein Lexikon. Wien; Zürich; Mannheim: Bibliographisches Institut, 1987. S. 78.

26. Kogălnicheanu M. (publ.) Letopisețul Țării Moldovei. Op.1.1. Iași,1845. P. 128.

27. Sm. Uzdennikov V.V. Monety Rossii: 1700-1917. M.: Finansy i statistika, 1986. S. 415.

28. K PW. S.25.

29. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria românilor. In 44 vol. București, 1876-1944. Vol. XV, 2: 1601–1825. București, 1913. № 2787, R. 1474; № 2060, R. 1133.

30. Mel'nikova A.S. Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo: istorija russkoj denezhnoj sistemy s 1533 po 1682 god. M.: Finansy i statistika, 1989. S. 229.
31. Na jeto vremja dve russkie kopejki sootvetstvovali po sodержaniju serebra novomu polskomu trojaku.
32. Sm. Uzdennikov V.V. Monety Rossii. S. 413-414.
33. Oguj O.D. Monetni znahidki na Bukovini.

Georgii Kozholianko

The Liberation of Bukovina from the Turks during the Russo-Turkish War at the end of the 60's of the 18th C. and the Annexation of the Land by Austria

1. Renault L. Cent projets de partage de la Turquie. Paris, 1914. S. 186.
2. Kaindl R.F. Kaiser Joseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina. Czernowitz, 1896. S. 5.
3. Tam zhe. S. 11.
4. Kurilo V., Liwenko M., Timowuk B. i in. Pivnichna Bukovina, ii minule i suchasne. Uzhgorod, 1970. S. 11.
5. Kartina vojn Rossii i Turcii v carstvovanii imperatricy Ekateriny II i imperatora Aleksandra I. SPb., 1829. S. 27.
6. Kozholjanko G. Okkupacija Bukoviny Avstrije v 1774 g. / INION SSSR. Novaja sovetskaja i inostrannaja literatura po obwestvennym naukam. M., 1979. № 5. S. 5-8.
7. Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. Czernowitz, 1896, S. 12.
8. Tam zhe. S. 23.
9. Schuselka F. Deutschland, Polen und Russland. Hamburg, 1846. S. 116.
10. Polek J. Joseph II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1893. S. 9-10.
11. Wrenka D. Bukowinas Entstehen und Aufblühen Maria Therezias Zeit. Bd.1 (1772-1777). Wien, 1892. S. 11-12.
12. Kaindl R.F. Kaiser Joseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina. S. 5.
13. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. Bd. 3. Czernowitz, 1908. S. 10.
14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee - RGADA). F. 30. Op.1. Ed. hr. 5. L. 14.
15. Documente privind istoria României. Colecția E. de Hurmuzacki (seria noua). București, 1929. S. 11.
16. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. BdS. 11-12.
17. Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. S. 19.
18. RGADA. F. 20. Op.1. Ed. hr.123. L.4; F. 204. Op. 2. Ed. hr. 152. L. 3-7.
19. Chernovickij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv (ChOGA). F. 1178. Op. 1. Ed. hr. 1, l. 1-2; F. 1026. Op. 1. Ed. hr. 1. L. 1-3.
20. Kartina vojn Rossii i Turcii v carstvovanii imperatricy Ekateriny II i imperatora Aleksandra I. S. 28.

21. RGADA. F. 20. Op.1. Ed. hr. 130. L. 17.
22. RGADA. F. 204. Op. 1. Ed. hr.161. L. 12-14.
23. Polek J. Ruckblick auf die Forschungen zur Landes – und Volkskunde der Bukowina seit 1773. S. 3.
24. Morariu C. Bukowina, 1774-1914. București, 1914. C. 3-4.
25. Zieglauer F. Der Zushtand der Bukowina zur Zeit der Oesterreichischen Militar-Verwaltung (1780-1781). Czernowitz, 1895. C. 3.
26. Werenka D. Bukowinas Entstehen und Aufbluhen Maria Therezias Zeit. Bd.1 (1772-1777). Wien, 1892. C. 139.
27. Kartina vojn Rossii i Turcii v carstvovanii imperatricy Ekateriny II i imperatora Aleksandra I. C. 29.
28. Druzhinina E.I. Kjachuk-Kajnardzhijskij mir 1774 g. M., 1955. S. 318.
29. ChOGA. c. 272.
30. Beer A. Die Erste Theilung Polen. Wien, 1873. C. 159.
31. Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. C. 31.
32. Popescu-Spineni. Harta Bucovinei din anul 1774. București, 1943. C. 1-3.
33. Werenka D. Die Verhandlungen Oesterreichs mit der Turkei bezuglich der Erwerbung des «Bukowiner Distrikts» nach der Convention von 7.V.1775. Wien, 1892. C. 7.
34. Morariu C. Bukowina, 1774-1914. București, 1914. C. 22-23.
35. Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. C. 36.
36. Tam zhe. C. 24.
37. Werenka D. Bukowinas Entstehen und Aufbluhen Maria Therezias Zeit. S. 180-186.
38. Popescu-Spineni. Harta Bucovinei din anul 1774. S. 153.
39. Putlinger J. Uebersicht der Oesterreichischen Staatsvertrage. Wien, 1868. S.421.
40. Bidermann H. Die Bukowina unter Oesterreichischer Vervaltung, 1775-1875. Lemberg, 1876. S. 3.
41. Putlinger J. Uebersicht der Oesterreichischen Staatsvertrage. S. 422.
42. Beer A. Die Erste Theilung Polen. S. 271.

Vladimir Vasilik

Diplomatic Relations of the Russian State with the Moldavian and Wallachian Kingdoms in the 15th - 18th Centuries : Traditions and Tendencies

1. PSRL. Tom XXII. Russkij Hronograf. M., 2005. S. 503.
2. PSRL. T. XXXIX. Sofijskaja pervaja letopis'. C. 176.
3. Istoriografiju voprosa sm.: Semenova L.E. Moldavskoe knjazhestvo v mezhdunarodnyh otnoshenijah v Jugo-Vostochnoj Evrope vo vtoroj polovine XV v. // Moldavskoe knjazhestvo v mezhdunarodnyh otnoshenijah v Jugo-Vostochnoj Evrope vo vtoroj polovine XV v. // Sovetskoe slavjanovedenie. Nauka. 1984. № 5.
4. Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii v XV - nachale XVIII v. Dokumenty i materialy v 3-h tomah T. 1. M., 1965. S. 62.
5. Istoricheskie svidetel'stva. T. 1. S.73.

6. Sbornik Russkogo istoricheskogo obvestva. T. 35. S. 237-238.
7. Rossijskij Gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee RGADA.) F.389. Litovskaja metrika. Kn. 5. L. 239.
8. Zimin A.A. Rossiija na poroge novogo vremeni. M., 1972. S. 87.
9. Semenova L.E. Knjazhestva Moldavija i Valahija v XIV-XIX vv. M., 2006. S. 131.
10. Gonca G.V. Moldavija i osmanskaja agresija v konce XV - nachale XVI v. Kishinev, 1984. S.82-86.
11. Sb. RIO. T. 59. S. 58-60.
12. RGADA F. 389. Kn. 590. L. 174-178.
13. Istoricheskie svidetel'stva. T.1. S. 140-142. Sm. takzhe: Documente privotare la istoria Românilor. Culese de E. Hurmuzaki. București.1974.
14. RGADA. F. 68. Snoshenija Rossii s Moldaviej i Valahiej. Op. 2. 1639. D. 9. L. 1 Istoricheskie svedenija. T. 2. S. 42.
15. Tam zhe. Op. 1. 1639 g. D. 1. L. 4-11.
16. Tam zhe. F. 52. Op. 1. 1640.
17. RGADA F. 68. OP. 1. 1654 D. 2. L. 2-7. Sm. takzhe: Semenova L.E. Dunajskie knjazhestva v mezhdunarodnom kontekste v 50-e gody XVII v. // Russkaja i ukrainskaja diplomatija v Evrazii: 50-e g. XVII v. M., 2000. S. 115-131.

Aleksandr Kozholianko

Upper Podnestrovyje (Khotin Region) during the years of the Russo-Turkish War at the beginning of the 19th C.

1. Bukovina v konteksti evropejs'kih mizhnarodnih vidnosin (z davnih chasiv do seredini XX st.). Red. V.Botushans'kij, S.Gakman, Ju. Makar ta in. Chernivci, 2005. S. 251.
2. Tam zhe S. 250.
3. Chernivec'kij oblasnij derzhavnij arhiv (ChODA). F. 1. Op. 1. Spr. 1592. L. 3.
4. Beer A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag-Leipzig, 1883. S. 158.
5. Central'nij derzhavnij istorichnij arhiv Ukraïni u L'vovi (CDIA Ukraïni u L'vovi). F. 146. Op. 7. Spr. 160. Ark. 119.
6. Gazette de Varsovie. 19.VIII.1807.
7. Istorija Ukraïns'koï RSR. T. 1. K., 1967. S. 368.
8. Documente privotoare la Istoria Românilor culse de Eudoxiu de Hurmuzaki. Vol. XX. Cernaui, 1939. Dok. 17. Stor. 144.
9. Dimitrescu M. Politica lui Napoleon I, fața de Țările Române. București, 1922 S. 60.
10. Eichhorn J. Geschichte der drei letzten Jahrhunderte. Bd. II. Hannover, 1817. L. 905-906.
11. Nacional'nyj arhiv Respubliki Moldova (NA RM). F. 1. Op. 1. S. 1-3, 18; 6.
12. Tam zhe. S. 3711.
13. NA RM. F. 733. Op. 1. Spr. 1. S. 1.

14. ChODA. F. 988. Op. 1. Spr. 41. S. 137.
15. CDIA Ukraïni u L'vovi F. 146. Op. 4. Spr. 2108. S. 18-19.
16. Tam zhe. Spr. 2082. Ark. 15.
17. Strel'bickij I. Vladenija turok na materike Evropy s 1700 po 1879 god. SPb., 1879. S. 7.
18. Istoricheskoe znachenie prisoedinenija Bessarabii k Rossii v 1812 g. Kishinev, 1968.
19. Odes'kij oblasnij derzhavnij arhiv (OODA). F. 1. Op. 214. Spr.1-1816. S. 203.
20. Documente privitoare la Istoria Românilor culse de Eudoxiu de Hurmuzaki. Vol. XX. Cernauti, 1939. Dok. 17. S. 14.
21. NA RM. F. 1. Op. 1. Spr. 3711.
22. Tam zhe. Spr. 1883. S. 1-8.
23. Halinpa I.N. Opis' zemlevladenija i soslovnogo stroja naseleennja Bessarabii po dannym perepisi 1817 goda. / Trudy Bessarabskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. T. III. Kishinev, 1907. S. 4.
24. Tam zhe. S. 3-36.
25. ChODA. F. 1. Op. 214. Spr. 13/1812 r. S. 193-202.
26. ChODA. F. 605. Op. 1. Spr. 13 (Klirovyje vedomosti cerkovnyh prihodov Hotinskogo uezda za 1811 g.).
27. NA RM. F. 1. Op. 1. Spr. 5-7. Ark. 1-56. Spr. 816. S. 1-9.
28. Bukovina v konteksti evropejs'kih mizhnarodnih vidnosin (z davnih chasiv do seredini HH st.). S. 255-256.

Nikolai Chervenkov

Bulgarians in the Russo-Turkish War (1806-12): Political Ideas

1. Konobeev V.D. Russko-bolgarskie otnoshenija v 1806-1812 gg. // K istorii russko-bolgarskih otnoshenij. M., 1956. S. 208-209.
2. Konobeev V.D., Shatohina E.M. Iz istorii politicheskikh svjazej Rossii s rukovoditeljami nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija Bolgarii 1806-1812 gg. // Izvestija na Instituta za istorija., Sofija, 1968. S. 347-348.
3. Tam zhe. S. 347.
4. Kiselkov V. Sofronij Vrachanski, Sofija, 1963. S. 103-119.
5. Vneshnjaja politika Rossii HIIH i nachala HH v. Dokumenty Rossijskogo ministerstva inostrannyh del. Serija pervaja. T. IV. M., 1965. S. 623-624.
6. Konobeev V.D. Russko-bolgarskie otnoshenija... S. 246.
7. Dojnov S. Blgarskoto nacionalno-osvoboditel'no dvizhenie. 1800-1812. Sofija, 1979. S. 69.
8. Konobeev V.D., Shatohina E.M. Ukaz. soch. S. 275
9. Konobeev V.D. Russko-bolgarskie otnoshenija... S. 246.
10. AVPR. F. Kanceljarija. 1810. D. 1938. L. 171.
11. Konobeev V.D., Shatohina E.M. Ukaz. soch. S. 362-373.
12. Kiselkov V. Ukaz. soch. S. 97.
13. Sm.: Konobeev V.D., Shatohina E.M. Ukaz. soch. S. 337-379.

14. Tam zhe. S. 380.
15. Tam zhe. S. 381.
16. Tam zhe. S. 382-384.
17. Sm.: Grek I.F. Obwestvennoe dvizhenie i klassovaja bor'ba bolgar juga Rossii v konce 20-h – seredine 50-h gg. XIX v. Kishinev, 1988.
18. Arnaudov M. Sofronij Vrachanski. Sofija, 1943. S. 71-73.
19. Rajkov V., Konobeev V.D. Obrwenie na blgarskata emigracija v Bukuruw km blgarskija narod. // Izvestija na Narodnata biblioteka «Kiril i Metodij». T. XII. Sofija, 1970. S. 72-86.
20. Konobeev V.D. Blgarskoto nacionalno-osvoboditelno dvizhenie... S. 360-362.

Leonid MAIKOV

Princess Maria Cantemirova

1. Pohodnyj zhurnal 1711 goda. S. 49; Sbornik Imp. Russk. Istorich. Obwestva. T. XLIX. S. 114.
2. Histoire de l'empire Ottoman, par Demetrius Cantemir, prince de Moldavie. Traduite par m. de Jonquières. Pans. MDCCXLIII. T. 1. Rp. 114 et 115.
3. Slovo jeto bylo proizneseno maloletnim synom knjazja Dimitrija Serbanom 14 marta na grecheskom jazyke i togda zhe napechatano v perevode na russkij i latinskij.
 4. An extended commentary.
 5. Act rhyfico-medisa Asademiae Saesareae Leoroldino-Sarolinae, 1727) i V. R. Kohlii, Introductio in historiam literariam Slavorum. Altonaviae 1729. S. 26.
 6. Ob Il'inskom sm. Pekaraskogo «Nauka i literatura pri Petre». T. I. S. 233 i 236; Materialy dlja istorii Imperatorskoj Akademii nauk (zapiska G.-F. Millera). T. VI. S. 103; Sochinenija Tred'jakovskogo. T. I. S. 777 (izdanie Smirdina).
 7. An extended commentary.
 8. Das veränderte Russland. Frankfurt. 1744. I-er Th. S. 334.
 9. An extended commentary.
 10. Zapiski o Rossii pri Petre Velikom, izvlechennye iz bumag grafa Bassevicha. Perevod I. Ammona. M., 1866. S. 103 i 104.
 11. Sbornik Imp. Russk. Istorich. Obwestva. T. HL. S. 369-371.
 12. Mémoire historique sur l'ambassade de Franse à Sonstantinorle, rar le marquis de Vonnas. Rublié aves un rrésis de ses negotiations à la Rorte Ottomane par Sh. Sshefer. Raris. MDCCCXCVI. R. 121.
 13. Zapiski o Rossii pri Petre Velikom. S. 104.
 14. Sbornik Imp. Russk. Istorich. Obwestva. T. XLIX. S. 114 i 352; Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, 13. XI; Anecdotes Sherera. Londres. 1792. T. IV, i v Memoires du prince Pierre Dolgorouki. Génève. 1867; Arhiv knjazja Kurakina. T. I. S. 93 i Skazanija o rode knjazej Trubeckih. S. 183.
 15. An extended commentary.
 16. An extended commentary.
 17. Moskovskij arhiv ministerstva justicii, dela justic-kollegii, vjazka № 2491. D. 24.

18. Slova sekretarja prusskogo posol'stva I.-G. Fokerodta v E. Herrmanns *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands*. Leipzig, 1872. S. 98.
19. Sochinenija knjazja A. D. Kantemira. Izdanie I. A. Efremova. T. II. S. 344-349.
20. An extended commentary.
21. Sbornik Imp. Russk. Istorich. Obwestva. T. XCIV. S. 600-607; Korsakov D.A. Iz zhizni russkih dejatelej XVIII veka. S. 230-232.
22. An extended commentary.
23. An extended commentary.
24. An extended commentary.
25. An extended commentary.
26. Zhizn' grafa B.P. Sheremeteva. Rossijskoe sochinenie (F.G. Millera). SPb., 1808. S. 197. Knjazhna V.A. Cherkasskaja nikogda i vposledstvii ne poluchala frejlinskogo zvanija.
27. Satira IV po vtoroj redakcii, stihy 151-162.
28. Terewenko A.I. Opyt obozrenija zhizni sanovnikov, upravljavshih inostrannymi delami v Rossii. T. II. S. 302.
29. Sbornik Imp. R. Istor. Obwestva. T. LXVI. S. 253 i 313, sr. S.M. Solov'eva «Istorija Rossii». T. XIX (M., 1869). S. 330.
30. Sbornik Imp. R. Istor. Obwestva. T. LXVI. S. 398.
31. *Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie*. Londres. MDCCL. R. CIXX.
32. Korsakov D.A. Vocarenie imperatricy Anny Ioannovny. Stb. 215; Pamjatniki novoj russkoj istorii. T. I. S. 194-306; Russkij Arhiv. 1871. S. 035-070.
33. Russkij Arhiv. 1896. Ch. I. S. 100; Rossija i russkij dvor v pervoj polovine XVIII veka. Zapiski i zamechanija grafa Jernsta Miniha. SPb., 1891. S. 30.
34. Zapiski artillerii maiora M.V. Danilova. M., 1842. S. 64.
35. An extended commentary.
36. An extended commentary.
37. An extended commentary.
38. An extended commentary.
39. Svedenija o F.V. Naumove sm. v Russkom Arhive 1885 goda. Kn. I. S. 383 i Kn. II. S. 230, 232 i 289; v Russkoj Starine 1874 g. T. IX. S. 185, i 1878 g. T. XXIII. S. 743; v Sbornike Imp. Russk. Istor. Obwestva. Tt. 55, 56, 63, 69, 79, 84 i 94; v Pamjatnikah nov. russk. istorii. T. II. Otd. 2. S. 209; v sochinenii D.A. Korsakova: Vocarenie imperatricy Anny Ioannovny. S. 234 i v sochinenii P.N. Petrova: Istorija S.-Peterburga. S. 350.
40. Vnutrennij byt Russkogo gosudarstva 1740-1741 godov. Kn. I. S. 476.
41. *Orere del sonte Algarotti*. T. V. In Livorno. MDSSLHIV. Rr. 67, 74 -78.
42. Dnevnik kamer-junkera Berhgo'l'ca. Ch. II. S. 111-118.
43. An extended commentary.
44. Russkij Arhiv 1875 g. T. I. S. 116-120; Nizhegorodskij Sbornik, izdavaemyj A.S. Gacisskim. T. IX. S. 227-288.
45. An extended commentary.
46. Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvewenija 1887 g. № 12.

47. An extended commentary.
48. An extended commentary.
49. Chtenija v Mosk. Obw. istorii i drevn. ross. 1878. Kn. I. S. 97 i 98.
50. Sbornik Imp. Russk. Istor. Obwestva. T. 86. S. 573.
51. Tam zhe. T. 91. S. 107 i 108.
52. Sbornik Imper. Russk. Istor. Obwestva. T. 86. S. 226 i 227.
53. Tam zhe. S. 337.
54. Istoricheskija bumagi XVIII veka. Russkaja Beseda. 1860. Kn. II. Otd. 2. S. 187 i 188.
55. Chtenija v Mosk. Obwestve istorii i drevnostej Ross. 1878. Kn. 1. S. 6.
56. Tam zhe. S. 62, 77, 102, 107, 109 i 110.
57. Sbornik II otdel. Imp. Akad. Nauk. T. IX. Istoricheskija bumagi, sobrannye K.I. Arsen'evym. S. 135.
58. Zapiski Miniha-syna: Rossija i russkij dvor v pervoj polovine XVIII veka. SPb., 1891. S. 32-35.
59. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL. Pp. LXVI et LXVII.
60. An extended commentary.
61. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL. Rp. LXXX et LXXXI.
62. Pis'ma Kantemira k Zamboni i Ozorio izvestny nam iz soobwenij, prislannyh v Akademiju Nauk professorom V. N. Aleksandrenkom.
63. Sm. stat'ju prof. V.N. Aleksandrenka: «Perepiska barona M. A. Korfa s knjazem M.A. Obolenskim po povodu «Moskovskih pisem»» v Zhurnale Ministerstva Narodnogo Prosvewenija 1892 g. № 2.
64. Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Pp. LXIX et LXX.
65. Sochinenija Kantemira. T. I. S. 321, S. 160.
66. Sbornik Imp. Rus. Istor. Obwestva. T. 96. S. 348, 633-637, 648-657, 669 i 677.
67. An extended commentary.
68. Arhiv knjazja Voroncova. T. 1
69. Ob jetoj Ioanne sm.: Neblig. «Russische Günstlige». Pp. 213 i 249.
70. O Vishnevskom sm. v trude A.A. Vasil'chikova: Semejstvo Razumovskih. T. I. S. 3 i 4.

Documents on Moldavian History

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. 2. № 1324. S. 958-959.
2. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. M., 1962. T. 11. Vyp. 1. № 4436; Istoricheskie svjazi narodov SSSR i Rumynii v XV - nachale XVIII v. Dokumenty i materialy v 3 t.. T. 3: 1673-1711. M., 1970. T. 3. S. 378-379.
3. Istoricheskie svjazi narodov SSSR... T. 3. S. 380; RGADA. F. 68. Snoshenija Rossii s Moldaviej i Valahiej. 1711 g. № 3. L. 1 i dr.; Kirichenko N.P. K voprosu

ob uchastii moldavskogo naroda v Prutskom pohode russskoj armii 1711 goda // Uchenye zapiski. Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta. 1958. T. 8. S. 15-28.

4. Istoricheskie svjazi narodov SSSR... T. 3. S. 381 i dr.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>

e mail: magazin@malorus.org

Тел.: +7 (903) 53 44 218

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Василик Владимир Владимирович - диакон, кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ, доцент Санкт-Петербургской Православной духовной академии. fvasilik@mail.ru

Кожолянко Александр Георгиевич - кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича. alexkozholianko@gmail.com

Кожолянко Георгий Константинович - доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича. g_kogolianko@ukr.net

Масан Александр - кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета имени Ю. Федьковича. omasan@bigmir.net

Огуй Александр Дмитриевич - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Черновицкого национального университета им./. aloguy@inbox.ru

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдавия). sergei_suleak@rambler.ru

Червенков Николай Николаевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Таракийского государственного университета им. Г. Цамблака. journalrusyn@rambler.ru

Шорников Петр Михайлович - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. p_shornikov@km.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Vasilik - deacon, candidate of philological sciences and candidate of Theology, associate professor of the faculty of Slavic and Balkan history of the faculty of History of St. Petersburg University, associate professor of St. Petersburg Theological Academy. fvasilik@mail.ru

Aleksandr Kozholianko - candidate of history, assistant of the faculty of Ethnology of the Fedkovich National University of Chernovtsy. alexkozholianko@gmail.

Georgii Kozholianko - doctor of history, professor of the faculty of Ethnology of the Fedkovich National University of Chernovtsy. g_kozholianko@ukr.net

Aleksandr Masan - candidate of history, associate professor of the faculty of Ethnology of the Fedkovich National University of Chernovtsy. omasan@bigmir.net

Aleksandr Ogui - doctor of philology, professor, director of the faculty of Foreign Languages at the of the Fedkovich National University of Chernovtsy. aloguy@inbox.ru

Sergei Suljak - candidate of history, chief editor of the international historical journal «Rusin», president of the Association «Rus'». sergei_suleak@rambler.ru

Nikolai Chervenkov - doctor of history, professor of the faculty of History at the of the Camblak State University of Taraklija. journalrusyn@rambler.ru

Piotr Shornikov - candidate of history, associate professor of the faculty of Domestic History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of Shevchenko of Pridnestrovye. p_shornikov@km.ru

SUMMARY

Petr Shornikov

From Confederation - to Autonomy as part of Russia. The Pruth Campaign of the Russian Army and the Evolution of the Moldavian Ethno-State Project

In 1711 the ruler of Moldavia Dimitry Cantemir undertook an attempt to liberate his land from Turkish rule by way of including it into Russia on confederate terms. The Russian czar Peter I agreed to these terms and confirmed them in the text of the Treaty of Lutsk. But during the campaign of the Russian army into Moldavia the people accepted Peter as their own monarch although some of the boyars headed by a member of the government Jordake Russetom required from the Russian government a more tighter integration of Moldavia into Russia - on the terms of autonomy. During the following wars of Russia with the Ottoman Empire, the ruling circles of Moldavia persisted in the joining of the principedom to Russia even without demanding autonomy.

Aleksandr Masan

«To the town Cherniavets on the 23rd day of this September» (About the Russo-Swede-Cossack Skirmish in Chernovtsy in 1709 and its International Ramifications)

After the defeat in Poltava, the Swedish King Carl XII and his ally in the Ukraine Hetman Ivan Mazepa escaped to Moldavia, which was under Turkish rule at that time. The king hoped to go to Pomerania through Chernovtsy, where he had sent his regiment with nearly 560 men and 900 of Mazepa's cossacks, headed by General Axel Gyllenkrook. However, a brigade of the Russian calvary headed by the Brigadier Grigorii Cropotov took this regiment of soldiers as prisoners on the 23rd of September 1709. The Cossacks escaped to the south.

Sergei Suljak

The Russian Imperial Idea from Ivan the Third to Peter the Great: a View from the South-West Region of the Russian World

The stages of the creation of a Russian centralized state and the development of the idea of a Holy Orthodox Kingdom («Moscow - the Third Rome») is analyzed in the article. After the fall of the Tartar yoke, the Russian state undertook three tasks: an advance toward the Baltic, the reunification of the Russian lands, and the expansion to the east and south. The author shows the role of the native-born of South-West Rus' in the formation of Moscovite Rus' and later the Russian Empire and in the struggle for the preservation of the Russian Orthodox Church. The influence of those born in the Russo-Vlach Moldavian Duchy in the formation of the Russian Imperial Idea is emphasized.

Aleksandr Ogui

The Pruth Campaign of Peter I and the Peculiarities of Monetary Circulation in Moldavia and Bucovina

This article deals with the events preceding the Pruth Campaign (1711): The Peace of Karlowatz (1699) after the Polish-Turkish War, the Incident of Chernovtsy (1709) and the influence upon coin circulation in the territory of Moldavia and Bucovina, which can be seen in the coin findings as described by the author (Ogui 2008).

Georgii Kozholianko

The Liberation of Bukovina from the Turks during the Russo-Turkish War at the end of the 60's of the 18th C. and the Annexation of the Land by Austria

The questions of the liberation of Bukovina from Turkish rule by Russian forces

during the Russo-Turkish War (1768-1774) and the following occupation of the land by Austria are examined in the article.

Vladimir Vasilik

Diplomatic Relations of the Russian State with the Moldavian and Wallachian Kingdoms in the 15th - 18th Centuries : Traditions and Tendencies

In 2009 was the 530th anniversary from the day of the establishment of diplomatic relations between Russia and Moldavia. In 1479 the Moldavian Hospodar Stephan the Great sent an ambassador to Grand Prince Ivan the Great with the proposal of the marriage of his daughter Elena, the daughter of his marriage to the Kievan princess Eudokia, to Grand Prince Ivan Ivanovich the Young, son of Ivan the Great. The following Russo-Turkish Wars not only seriously lightened the situation of the Danubian Kingdoms but opened the way for the future liberation of the Rumanian lands.

Aleksandr Kozholianko

Upper Podnestrovye (Khotin Region) during the years of the Russo-Turkish War at the beginning of the 19th C.

The historical events of the Russo-Turkish War (1806-12) connected with Bukovina and the liberation of the Khotin Region by the Russian forces from Turkish-Moldavian Rule are examined in the article. Key Words: war, occupation, liberation, peace, politics

Nikolai Chervenkov

Bulgarians in the Russo-Turkish War (1806-12): Political Ideas

As a result of the Treaty of Bucharest (1812) the demands of the Bulgarian immigration put forward at the end of the Russo-Turkish War (1806-12) were under consideration by the Russian authorities. According to the terms of the Treaty, the Danubian Kingdoms and Serbia, as is known, were to be governed independently and thus prepared them for complete independence. Although in this document no mention of the Bulgarians was made, among the people the hope was that liberation would come thanks to the help of Russia.

Правила публикации в журнале «Русин»

Редколлегия журнала «Русин» принимает только статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилию, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес, почтовый адрес с индексом.

Статьи не должны превышать 1 а.л. (32 000 знаков с пробелами) с обязательной аннотацией на английском языке, сообщения – 0,5 а.л., рецензии – 0,2 а.л.

Члены редколлегии знакомятся с материалом и принимают решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются.

Формат текста

Абзац – отступ 1,27 см

Междустрочный интервал – 1,5

Шрифт Times New Roman, размер 14

Без переносов!

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е годы, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.

Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в.

Писать только полностью: так как, так называемые.

Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом: 4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн., млрд.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

Кавычки – только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: «"раз", два, три, "четыре"».

Сноски и ссылки в тексте оформляются в порядке следования в тексте арабскими цифрами. Различия между сносками, отсылающими к примечаниям или библиографическому описанию источников, не делается. Авторские примечания и библиографическое описание источников даются в конце статьи единым блоком.

Фамилии И.О. авторов – курсивом.

Сноски не автоматические, пронумерованные арабскими цифрами.

Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

Подписка на Международный исторический журнал «Русин»

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 192 стр.

Формат – А5.

Тематика: история населения Карпатской Руси.

Язык: русский, русинский, украинский. По согласованию с редакцией допускаются публикации и на других языках.

Постоянные рубрики: история, языкознание, знаменитые русины, публицистика, русинская библиография.

Стоимость подписки на один экз. с учетом почтовых услуг:

США и Канада: 8 USD (все комиссии платит подписчик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Европа: 6 EURO (все комиссии платит подписчик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Украина: 45 гривен;

Россия: 220 рублей;

Молдавия: 35 леев.

В платежном документе просим указать, за что перечислены деньги: за подписку на журнал «Русин», а также за какие номера и их количество.

Для того чтобы оформить подписку, необходимо перечислить необходимую сумму на счет Общественной ассоциации «Русь» и выслать письмо в адрес редакции или на электронный адрес sergei_suleak@rambler.ru

В письме необходимо указать почтовый адрес подписчика, номер платежного документа и перечисленную сумму. По возможности просим выслать копию платежного документа.

Subscription to the International Historical Journal «Rusin»

Regularity of Publication - once quarterly.

Number of Pages - 192.

Format - A5.

Themes: History of the Population of Carpathian Rus'.

Languages: Russian, Rusin, Ukrainian. Other languages are permitted in consultation with the editor.

Rubrics: History, Linguistics, Famous Rusins, Publications, Rusin Bibliography.

The rate of subscription for each edition including postage:

USA and Canada: 8 USD (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Europe: 6 EURO (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Ukraine: 45 GRIVNA;

Russia: 220 RUBLES;

Moldova: 35 LEI.

Please indicate in the payment orders which editions of «Rusin» and the number ordered. Money orders and cheques are made payable to: Association «Rus'» and mailed to the address of publication. Subscriptions may also be made by email sergei_suleak@rambler.ru

With the order please include the address of subscriber, copy and reference number of payment order.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ОПЛАТЫ:

USD

Intermediary Bank: Citibank N.A.
New York, N.Y
SWIFT Code: CITIUS33
Corresp. Acc. - 36141833
Beneficiary Bank: BC Victoriabank S.A.
Chisinau, Moldova
SWIFT: VICBMD2X
IBAN: 222400100181787
Asociatia Obsteasca «Rusi»

EURO

Intermediary Bank: Commerzbank AG Frankfurt am Main, Germany.
SWIFT Code: COBA DE FF
Corresp. Acc. - 400886414200
Beneficiary Bank: BC Victoriabank S.A. Chisinau, Moldova,
SWIFT: VICBMD2X
IBAN: 22516031078
Asociatia Obsteasca «Rusi»

РОССИЙСКИЕ РУБЛИ

Банк получатель: Сбербанк РФ
г. Москва.
БИК 044525225
К/с 30101810400000000225
ИНН 7707083893
КБ «Викториабанк» АО.
Р/с 30111810200000000220
Назначение платежа: за подписку на журнал «Русин»
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 22516031078

МОЛДАВСКИЕ ЛЕИ

Asociatia Obsteasca «Rusi»
Фискальный код 40038013
Расчетный счет 225100000181787 в BC «Victoriabank» SA, филиал 3.
Код банка VICBMD2X416
Назначение платежа: за подписку на журнал «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2011, № 1 (23)

Кишинев
Республиканская общественная ассоциация «Русь»,
2011. - 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (373 22) 27-02-84, 28-75-59, факс: 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 05.07.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 700 экз.
Заказ 261.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2011 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

МАРШ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

Знают турки нас и шведы,
И про нас известен свет,
На сраженья, на победы
Нас всегда сам Царь ведет.

С нами труд Он разделяет,
Перед нами Он в боях,
Счастьем всяк из нас считает
Умереть в Его глазах.

Славны были наши деды,
Помнит их и швед, и лях.
И парил орел победы
На Полтавских на полях.

Знамя их полка пленяет -
Русский штык наш боевой,
Он и нам напоминает,
Как ходили деды в бой.

Тверд еще наш штык граненый,
Голос чести не замолк.
Так пойдем вперед мы славно
Грудью - первый русский полк.

Государям по присяге
Верным полк наш был всегда.
В поле брани, не робея,
Грудью служит он всегда.

Преображенцы удалые,
Рады тешить мы Царя,
И солдаты боевые
Славны будут век, ура!

С появлением регулярной армии появилась и регулярная музыка: в 1711 г. был издан указ о штатах полковых оркестров. Мелодия знаменитого «Преображенского марша Петра Великого» создана неизвестным композитором ближе к концу правления российского императора, марш стал общим для всей русской армии. Четкость и скорость темпа (120 шагов в минуту) делали его незаменимым при военных походах и парадах. В екатерининское время, в конце XVIII в., в походах Преображенский марш пелся на слова поэта С. Марина: «Пойдем, братцы, за границу бить Отечества врагов...». А во второй половине XIX в. этот же марш исполняли на слова солдатской песни: «Славны были наши деды! Знают турки нас и шведы!».

